

ВАЛЕРИЙ ЛОНСКОЙ

ОРКЕСТРОВАЯ ЯМА

р а с с к а з ы

МОСКВА
БОСЛЕН

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л76

Художественное оформление
Артемия Лебедева

Л76 Лонской В.Я.
Оркестровая яма: рассказы / Валерий Лонской — М. :
ООО «Бослен», 2012. — 272 с.

ISBN 978-5-91187-174-1

Валерий Лонской — писатель и кинорежиссер, Народный артист РФ, член Союза кинематографистов и Московского союза писателей, автор нескольких книг прозы. В сборник рассказов «Оркестровая яма» вошли как публиковавшиеся ранее, так и новые произведения автора. Герои рассказов — обычные люди: рабочий, аспирант, бомж, работник театра, коммерсант, пьяница и пр., которых повествование застает в неожиданной, порой фантастической ситуации. В их жизни происходят удивительные и необъяснимые события, смысл которых, на первый взгляд, неясен. Но если хорошо присмотреться, то можно разглядеть, как в судьбах героев отражается судьба нашего общества, его история, замысловатая и противоречивая.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения праволадельца

ISBN 978-5-91187-174-1

© Лонской В.Я., 2012
© ООО «Бослен», 2012

Оркестровая яма

Театральный осветитель Скобелев, проходя по краю сцены, сорвался и упал в оркестровую яму. И пролежал в ней два дня — до того ему было там хорошо, что он решил остаться. Обнаружили его местные оркестранты, явившиеся на репетицию.

— Ты что здесь делаешь? — спросила скрипачка Фельдман, сорокалетняя дама, миловидное лицо которой портил не в меру длинный нос.

— Что делаю? Лежу, — отозвался Скобелев.

— И все?

— И все.

— Молодец! — сказала Фельдман. — Подвинься, мне надо поставить пюпитр, а твои ноги мешают... Если бы не сегодняшний день рождения мамы, я бы тоже здесь устроилась. Надоела пошлая жизнь!

— А я лягу, — заявил флейтист Птоломеев и, отложив в сторону свою флейту, лег на пол. Сняв предварительно ботинки для удобства.

— Хорошо я сегодня новые носки надел, — шепнул он Скобелеву.

Тот протянул ему руку.

— Иван.

— Эдик! — представился флейтист.

Скобелев улыбнулся.

— Ты знаешь, — сказал он, — я здесь вторые сутки... и вот занятная штука: курить не хочется! Веришь?

— А выпивать? — поинтересовалась Фельдман, словно была заядлой пьяницей.

— Тоже.

— Что же ты делал все это время? — спросил Птоломеев.

— Лежал... — Скобелев вновь улыбнулся. — Смотрел вверх... На небо... Там звезды. Красиво!

— Небо? Здесь? — Фельдман недоверчиво посмотрела на потолок, на котором висела огромная люстра.

— Если бы не путевка на Канары, — вздохнул виолончелист Давыдов, — и я бы к вам присоединился...

— Да брось ты свои Канары! Здесь лучше! — вздохнула Фельдман и вновь бросила взгляд на потолок.

Пришел дирижер. Началась репетиция.

— Попрошу с двенадцатой цифры! — сказал дирижер и постучал палочкой по пюпитру.

Скобелев и Птоломеев затихли.

Музыканты заиграли.

— По-моему, Дуркин на фаготе фальшивит... — тихо сказал Скобелев, обращаясь к Птоломееву.

— Я и без вас знаю! — громко прервал его дирижер. — Лежите тут — и лежите!

И ушел, обиженный, заявив, что на сегодня он записан к зубному врачу.

Музыканты посидели некоторое время молча, потом как-то дружно поднялись и шумно отправились в буфет.

Скобелев и Птоломеев остались в оркестровой яме одни.

— Жена будет ругаться, если я не приду домой, — задумчиво сказал Птоломеев. — Подумает, что был у любовницы...

— А ты иди, — сказал Скобелев, — я тут за двоих полежу...

— А твоя жена? Переживает, наверное, что тебя нет дома?

— Пусть поживет одна... Может, тогда поймет, что почем.

— Нет уж, никуда я не пойду! — заявил Птоломеев. — Мы теперь с тобой в одной связке, как пара гнедых...

Вечером шел спектакль без музыки. Точнее, она была, но не живая, ее давали в записи.

В яме было пусто и тихо.

Артисты ходили по сцене и несли отсебятину.

— Чего они там несут?! — удивлялся Птоломеев. — Врут безбожно! Нельзя так с «Дядей Ваней» Чехова.

— Да ладно, — мирно заметил Скобелев. — Зрители все равно ничего не поймут... Чей он дядя — Чехова или нашего главного режиссера — им без разницы! Они пришли на Веселовскую посмотреть!

Веселовская, следует сказать, была ведущей актрисой театра, много и удачно снималась в кино, и ее имя на афише буквально притягивало зрителей.

— Я не знаю, чего они нашли в этой Веселовской? — пожал плечами Птоломеев. — По мне, Кашина лучше... А впрочем, скорей бы ночь, как они мне все надоели!

После спектакля зрители долго хлопали, не желая отпускать Веселовскую. Они бросали ей цветы через

оркестровую яму. Один букет попал партнеру Веселовской в лицо. Тот грязно вполголоса выругался, но лежащие в яме Скобелев и Птоломеев хорошо слышали его.

Один из зрителей, прыщавый тщедушный молодой человек восемнадцати лет, полез грудью на борт оркестровой ямы, желая быть поближе к своему кумиру и чтобы та его заметила, когда он станет бросать букет.

— Куда ты лезешь?! — крикнул снизу Скобелев. — Подарил бы лучше цветы маме!

Голос лежащего в яме человека, возникший столь неожиданно, произвел на юношу такое сильное впечатление, что он не удержался на плюшевом бруствере и полетел вниз вместе со своим букетом.

— Нашего полку прибыло! — философски заметил флейтист и положил для удобства руку под голову.

— А зачем он нам? — спросил Скобелев. — Пусть идет к маме.

— Тебе что, жалко, если он здесь останется?

— Да нет, — согласился Скобелев. — Пусть лежит. Места хватит. Главное, чтобы он не портил воздух. Ты как насчет этого? — спросил он у юноши.

Испуганный юноша, потирая ушибленный бок, долго не мог понять, что здесь делают лежащие на полу люди и почему они обсуждают его судьбу.

Юноша понюхал свой букет — желтые розы со сломанными стеблями представляли печальный вид — и, отложив цветы в сторону, затих.

Сверху в яму заглянула Веселовская, желая узнать, жив ли упавший вниз поклонник. Каково же было ее удивление, когда вместо одного человека она увидела трех, лежащих на полу в вольных позах, как если бы

они лежали на пляже под щедрым солнцем итальянского юга.

— Боже! — воскликнула Веселовская. — Что вы там делаете?

— Пришли поболеть за Чехова, — отозвался флейтист.

— Потрясающе! — хмыкнула артистка.

И, продолжая кланяться, исчезла из поля зрения лежащих в яме.

Наверху еще некоторое время хлопали и слышались восторженные возгласы. Потом все стихло.

— Ты кто? — спросил Скобелев у юноши.

— Фанат, — печально констатировал тот.

— Это не профессия! Чем занимаешься?

— Студент...

— Тоже не профессия. Надо же пить, есть!.. Кто тебя кормит?

— Мама, — признался юноша.

— Тогда тебе не следует здесь оставаться, — заметил Птоломеев и пояснил: — Мама плакать будет!

Неожиданно в оркестровой яме, источая запах дорогих духов, с бутылкой шампанского и пластиковыми стаканчиками в руках, в сопровождении гримерши появилась Веселовская. Щеки ее пылали от возбуждения, глаза радостно блестели.

— Ребята! Мы к вам! — заявила она. — Давайте по глотку шампанского! Французское, настоящее!

— Не хочется... — сказал Скобелев. — Здесь и без шампанского хорошо.

— Глоток шампанского не повредит!

У юноши загорелись глаза, когда он увидел в двух шагах от себя обожаемую им женщину.

— Это вы?

— Я!

Гримерша разлила шампанское по стаканчикам.

— За Чехова! — предложила Веселовская.

— За Чехова... — согласился Птоломеев. И, не удержавшись, ядовито добавил: — Текст сегодня врали безбожно!

Лежащий Скобелев удержал его за руку.

— Будь добрее.

— Ты прав, — согласился флейтист.

Веселовская оглядела оркестровую яму.

— А здесь мило, — сказала она. — Никогда не думала, что тут так уютно... И сквозняков нет, как на сцене.

— Нам здесь тоже нравится, — сказал Птоломеев. — Это место незримо пропитано музыкой... Здесь играли Штрауса, Оффенбаха, Легара!

— А какое здесь ночью небо! — вздохнул мечтательно Скобелев.

— Небо? — удивилась Веселовская и так же, как утром Фельдман, посмотрела вверх на угасшую к этому времени люстру.

— И давно вы здесь? — спросила гримерша.

— Я — вторые сутки, — сказал Скобелев.

— А я — первый день, и мне хорошо! — сообщил флейтист. Затем кивнул в сторону юноши: — А молодой человек, как вам известно, появился здесь полчаса назад.

Веселовская глотнула шампанского.

— Ну а как насчет... — она замялась, — туалета для нужд и прочее?

— Здесь в этом нет необходимости, — ответил Скобелев.

— Как это?

— Вот так. Здесь и есть не хочется...

— Что же это, получается, вы святым духом питаетесь?

— Вроде того.

— Надо же!

Веселовская и гримерша, допив бутылку, ушли.

Ночью флейтист увидел небо. Оно как-то неожиданно распахнулось над залом, черное, будто бархатное, с множеством ярких мерцающих звезд. У Птоломеева перехватило дух. «Господи! — подумал он. — Все эти годы я делал непонятно что. И не видел этого неба!»

Скобелев, наблюдавший эту картину накануне, был готов к подобному преобразению потолка. В очередной раз на него снизошло умиротворение.

Юноша от пережитых волнений к этому времени уже крепко спал.

На другой день, отыграв положенный спектакль, Веселовская опять появилась в оркестровой яме. Была она в джинсах и свитере. В руках держала обшитую аппликацией подушечку. Следом за ней шла ее свита, состоявшая из трех человек: гримерши, подруги артистки — полноватой дамочки лет тридцати восьми с короткой стрижкой, и какого-то высокого мужчины с одухотворенным лицом и в очках. Каждый нес с собой по подушечке.

— Мы к вам! — заявила Веселовская. — Примете?

Юноша, несколько загрустивший к вечеру, увидел ее, оживился.

— Ну что же, — сказал Скобелев. — Располагайтесь!

— А как же ваши спектакли, Мария Ивановна? — спросил юноша. — У вас в этом месяце еще два Чехова и один Теннесси Уильямс.

— Обойдутся без меня — есть второй состав... — Веселовская сдвинула в сторону пюпитр и легла на пол, положив под голову принесенную подушечку.

Гримерша последовала ее примеру. А потом и подруга с мужчиной расположились на полу.

— Хотела взять с собой мобильник, — сказала Веселовская, — а потом подумала: ни к чему он здесь! Только отвлекать будет...

Некоторое время все молчали. Вновь прибывшие осваивались в новой среде обитания.

— Удивительное дело, — заметил Скобелев, обращаясь в пространство и трогая свои щеки, — у меня здесь щетина не растет.

— Слушай, Иван... — неожиданно обратился к нему Птоломеев. — Ведь ты же Скобелев?... Когда-то давно в городе стоял памятник какому-то Скобелеву... — И спросил, то ли в шутку, то ли всерьез: — Уж не тебе ли была оказана такая честь?

— Может, и мне... А может, моему предку, генералу, герою Шипки.

— Он, кажется, еще шашку держал в руке?

— Держал.

— За что ж его убрали?

— А кто его знает.

— Он был царский генерал. — Вмешался в разговор умный приятель Веселовской. — За это и убрали...

Опять некоторое время молчали.

— Какая-то в этой яме особенность, — вновь заговорил приятель Веселовской, поправив очки. — Воз-

дух, что ли, другой... Точно горный!.. Когда я путешествовал по Тибету...

— Лёва! — прервала его Веселовская. — Забудь о своем Тибете... Полежим молча.

Спектакль на другой день все же отменили — ввиду отсутствия Веселовской.

В зале было темно и тихо. Только звезды нет-нет да и поблескивали над оркестровой ямой ночью. И посапывал во сне юноша, поклонник Веселовской.

На следующее утро приятель Веселовской вдруг радостно сообщил своим товарищам:

— Вы знаете, друзья, второй день у меня ничего не болит... Печень неделю мучила, а теперь — ничего... Словно ее вынули!

Через двое суток к лежащим в оркестровой яме присоединилась большая часть труппы во главе с главным режиссером. Дирижер отказался последовать их примеру, сославшись на то, что не долечил зубы. Отказалась и актриса Кашина, которую упоминал Птоломеев, сравнивая ее с Веселовской. Видимо, не хотела находиться со своей конкуренткой в одном месте.

Работу театра парализовало. Спектакли перестали играть. Попросту играть было некому.

Вскоре к артистам присоединились музыканты и работники цехов. Места всем хватило.

Примерно через неделю после того как перестали играть спектакли, в театре появился представитель министерства культуры, гладкий человек с кислым выражением круглого лица, посланный выяснить, по какой причине один из ведущих городских театров прекратил работу. В чем дело? Ведь недавно театру выделили крупную денежную сумму в качестве дотации.

Уяснив, что произошло, и немного поколебавшись, представитель министерства тоже залег в оркестровой яме. Отправив предварительно сопровождавшего его помощника к своей жене, чтобы тот передал ей конверт с зарплатой, которую обладатель кислого лица получил в этот день перед отъездом в театр.

На двенадцатый день, желая разобраться в случившемся, в театре появился полковник милиции, направленный туда городской властью. Долго ходил в сопровождении местного охранника по пустым коридорам. Приглядывался, принимался... Зашел в зал. Услышал приглушенные голоса в оркестровой яме, подошел.

— Мать моя! — воскликнул он, увидев в яме множество людей, лежащих с блаженными лицами.

— Я отчетливо вижу свое прошлое... — сказал главный режиссер, глядя в пространство. — Ну просто живые картины!

— И я вижу, — заявила скрипачка Фельдман и от удовольствия почесала кончик своего длинного носа.

— Они что, наркоманы? — спросил полковник милиции у охранника.

— Нет.

— Чего же они... здесь лежат?

— Им нравится.

— Ясно, — сказал полковник. И обратился к лежащим в оркестровой яме: — Хотите лежать, граждане, лежите... Но придется бабки платить.

— За что?! — резко вскинул голову главный режиссер, вернувшись из своих живых картин.

— За то, что лежите в неподобающем месте, да еще в таком количестве! Вас тут как сельдей... Антисани-

тария! А я вас крышевать буду. И вас никто не тронет. Лежите тогда хоть до Всемирного потопа!

— Мы не можем платить, мы сюда без денег пришли, — сказал главный режиссер. — Они здесь нам ни к чему.

— Тогда я закрою вашу лавочку!

— Попробуй! — засмеялась Веселовская.

Полковник милиции узнал известную артистку. Поначалу лицо его смягчилось, потом вновь приняло суровое выражение.

— А вас я оштрафую за то, что лежите с женщиной, с которым не состоите в браке! Я знаю вашего мужа.

— Эх что вспомнили! Я развелась два года назад, — заявила Веселовская.

— Здесь все так лежат. В браке ты или нет... — заметил Птоломеев. И, вынув из футляра свою флейту, сыграл несколько пассажей.

Милицейский полковник налился краской.

— Что же получается, у вас здесь вроде Содом и Гоморра?! — воскликнул он. Видимо, образованный был мужик. Прочитал в молодые годы с десяток книжек.

— Сам ты Гоморра! — обиделся Скобелев, услышавший эти слова впервые.

Полковник побелел от бешенства.

— Сейчас я вызову наряд!

— Слушай, командир! — заявил рабочий сцены Копытов, в прошлом боксер-тяжеловес. — Не гони пургу! — И перевернулся на другой бок.

— Послушайте, полковник! — привстал со своего места работник министерства культуры. И вынул из кармана свое фирменное министерское удостоверение, которое не раз производило впечатление на со-

трудников ДПС. — Ступайте подобру-поздорову! А не то я вам звездочки на погонах поотрубую!

Полковник заглянул в удостоверение.

— Понятно, — сказал он невозмутимо. — Где купил? Я тебе на любом базаре с десяток таких куплю!

— Это не фальшивка, а настоящее удостоверение.
Я — Молодухин, из министерства культуры.

Полковник протянул руку за удостоверением.

— Покажи.

Ничего не подозревающий работник министерства культуры приблизился к борту оркестровой ямы и с важным видом протянул свою корочку.

— Типичная фальшивка! — заявил полковник и убрал удостоверение в карман.

Обескураженный работник министерства культуры махнул рукой и вернулся на свое место, понимая, что спорить с полковником бесполезно.

— Слушайте! — возбудилась Фельдман. — Откуда он взялся, этот полковник?.. Мы так хорошо лежали... Я ушла из этой пошлой жизни, а он меня туда обратно тянет... Избавьтесь от него!

— Я б его пристрелил, — заявил флегматично Копытов, почесав грудь, — но за ним придет другой... Может быть, еще хуже.

— Давайте скинемся, у кого сколько есть, и пусть уматывает отсюда! — заявила подруга Веселовской и потянулась к своей сумочке.

— Он через неделю вернется, — сказал Птоломеев. — У меня сестра косметический салон держит... Так к ней такие короеды по три раза в месяц бегают!

— Тогда пусть убирается вон! — воскликнула Фельдман.

Полковник нахмурился. Вынул из кармана мобильный телефон. Вызвал группу спецназа. И перед тем как уйти, ткнул в Фельдман пальцем:

— А вас я запомню!..

— В Освенцим сошлете? — спросила скрипачка.

— Зачем так далеко? Можно и поближе... — И удалился, расправив свои молодецкие плечи.

Два десятка крепких парней в камуфляже, явившиеся по звонку полковника, узнав, в чем деле, отказались выдвирать людей из ямы. У командира батальона сестра работала в театре костюмером, она тоже лежала в яме. А у капитана Чижова брат-близнец служил артистом и также находился здесь.

— Пошли, ребята, отсюда! — сказал командир батальона. — Пусть лежат — кому они мешают? У меня свадьба через два дня, а то бы я тоже...

— Что значит — кому они мешают? — опешил полковник. — Театр бездействует, местный народ лишен культуры!

— Послушай, брат! — прервал его фамильярно командир батальона. — Я тебя понимаю... Но иди удить рыбу в другом месте!

И солдаты удалились, прошествовав по проходу между кресел, стуча тяжелыми спецназовскими ботинками.

Полковнику ничего не оставалось, как последовать за ними.

Его уход лежащие в яме встретили дружными аплодисментами. После чего атмосфера оживилась, слышались шутки, смех.

— Все-таки есть справедливость, друзья мои! — воскликнул главный режиссер.

На следующий день к театру, как к ленинскому мавзолею, потянулись толпы людей. Все хотели посмотреть на лежащих в оркестровой яме: как они там? Действительно ли им там хорошо? А некоторые любопытные имели тайную думу присоединиться к счастливым, но боялись, что их могут не пустить ввиду того, что они не являются сотрудниками театра.

Для охраны порядка на улице и в театре выставили милиционеров.

Люди шли через фойе в зрительный зал, переговариваясь шепотом, как на похоронах. Поток безостановочно тянулся вдоль оркестровой ямы. Малорослым приходилось вставать на цыпочки, чтобы заглянуть через обитый плюшем барьер. Картина, увиденная там, вызывала на лицах просветление (счастливые люди, в одном месте — и столько!), хотелось замедлить шаг. Но идущие сзади напирали, подгоняя тормозивших недовольными репликами, произносимыми шепотом.

Лежащие в яме, помимо благостного умиротворения, в котором они пребывали, испытывали еще и чувство воодушевления от того, что стали объектом интереса множества людей.

Какой-то светлоголовый мальчик лет четырех, сидящий на плечах отца, громко заявил:

— Я тоже туда хочу!

— Тебе туда рано! — заметил шепотом отец. — Подрасти сперва, набей шишек...

И они уплыли через боковую дверь в фойе, влекомые возбужденным людским потоком.

На улице образовалась еще одна очередь. Там активисты-доброхоты с тетрадками в руках записывали

желающих получить место в оркестровой яме. Объясняли, когда приходится отмечаться.

Глава района, узнав о происходящем и о паломничестве народа к оркестровой яме, усмотрел в этом неуважение к власти. И чтобы прекратить беспорядок, приказал залить театр водой. Подогнать несколько пожарных машин, подключиться к гидрантам и обрушить всю мощь брандспойтов на зрительный зал и оркестровую яму. «Лежащие разбегутся, — рассуждал он, — или потонут... А потонут — беда небольшая. Нечего порядок нарушать!» — «Как это — залить водой? — растерялись его помощники. — Что мы скажем людям?» — «Людям скажем, что в театре прорвало трубу. Или был пожар. И что есть жертвы. Народ привык к подобным потерям».

В ночное время к театру подогнали несколько пожарных машин. У пожарных, которых оторвали от игры в домино и бутербродов, не было родственников и приятелей в оркестровой яме, кроме того, им пообещали хорошие премиальные за работу. И они, не предаваясь гуманным чувствам, приступили к выполнению своих обязанностей. Размотали шланги, протянули их в фойе, определили точки, откуда сподручнее лить воду... Но тут выяснилось, что возле театра имеется лишь один гидрант, да и тот не в рабочем состоянии. Водить воду из других мест посчитали затеей неразумной. Это сколько же надо привезти воды, чтобы залить зрительный зал водой хотя бы на высоту кресел?! Благо бы был пожар, а так... непонятное баловство! Матерясь, ругая начальство, пожарные смотали шланги и отправились восвояси.

На другой день все городское начальство, собравшись в большом кабинете под портретами отцов

нации, взволнованно обсуждало, что же предпринять для устранения беспорядка в очаге культуры. Одни предлагали сбросить сверху на здание театра небольшую бомбу и разом покончить с опасным «лежбищем» и смутой вокруг него. «Вы что?! — увещевали их другие. — Это же один из центральных районов города! Поблизости десятки зданий! Пострадают люди!» — «Но надо что-то делать! — наседали на них горячие головы. — Эдак все возьмут и залягут в оркестровой яме! Что тогда? Кто работать будет?..» — «Не залягут, — отвечали поборники гуманных мер. — Там места всем не хватит!» — «Вы думаете? Говорят, эта яма какая-то безразмерная... При желании в ней все городское население можно разместить!» — «Да что вы?! Тем более нужны хирургические меры!»

Просидели почти весь день, но так ничего и не решило. Пошли обедать в свою ведомственную столовую и пить коньяк.

Один из тех, кто ратовал за решительные меры, работая вилкой, время от времени поглядывал туманно на референта своего коллеги, молодую модную женщину с темными блестящими глазами, — она пила апельсиновый сок из длинного стакана, томно касаясь его края губами в ярко-красной помаде. Он словно увидел ее впервые, хотя неоднократно встречал на совещаниях ранее. Обладательница лукавых искрящихся глаз перехватила его взгляд и ответила загадочной улыбкой. «А что если все бросить к чертовой матери, — подумал он, — и отправиться в круиз по Средиземному морю? С нею... Отдельная каюта, бар, капитан в морской фуражке...»

Ночью городское начальство дружно ворочалось в своих постелях с боку на бок, не в силах уснуть. Пило валокордин, курило, выпуская дым в форточку. Думы о мятежных людях театра, круто поменявших свою жизнь, будоражили сановные головы.

А в оркестровой яме царила атмосфера благодушия и взаимной любви. Птоломеев играл на флейте — он был один из тех, у кого оказался с собой инструмент. Веселовская проговаривала вполголоса монолог Елены Андреевны из «Дяди Вани», устремив глаза на ночное звездное небо, словно хотела поведать кому-то там, на далеких планетах, что-то весьма важное и крайне необходимое для дальнейшего движения жизни. Влюбленный в нее юноша сочинял стихи... Обустроившиеся в оркестровой яме не ведали, что отцы города не на шутку озабочены их судьбой. Отрешив себя от всяких связей с внешним миром, люди пребывали в состоянии внутреннего покоя и, размышляя о былом, находили ответы на многие вопросы, на которые прежде ответов не имели. Теперь уже все сотрудники театра, включая вахтеров, находились здесь. Ко многим присоединились родственники. Только дирижер все еще маялся на стороне, уверяя, что не долечил зубы.

Утром тот, кто ратовал за решительные меры, скорчившись на заднем сиденье, точно больной, ехал в своей персональной машине с мигалкой, тревожно мерцавшей поверх крыши над его головой, и словно отражая его мучительные думы. Мысли плохо спавшего ночью начальника прыгали от мятежного театра, с которым надо было что-то решать, к миловидной референтке, неожиданно зацепившей его за сердце, а от референтки — бежали в обратном направлении.

— Давай к театру! — велел он водителю, хотя не отдавал себе отчета, с какой целью поедет туда. Решения вопроса не было.

Подъехав к театру, он вышел из машины и некоторое время тупо смотрел на его серый облупившийся в некоторых местах фасад. Ветер трепал его волосы. Жизнь показалась ему никчемной. Он вынул из кармана мобильный телефон и набрал номер референтки.

— Это я, — сказал он.

— Я поняла... — отозвался в трубке ее мелодичный голос.

У него стало как-то легче на душе.

— Я у театра... — сообщил он. — У того самого... — и замялся, не зная, что сказать еще. Вдруг его словно пронзил электрический разряд: — Приезжай сюда! — И добавил уж нечто совсем неожиданное: — Может быть, заглянем... в оркестровую яму? Посмотрим, что и как...

— Может быть... — неожиданно согласилась она.

Коктейль

Однажды бармен Чирьев, как обычно, химичил у себя за стойкой, занимаясь приготовлением коктейлей: вместо французского коньяка лил в бокал низкосортную «армянскую» подделку, а вместо текилы — обычную водку. Что-то еще добавлял для крепости и вкуса, с целью окончательно запутать любителей подобных напитков.

Один из тех, кто в данную минуту сидел у стойки бара, блондин с помятым лицом, с мало подходящей ему фамилией Цыганов (или Цыганов, впрочем, за точность ударения автор не ручается), выпив пойло, которое ему подсунул Чирьев, насадив на край длинного стакана кружок лимона и ткнув между кубиков льда листочек мяты и соломинку, пошел красными пятнами. А затем неожиданно сорвался со своего места, взлетел под потолок и повис там, словно прилип к нему затылком.

— Что с тобой? — дружно выдохнули сидящие в баре, задрав головы к потолку.

— Не знаю... Выпил коктейль... — растерянно отозвался сверху Цыганов и как марионетка в театре

кукол поболтал ногами, надеясь если не опуститься обратно, то хотя бы сместиться чуть в сторону — по-дальше от слепившей его люстры.

— Я всегда говорил, пить надо только чистые напитки, а любая мешанина до добра не доводит! — громко заявил мрачный человек по имени Боря. — К тому же неизвестно, какую гадость он туда льет! — добавил он и бросил хмурый взгляд на бармена.

— Что значит — гадость?! — возмутился Чирьев. — Не нравится — не ходи! А ты здесь сутками сидишь! Куда только жена твоя смотрит? Или ты не по этой части, а по другой?..

— Сам ты...

Перепадку прервал голос Цыганова:

— Снимите меня отсюда!

Народ в баре задумался. Бар, как и ресторан по соседству, занимал часть помещения, где раньше находился спортивный зал. Потолок там был расположен довольно высоко — метрах в десяти от пола. И как добраться до него, представить было трудно. Даже если притащить стремянку, не долезешь.

— Попробуй оттолкнись от потолка руками! — воскликнул пышущий здоровьем толстяк, которого заведущая видели здесь впервые.

Цыганов оттолкнулся и, отлетев вниз на метр, вновь устремился к потолку затылком. При этом ударился головой, отчего его лицо страдальчески скривилось.

— Не получается... — крикнул он вниз.

— Вот незадача! — огорчились присутствующие.

— Ты его напоил, ты его и снимай! — сказал мрачный Боря бармену. — Меня от водки к небесам не возносит, наоборот, бывает, к земле притягивает!..

— А я-то здесь при чем?! — отозвался раздраженно Чирьев. — Вон, — он кивнул на двух клиентов, — тоже пили коктейли, и ничего... — Но как-то нехорошо у него засосало под ложечкой: вот неприятность! Явится милиция, начнут выяснять, что да как. Глядишь, еще стакан возьмут на анализ, и выяснится, какого качества напиток он использовал.

Чирьев хотел убрать пустой бокал, но толстяк решительно перехватил его.

— Не спеши! Надо анализ сделать, чтобы понять, отчего этот парень взлетел.

— Может, он сам по себе взлетел... — отозвался Чирьев.

— Так не бывает, — ухмыльнулся толстяк.

— Верно! Не отдавай бокал! — поддержал его Боря. — На экспертизу отдадим! Пусть разберутся, отчего человек к потолку улетел.

— Давайте, давайте! — огрызнулся бармен. — Но потом в долг налить у меня не просите!

— Может, кто-то вспомнит обо мне? — вновь донесся с потолка голос страдальца.

— Расслабься! — крикнул ему интеллигентного вида гражданин в темных очках по фамилии Мантулин. — Ты же в воздухе висишь! Как птица! Разве плохо? Я бы тоже хотел, но, как видишь, сажу! Так что получай удовольствие!

— Я хочу на землю! — скорбно заявил Цыганов.

— Успеешь еще, — утешил его Мантулин. — Хули на земле? Одна суета!

— Меня дома жена ждет, — признался Цыганов. — Я обещал зайти сюда на пять минут... Мы сегодня в театр идем.

— Позвони ей и скажи: так, мол, и так — завис! И с театром пока неясность! — предложил Боря. И мрачно сказал Чирьеву: — Налей мне, алхимик, еще сто!

Бармен нехотя взял мерный стаканчик, налил туда водки, перелил ее в стопку и придвинул стопку к Боре. «Упейся!» — говорил его взгляд.

— А ведь верно — позвони домой, чтоб не волновалась, — сказал толстяк, не выпуская из рук стакан Цыганова.

— Что я жене скажу? Что к потолку прилип? — спросил Цыганов.

— Это верно, — согласился толстяк и задумался.

Тем не менее висящий под потолком Цыганов порывался в карманах, болтая ногами, извлек мобильный телефон и аккуратно, боясь уронить его вниз, набрал номер.

Сидящие в баре и Чирьев за стойкой устремили головы вверх, в ожидании предстоящего разговора.

— Тань! — сказал Цыганов, услышав в трубке голос жены. — Я еще в баре... Почему не иду домой?.. Видишь ли, я выпил коктейль и взлетел к потолку! Слово воздушный шарик!.. Нет, это не чушь! Тань! Я абсолютно трезвый! — Он отнял трубку от уха и тоскливо посмотрел вниз. — Отключилась...

— Что она сказала? — спросил толстяк, хотя по ответам Цыганова можно было догадаться, что ему говорила жена.

— Она не поверила...

Уборщица, до того вытиравшая тряпкой один из столиков, теперь тоже смотрела вверх, привлеченная необычностью происходящего.

— Я бы тоже не поверила! Ну посудите сами, если бы вам сказали, что ваш муж улетел к потолку.

— Ну и зря! — сказал Боря. — Жена должна верить мужу!

— Снимите меня отсюда! — попросил Цыганов.

— Как? Скажи! — опять озадачились все.

— Слушай! — сказал Мантулин бармену. — Вспомни, что ты ему наливал.

— Все как обычно, — сказал Чирьев. — Согласно рецептуре...

— Сделай ему еще такой же коктейль! — сказал Мантулин. — Может, вторая порция как противоядие подействует?

— Я-то сделаю, а как ему туда доставить?

Мрачный Боря, разделавшись со своей порцией водки, протяжно вздохнул.

— А если вызвать пожарных? У них есть длинные лестницы... Как раз до потолка!

— Какие пожарные? Какая лестница? — поморщился Чирьев, мучительно думая, что же предпринять. — Вы бы еще предложили пожарную машину сюда загнать!

— Ты все же сделай коктейль, сделай, — настоятельно потребовал Мантулин. — А лучше два. Один — мне, другой — ему... Если сработает, я ему передам!

— Молодец! — одобрил Боря. — Заношу тебя в списки героев Сталинграда.

— Между прочим, — раздался сверху голос, — я хочу в туалет — помочиться... Долго терпеть не смогу! У меня простатит!

— А ты лей вниз, — посоветовал Мантулин, — прямо на того, кто тебя туда запустил!

— Что значит — лей вниз? — возмутилась уборщица. — А мне за вами подтирать?.. Вроде взрослые мужики, а несете непотребство!

Чирьев посмотрел вверх, прикидывая, куда попадет Цыганов, если надумает помочиться.

— Принеси таз, — велел он уборщице, — и поставь вот сюда... Вдруг он и вправду даст течь.

В бар вошла полноватая брюнетка с решительным лицом, оглядела собравшихся.

— Вам чего? — спросил Чирьев. Он не любил таких решительных особ.

— Где-то здесь должен быть мой муж... Звонил отсюда по телефону, какую-то чушь нес!

— Не этот ли? — спросил толстяк и указал на потолок.

— Тань! Я тут! — раздался сверху голос.

Женщина посмотрела вверх и утратила дар речи.

— Что ты там делаешь?! — набросилась она на Цыганова, когда справилась с потрясением. — Немедленно спускайся вниз! У нас билеты в театр!

— Не могу! Не получается...

— Как ты там оказался?

— Выпил коктейль, — объяснил мрачный Боря, — и взлетел! Уже минут тридцать сидит на орбите.

— Бред какой-то! — Жена Цыганова опустила на стул. — Он же не ракетное топливо пил!

— И тем не менее взлетел, — сказал Мантулин. — Пытаюсь добиться от этого малого, — он кивнул на Чирьева, — что он ему в коктейль намешал... И мне, говорю, налей того же, может, и я взлечу... Я б тогда веревку мог туда доставить. И парня за веревку стащили бы вниз!

— Надо в милицию сообщить, — сказала жена Цыганова, — чтобы они разобрались, чем вы здесь клиентов поите!

— Чем надо, тем и поим! — буркнул Чирьев. — Мы народ законопослушный, у нас все по рецептуре...

— Почему же у вас тогда люди взлетают?

— Сам не знаю, — признался бармен. — Первый случай!

— Ты мне нальешь коктейль или что? — строго поинтересовался Мантулин.

Чирьев придвинул ему бокал с коктейлем, сунув предварительно в него соломинку.

— Веревку давайте! — попросил Мантулин.

Уборщица сбегала в подсобку и принесла моток бельевой веревки.

Мантулин обвязался веревкой, взял бокал в руку. Выбросил из него соломинку, снял с края кружок лимона, чтобы не мешал.

— Значит, здесь то, что пил этот парень?

— Один к одному, — подтвердил Чирьев.

Сидящие в баре, включая жену Цыганова, дружно уставились на Мантулина в ожидании, чем завершится эксперимент. Сам Цыганов сверху с не меньшим интересом наблюдал за действиями Мантулина.

Мантулин залпом выпил коктейль. С видом героя оглядел зрителей. Прошла секунда, вторая... пятая... двадцатая... Ничего не произошло. Он так и остался сидеть на своем месте.

— Где же полет? — спросил разочарованный экспериментатор.

Чирьев пожал плечами.

Подошел толстяк.

— Мы и этот бокал возьмем для анализа, — сказал он, забирая бокал у Мантулина. — И сравним!

— А мочу ты на анализ не берешь? — спросил грубо Чирьев.

— Твою — нет, — сказал толстяк, — так что не радуйся...

Толстяк убрал оба бокала в свой портфель.

— Ты сначала заплати за бокалы, а потом забирай!

Толстяк выложил на прилавок деньги.

Недовольный Чирьев вынул из кармана мобильный телефон, стал кому-то звонить.

— Послушайте! — вновь возбудилась жена Цыганова. — Надо же что-то делать! Не может человек висеть неизвестно сколько! У нас билеты в театр! Французские артисты!

— Я хочу в туалет! — донеслось сверху.

— Терпи! — изрек Боря. — Иисус терпел и нам велел!

— Почему же коктейль не сработал? — озадаченный Мантулин даже снял свои темные очки. С подозрением взглянул на Чирьева: — Ты мне то налил или не то?

— То, то! — подтвердил Чирьев.

В бар вошли двое: нервного вида мужчина и подвыпившая женщина, слегка растрепанная, смешливая.

— Зачем мы сюда пришли? — недовольно спросил мужчина.

— Я хочу выпить! — заявила женщина. — Тебе что, жалко?

— Мне не жалко... Это можно сделать дома.

— Ну чуть-чуть!

Посетители бара молчали, стараясь не смотреть на потолок. Объяснять вновь пришедшим суть происходящего не имело смысла. Сами увидят, если поднимут головы.

Нервный мужчина почувствовал напряженное молчание вокруг и от этого стал еще более нервным.

— Идем отсюда, — шепнул он своей спутнице.

— Нет...

И тут женщина увидела Цыганова, висящего под потолком.

— О! — прыснула она. — Смотри, канатоходец!

Мужчина проследил за ее взглядом.

— С чего ты решила, что это канатоходец? Я не вижу каната... Где канат? — И обратился к сидящим в баре с вопросом: — Скажите, что он там делает?

— Висит, как видите, — объяснил Боря.

— Если он не канатоходец, значит, электрик... Видимо, чинит люстру, — высказала предположение смешливая женщина. — А иначе зачем туда лезть?

— Не нравится мне все это... Пошли отсюда! — сказал мужчина.

И, подхватив свою спутницу под руку, потащил ее к выходу.

— Делайте же что-нибудь! — вскричала жена Цыганова. — Я потратилась на билеты в театр! А деньги на земле не валяются!

— Я вызвал милицию, — сказал толстяк. — Они разберутся.

Наступило молчание.

— Может, это Бог вашего мужа наказал за грехи? И туда подвесил! — высказала предположение уборщица, обращаясь к жене Цыганова. И перекрестилась.

Слова уборщицы обидели Цыганова.

— Сейчас помочусь на вас сверху, тогда поймете, кого Бог наказал! — заявил он.

Жена Цыганова нервно прошла вдоль стойки и обратно.

— Сколько раз я ему говорила: не ходи в этот бар! Вот и доигрался!

— Слушайте! — оживился Мантулин. — А если пригласить альпиниста? Из тех, что лазают по отвесной стенке? Такой уж точно туда доберется!

— Счас! Я пойду искать альпиниста! — возмутилась жена Цыганова. — Поеду за ним на Эльбрус!

— Альпиниста пусть этот ищет, — Боря кивнул на бармена.

Более детально обсудить идею поиска альпиниста не успели. В бар вошли двое. Один из них, кавказской наружности, одутловатый, с черной щеточкой усов над верхней губой, оказался хозяином бара, второй, с квадратным подбородком и короткой стрижкой, — его телохранителем.

— Что случилось? — спросил хозяин бара у Чирьева. — Чего звал?

Чирьев кивнул на потолок.

Хозяин бара и телохранитель одновременно посмотрели вверх. И увидели Цыганова. Тот уже серьезно мучился от невозможности посетить туалет и сучил по этой причине то одной ногой, то другой.

Лицо хозяина осталось невозмутимым, словно он постоянно наблюдал в своем баре подобную картину. Он только спросил:

— Что он там делает?

— Висит! — сообщил Боря.

— Вижу, что висит. Как он туда попал?

— По вине вашего бармена, — объяснил толстяк. Хозяин бара перевел взгляд на Чирьева.

Тот с виноватым видом развел руками.

— Выпил коктейль «Родео» и взлетел...

— Снизу вверх?

— Снизу вверх. И как его оттуда снять, ума не приложу. — И, наклонившись к уху хозяина бара, зашептал: — Серьезная буза назревает... Вон тот толстый бокалы взял на экспертизу...

Хозяин бара строго оглядел посетителей.

— Значит так, граждане! Бар временно закрывается. По техническим причинам! Попрошу покинуть помещение.

— Еще чего! — возбудилась жена Цыганова. — Там, — она указала пальцем на потолок, — мой муж, и без него я не уйду! Надо еще разобраться, чем вы тут поите людей, если они, словно зяблики, возносятся вверх!

— Я поддерживаю эту несчастную женщину, — заявил толстяк, — и до прихода милиции с места не двинусь.

— И мы останемся, — сказали в один голос Мантулин и мрачный Боря.

Хозяин бара нахмурился, отчего его черные, похожие на жуков брови сошлись на переносице. Но не стал настаивать на своем предложении.

— Скажи, что делать? — обратился он за советом к телохранителю.

— Жаль, нельзя пальнуть в этого акробата как в утку! Я в прошлом году на охоте почти такого же по размерам селезня завалил... И сейчас с удовольствием вмазал бы ему промеж глаз, чтоб не забирался куда не следует!

— Тсс! — хозяин бара приложил палец к губам, призывая его говорить тише.

Но жена Цыганова услышала слова телохранителя.

— Я тебе вмажу, дармоед! Вы и так уже полстраны постреляли! Твари поганые! Будь моя воля, я бы всех вас на Марс — на вечное поселение!.. Верните мне мужа!

— Молчи, женщина! — сказал хозяин бара. — Я тоже хочу, чтобы твой муж спустился на землю! Мне не нужны проблемы! Но скажи, что делать, скажи!

Тут к стойке вышел человек с густой бородой в хлебных крошках, нечесаный, с помятым бурым лицом. Это был художник Панаев. Все это время, пока обсуждали случившееся, он сидел в уголке бара, потягивал понемногу водку из стакана, жевал бутерброды с колбасой и в разговор не вмешивался.

— Налей-ка мне еще сто пятьдесят беленькой, — обратился он невозмутимо к бармену, водрузив на стойку свой пустой стакан.

Чирьев взглянул на хозяина бара, интересуясь, как ему быть.

— Налей, — кивнул тот.

Эта сцена подействовала на жену Цыганова как красная тряпка на быка.

— Человек висит, а они здесь водку распивают! Вам не стыдно?!

— Тихо, тихо! — сказал Панаев, закрывая руками лицо и бороду, словно от удара. — Не гони волну!.. Вон ты какая фигуристая... — Он окинул взглядом женщину. — Тебя бы к Рубенсу на полотно — в самый раз! А ты скандалишь... — Он взял водку, которую ему налил Чирьев. И повернулся к присутствующим. — Смешные вы люди! — Он покачал головой. — Судите, рядите... А все просто! Как только кончится действие

алкоголя, что был в коктейле, этот парень опустится вниз.

— Да ладно! — не поверил толстяк.

— Поверь! — сказал Панаев. — У нас в Твери был подобный случай, и тоже в баре. Намешали мужику чего-то, и он взлетел. А потом свалился на пол... Поглядите! — Панаев указал вверх на Цыганова. — Он уже на метр ниже висит...

Все находившиеся в баре дружно задрали головы. И действительно, между затылком Цыганова и плоскостью потолка образовался метровый зазор.

И словно в подтверждение слов художника, Цыганов мгновение спустя сорвался с высоты, словно обрели невидимую веревку, и рухнул вниз. Удар, сотрясший пол, был так силен, что упавший не сразу пришел в себя от боли. Всё произошло столь стремительно, что никто из тех, кто был ближе к точке падения, не смог подхватить падающего.

Панаев чудом успел убрать в сторону руку со стаканом, иначе летящий Цыганов выбил бы его и приземлился на разбитое стекло.

— Антоша! Как ты?.. — бросилась к мужу жена Цыганова. — Может, вызвать «скорую»?

Цыганов открыл страдающие глаза:

— Не надо «скорую»... Отнесите меня в туалет...

Жена Цыганова попыталась поднять мужа с пола. На помощь ей пришел Мантулин и еще кто-то из завсегдатаев бара. Втроем они потащили Цыганова в коридор, где находился туалет.

Уже в дверях жена Цыганова обернулась и бросила гневно в зал:

— Сволочи!..

К кому относились ее слова, к бармену и хозяину бара, или к посетителям, не сумевшим ничего предпринять, или к тем и другим, так и осталось невыясненным.

— Ну вот, — изрек удовлетворенно Панаев, когда страдальца увели, — а вы тут потеху устроили...

Сказал и направился в уголок на свое место.

Все облегченно вздохнули. Расслабились. Зашелестели негромкие разговоры. Слава богу, обошлось. Общую радость не испортило даже слово «сволочи», сказанное женой Цыганова на выходе. Повеселели и Чирьев с хозяином бара.

Кое-кто, и в первую очередь мрачный Боря, направились к стойке за очередной порцией выпивки.

— Если что, я буду у себя, — сказал Чирьеву хозяин бара и, кивнув телохранителю, стоявшему за ним тенью, двинулся к двери.

Но выйти за дверь они не успели. Преграждая им путь, в бар вошли два милиционера: один — крупный, с брюшком, другой — узкоплечий, хилый, словно изнуренный нехорошей болезнью, с гаденькой гримасой на лице.

— Доблестной милиции привет! — поприветствовал их как хороших знакомых хозяин бара.

— Ну, что тут у вас случилось? — спросил милиционер с брюшком, важно оглядывая находившихся в помещении. — Рассказывай...

— Ничего! — поспешил с ответом Чирьев, оставаясь за стойкой в услужливой позе.

— Как — ничего? — удивился блюститель порядка. — Нам звонили отсюда с просьбой приехать...

— Я не звонил, — заявил Чирьев.

— Командир, это, вероятно, ошибка, — сказал телохранитель, возвышаясь над хозяином бара.

— Выходит, ложный вызов? — надтреснутым тенорком поинтересовался второй милиционер болезненного вида.

— Я звонил, — признался толстяк, выступая вперед.

Милиционеры сделали несколько шагов по направлению к нему.

— С какой целью? — спросил милиционер с брюшком. — Рассказывай.

— Видите ли... Тут один посетитель выпил коктейль...

Милиционер с брюшком поморщился:

— На то и бар, чтобы люди здесь выпивали...

— Но выпив, он взлетел под самый потолок... — Толстяк осекся, понимая, что его слова для милиционеров, не заставших висящего в воздухе Цыганова, выглядят в лучшем случае глупой выдумкой, в худшем — бредом психически нездорового человека. — Вот... взлетел... — повторил он, теряясь. — Надо выяснить, что он пил...

— Куда взлетел? — не понял милиционер болезненного вида.

— Туда, — толстяк указал на потолок. — И висел там больше часа.

Оба милиционера воззрились на потолок и, ничего там не обнаружив, перевели взгляд на толстяка.

— Он что, бредит? — спросил милиционер с брюшком, обращаясь к присутствующим.

— Видимо, — поспешил с ответом Чирьев.

— Или выпил лишнего?

— И это возможно! — подтвердил хозяин бара.

— Нет, нет, — засуетился толстяк, — только что там висел человек. Приди вы пятью минутами ранее, вы бы увидели его... Ну, подтвердите мои слова, друзья! — вскричал он, обращаясь к сидящим за столиками.

Пьющие за столиками люди как-то не спешили подтверждать слова толстяка. Что-то их удерживало от этого. Может, нежелание связываться с милицией, да еще в нетрезвом виде, или просто не хотелось вмешиваться. Ну, висел человек под потолком, а теперь его нет, и чего пузыри пускать по этому поводу?

— Что же это вы!.. — махнул рукой толстяк, разочарованный поведением посетителей бара. — Как же так? Вы же видели, что он висел!

Милиционеры переглянулись: самим его забрать или вызвать машину из психушки?

— Вы его не слушайте! — заявил Чирьев. После того как Цыганов свалился на пол и его увели, к бармену вернулась его бывшая наглость. — Он, между прочим, похитил у меня два бокала! Загляните к нему в портфель.

— Покажите портфель, — потребовал милиционер болезненного вида. — Что там у тебя? — И гаденькая гримаса на его лице стала еще гаже.

— Я не похищал. А взял бокалы на экспертизу, чтобы выяснить, что бармен туда наливал... И заплатил за эти бокалы!

— Он, вероятно, думал заплатить и не заплатил, — заметил уверенным тоном хозяин бара, хотя не присутствовал во время сцены, когда толстяк расплачивался за бокалы.

— Портфель! — потребовал милиционер болезненного вида.

Толстяк подчинился, протянул портфель.

Милиционер болезненного вида открыл портфель, заглянул туда и, обнаружив в нем бокалы, так повеселел лицом, словно выиграл в лотерею крупную сумму.

— Ну вот, — сказал он, — бокалы здесь — в лучшем виде!

— Я за них заплатил, — упорствовал толстяк.

— А чек есть, что ты их оплатил? — спросил милиционер с брюшком.

— Чека нет, — признался толстяк, понимая, что допустил оплошность.

— Значит, поехали в отделение, будем разбираться там, — сказал милиционер с брюшком.

И тут в разговор вмешался хозяин бара. Будучи человеком хитрым и весьма искусственным по части поведения в щекотливых ситуациях, он решил, что следует замять дело.

— Я его прощаю, — сказал он, обращаясь к милиционерам. — Пусть вернет бокалы и убирается отсюда! — И повернулся к телохранителю: — Вышвырни его за дверь!

Милиционер болезненного вида извлек бокалы из портфеля, поставил их на стойку бара. Портфель вернул толстяку.

Чирьев тут же убрал бокалы в мойку: мало ли что.

Телохранитель двинул широкими плечами, словно разворачивающееся судно, ухватил толстяка под локоть и поволок к выходу. Тот не сопротивлялся.

Мрачный Боря, глядя вслед уходящим, протяжно вздохнул, поглаживая небритую влажную щеку:

— Нет правды на земле!..

И неспешно допил свою водку.

День рождения Маношина

Вызывает меня начальник цеха и говорит:
— Завтра собрание. Ты должен выступить.
— Зачем? — спрашиваю.

— Не «зачем», а «с какой целью!» — поправил он. — Поддержать заявление правительства против войны в Ираке.

— Уволь, — говорю, — Семен Петрович, не могу! У меня со словами нелады — разбегаются точно куры, когда их шуганешь... И потом, пусть воюют, кому охота.

— Ты вдумайся: что ты говоришь, Кобелев! Там гибнут женщины, дети!

— Речистые пусть выступают... Мудрецов, к примеру. Он как по писаному шпарит, гад!

— Мудрецов в прошлый раз выступал, когда у нас с Молдавией нелады были — по качеству молдавского вина... И в позапрошлый раз он тоже речь держал...

— По поводу вина и я бы выступил, — говорю, — а еще лучше продегустировал бы пару бутылок, чтобы понять, насколько оно хреновое!

— Несознательный ты человек, Кобелев! — нахмурился начальник цеха. — Ладно! Как ты, так и я! Больше на меня не рассчитывай! Ни когда два дня за свой счет захочешь взять, ни когда денег до зарплаты занять потребуется!

— Ты что, обиделся, Петрович? — спрашиваю.

— Нет! — говорит и голову воротит в сторону, словно от меня нечистотами попахивает. — Иди, работай!

Обиделся, конечно. Но я-то ему не профессор, чтобы с речами перед народом красоваться. Ладно, переживет!

Иду через двор к себе на участок. Вижу: стоит Маношин из компрессорной и разглядывает что-то лежащее на асфальте. И на лице у него при этом мучительная гримаса, точно его лишили премиальных.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Вот, — кивает вниз, — крыса под электрокар угодила...

— Ну?

— Всмятку. Как яйцо!

Посмотрел на асфальт. Действительно, крыса. Мертва. Кровь, кишки наружу!

— Одной тварью меньше! — говорю.

Он хмуро посмотрел на меня и говорит:

— Все ж — живая душа... Жестокий ты человек, Кобелев!

— Так это ж крыса! — возмутился я. — Рассадник заразы! Случись с тобой подобное, они, между прочим, переживать не станут! Отгрызут тебе полноги и утащат в свой крысятник на потеху!

И я отчетливо представил себе, как несколько жирных крыс отгрызают у Маношина ногу и волокут ее через двор в одну из своих нор.

Видимо, и Маношин представил эту жуткую картину. Сплюнул, выругался... И пошел, не оглядываясь, к себе в компрессорную.

— Ты что, обиделся, Маношин? — крикнул я ему вслед. — Зря!

До окончания рабочей смены оставалось чуть больше двух часов. Все плавилось от жары. Но станок не выключишь!

Не знаю, как Маношину, мне же эта раздавленная крыса мешала работать, время от времени появляясь перед взором. Черт! Лучше б я ее не видел и прошел в ту минуту мимо.

— Какие планы? — спросил Никодимов, мой знакомец, рыжий, веснушчатый, худой как жердь рабочий из соседнего цеха, когда мы оказались после смены рядом на пути к проходной.

— В оперный театр иду... — заявил я глубокомысленно.

— Значит, в складчину будешь, — констатировал Никодимов. — Нужен третий — для полноты компании!

— А тебе что, со мной неинтересно? — сухо поинтересовался я.

— Интересно. Но с третьим — интереснее! — И тут он увидел в двух шагах впереди Маношина. — Маношин! — позвал он. — Третьим будешь?

Маношин оглянулся. Придирчиво, словно пограничник в аэропорту, сверяющий фотографию в паспорте с его владельцем, оглядел Никодимова и меня и, когда я решил, что он откажется, не простив мне безразличного отношения к погибшей крысе, согласился.

— Куда пойдём?

— К Нинке — в пельменную, — предложил Никодимов. — Куда ж еще...

Больше никто не проронил ни слова. Предстоял содержательный вечер, и каждый из нас не спешил до срока выплескивать в речах наболевшее.

Молча зашли в магазин. Так же молча, сложив купюры, купили две поллитры. И только когда вошли в пельменную, Никодимов произнес первые слова.

— Нин! — обратился он к буфетчице. — Три порции пельменей с кетчупом!

— Пельменей нет! — заявила Нинка, плотно сбитая, грудастая, с решительным выражением лица, с короткой стрижкой на современный манер.

— Как нет? — удивился Маношин. И лицо его стало таким, каким оно было во дворе, когда он пялился на мертвую крысу. — А вывеска «Пельмени» тогда с какого боку? — заносчиво поинтересовался он.

— С такого! Все подъели сегодня, а дополнительно сырье не подвезли... — объяснила Нинка. — Праздник, что ли, какой нынче? Народ так и жрет!

Пельмени, следует сказать, здесь в пельменной не готовили, их только варили, извлекая из фабричных пачек и бросая в котел с кипящей водой. И делала это худая, высушенная как вобла сорокалетняя баба Евдокия. Некрасивая, задумчивая, себе на уме. Как утверждали знающие люди, охотница до однополой любви. Были опасения, что она и отраву может при случае в котел плеснуть, не испытывая любви к мужскому сословию. Но вариантов не было. Пельменная была единственной точкой питания возле промзоны, и все работяги, сознательные и несознательные, желавшие выпить, тянулись сюда.

— Могу предложить овощной салат... Есть холодец, пирожки... Вы же все равно не есть пришли, а закусывать! Пользуетесь моей добротой — свою водку несете! Другая б давно вас за дверь выставила!

С Нинкой не стали спорить. Незачем. Мне так она даже нравилась со своей показной строгостью. По сути же — ей все было до лампочки. Она знала, что когда пришедшие свое выпьют, добавлять будут из ее запасов.

В общем, взяли два салата, порцию холодца, три черствых пирожка — кажется, с капустой. Ну и три фиолетовых фруктовых напитка в стаканах. Пустые стаканы Нинка не давала никому, чтоб спиртное брали у нее. Исключение делала только для технолога Андрусевича, заходившего к ней изредка со своим кофляком. Видимо, в силу личной симпатии.

Прошли к свободному столику у окна — его только что освободили два каких-то небритых молокососа, распивавшие портвейн под картофельные чипсы.

— Эй, студенты! — бросил им вслед Никодимов. — Мусор за собой надо убирать!

Те вяло отмахнулись и направились к выходу.

Пока мы пристраивали свои тарелки на столе, подошла Евдокия с пустым подносом. Забрала грязные стаканы и скинула на поднос целлофановые пакеты из-под чипсов. Глянула на нас угрюмо. Протерла сальной тряпкой стол.

Не садясь, Никодимов и Маношин залпом выпили фиолетовое содержимое своих стаканов, спеша освободить их таким образом для водки. Делали это стоя, видимо, для того чтобы дрянь эта фруктовая быстрее проскочила в желудок. Я последовал их примеру. Потом все присели к столу.

Никодимов вынул из пластиковой сумки с пестрой картинкой на лицевой стороне первую поллитру.

— Ну... — сказал он, наполнив на треть все три стакана, оказавшиеся в центре стола возле одиноко стоявшей солонки.

— Будем! — сказал Маношин.

Дружно выпили. Жаркая погода на улице не смущала и не пугала тем, что от выпитого может быстро разморить.

Вкус водки был каким-то неприятно резким, и я поспешил сунуть в рот кусок холодца, подцепив его вилкой. Он оказался не лучше.

— Почему эту гадость называют холодцом? — спросил я, прожевав безвкусное крошево в желе. — Он же совсем не холодный! С таким же успехом его можно было назвать «леденцом» — от слова «лед»... Или «варенцом» — от «варево»...

— Не парься! — сказал Никодимов философски. И снова плеснул в стаканы, а бутылку убрал под стол.

Обе женщины, работавшие в пельменной, прекрасно знали, что каждый второй приходит со своей водкой, но держать открыто бутылку на столе посетителям не полагалось. И завсегдатаи следовали этому правилу: закончив провизорские действия, тут же убирали бутылку под стол.

Маношин поднял свой стакан, заглянул в него.

— Между прочим, — сказал он задумчиво, — у меня сегодня день рождения...

— Да что ты! — встрепенулся Никодимов. — Чего ж ты молчал?

— А сказал бы, что тогда? — криво усмехнулся Маношин. — Ты бы третью бутылку прикупил?

— Мы б тебе подарок сочинили, — вступился я за Никодимова. — Я тут недавно отличный перочинный нож видел!

— Зачем он мне?

— Колбасу резать!.. Или купили бы настольную лампу, чтобы перед сном книжки читать!

— Что я, школьник, чтоб перед сном книжки читать? — поморщился Маношин. — «Мчатся бесы, выются бесы...» Последний раз я книжку лет пять тому в руки брал...

— Ты что, обиделся? — спросил я. И пояснил: — Дареному коню, между прочим, в зубы не смотрят!

— Верно! — поддержал Никодимов.

— Вы так говорите, будто вот она лампа — здесь! — Маношин ткнул пальцем в солонку и вновь поморщился. — Спасибо за подарок! — добавил он язвительно. И выпил свою водку.

— За тебя, брат! — Мы с Никодимовым выпили тоже.

Никодимов откусил от пирожка, задумчиво пожевал.

— Так не пойдет!

Он сорвался со своего места и направился к буфетной стойке. Посоветовавшись о чем-то с Нинкой, вернулся оттуда с победным видом, держа в руках плитку шоколада «Золотой ярлык».

— Вот. Это тебе! — сказал он, кладя шоколад перед Маношиным на стол. — От нас!

— Спасибо, — потеплел взглядом Маношин. — Я вас и без этого люблю...

— Мы тебя награждаем... за твои человеческие качества! — не мог успокоиться Никодимов. — Ты те-

перь обладатель «Золотого ярлыка»! Понял? Ни у кого такой награды нет, а вот ты имеешь!

— Какие ж у меня такие качества? — растаял Маношин.

И сам потянулся рукой под стол — за бутылкой. Нашел ее на ощупь, извлек из-под стола, налил нам и себе.

— Ты не злой, справедливый... — Никодимов замялся, подыскивая нужные слова, — выпитая водка уже давала себя знать.

— Жалостливый! — подсказал я, вспомнив лицо Маношина, когда он глядел на раздавленную крысу. И пояснил Никодимову: — Он животных любит... Сегодня крысу пожалел.

— Кого? — переспросил Никодимов.

— Крысу. Ее электрокар переехал. Беда!

— Не понял! Это ж не собака и не кошка?

— Кобелев! — туманно взглянул на меня Маношин. — Болтаешь много!

Я не понял, что его так задело.

— Ты что, Маношин, обиделся? — спросил я.

— На таких не обижаются! — ответил он.

И, придвинув к себе тарелку, начал тыкать вилкой в салат.

Но Никодимова тема крысы заинтересовала серьезно.

— Слушай! — сказал он, обращаясь к Маношину. — Я не знал, что ты такой ботаник... У меня дочка, школьница, белую крысу дома держит... Так ты скажи, я ее тут же тебе организую!

— И ты не лучше Васьки! — помрачнел Маношин. — Налей... — И придвинул Никодимову свой стакан.

Тот достал бутылку, болтанул ее, проверяя, сколько там осталось, и разлил остаток по стаканам. С первой бутылкой было покончено.

Когда выпили и закусили, я спросил у Маношина:

— Сколько ж тебе стукнуло?

— Сколько стукнуло, все мои... — огрызнулся он. Он все еще не мог простить мне напоминание о крысе.

— Не хочешь — не говори, — взмахнул рукой Никодимов, не желая обострять ситуацию.

— Между прочим, — вспомнил я, — завтра собрание... Начальник цеха предлагал мне выступить, я отказался.

— Собрание? По какому поводу? — проявил интерес Никодимов.

— Петрович сказал: будем осуждать войну в Ираке...

— Хорошее дело... — задумчиво проговорил Никодимов. И было неясно, то ли он поддерживает идею такого собрания, то ли относится к ней с иронией.

— Мне, скажу я вам, все эти войны с арабами — по барабану! — заявил я.

— Я всегда подозревал, что ты, Васька, легкомысленный мужик! — констатировал Маношин. — Там детей убивают, женщин...

— Вот-вот, — хмыкнул я. — И начальник цеха про то же... Выходит, ты с ним заодно. А он кто? Он — один из тех, кто нас эксплуатирует! Кто на нас бабки зарабатывает! Они, понимаешь, лоб... лобстеров жрут на Барбудах, а мы в пельменных мучаемся!

— Почему — на Барбудах? — не понял Никодимов. — Может, на Бермудах?

— Если бы все были такие, как ты, Кобелев, равнодушные, — сказал Маношин, — мы бы войну с немцами точно просрали б...

— Если бы не твой день рождения, — рассердился я, — я бы...

— Ты что, Кобелев, обиделся? — невинно спросил он, заткнув меня моим же оружием.

Никодимов, утративший некоторую твердость в движениях, вытащил из сумки вторую поллитру. Хрустнул винтом, откручивая пробку.

— Пора, — сказал он. — Чтоб процесс не прерывался... Живи долго! — Он чокнулся со стаканом Маношина.

Маношин добродушно кивнул. Поднял свой стакан. Выпили.

— Щас, мужики, — сказал Никодимов, словно вспомнив о чем-то.

И, вынув из кармана брюк мобильный телефон, ушел куда-то за пределы моей видимости, чтобы, вероятно, не мешать ни нам, ни себе.

Некоторое время мы сидели молча.

— Вот ты мне скажи, — заговорил Маношин, — если здесь, к примеру, случится пожар...

— Ну. — Мне было непонятно, с чего это вдруг он заговорил о пожаре.

— И в огне погибнут люди...

— Ну.

— Чего «ну»? Здесь наши, заводские... Вон Табунов, Колька Кирпичников... Рожин! Скажи: тебе будет жалко их или нет?

«Ах вот он о чем, — подумал я. — Все по поводу крысы не может успокоиться».

— Будет жалко, — сказал я.

— Ну вот! — обрадовался он. — Женщины и дети в Ираке — такие же живые люди... Их так же жалко!

— Если ты такой трепетный, Маношин, вот ты и выступи на собрании! Спой там про ужасы войны!

— Я к речам не приучен, — повел головой Маношин, — а то бы, конечно... — И погладил подбородок пальцами.

— Во! Все вы только за столом права качать умеете, — сказал я.

Никодимов не появлялся (что он там, бабу вызывает?), а выпить снова хотелось. Я достал из-под стола бутылку, налил Маношину и себе.

Маношин не возражал — тоже, вероятно, душа требовала.

Выпили. Я дожевал свой черствый пирожок, Маношин — свой. Я так и не понял, какой дрянью их начинили.

— Я тебе так скажу, — заговорил я, — случись здесь пожар... Пусть все сгорят к чертовой матери! Алкашня! Только воздух чище станет!

Маношин оторопел. Он был уже пьян, но не утратил умения удивляться.

— Вот е! А ты, блин, кто? Из той же породы! Вторую бутылку пьешь!

— Вот и нет! Не из той же породы! Я прикидываюсь таким... Я — скрытый ученый, если хочешь знать... Я изучаю ваши гнилые нравы!

Я вдруг отчетливо осознал, что я здесь, в этой пельменной, чужой. И не только в пельменной. В этой промзоне, в этом городе. В этом мире! Мне вдруг ясно открылось, что я — человек с другой планеты,

направленный сюда изучать местную жизнь, которая представлялась мне сейчас отвратительной, наподобие съеденного минуту назад пирожка. Но признаться Маношину в том, что я — инопланетянин, я не хотел. Я чувствовал свое превосходство и наслаждался им в полной мере.

— Так что пусть оно все горит огнем! — заключил я. — И Ирак твой, и эта пельменная! Не жалко!

— Какой ты, на хрен, ученый?! — Брови Маношина сошлись на переносице, он не мог и не хотел принять сказанное. — Ты такой же, как и мы! Ничуть не лучше! Пьешь даже больше меня!

— Я эксперименты над вами ставлю! Вы для меня подопытные кролики! Кро-ли-ки!

— Чего?! — нахмурился Маношин, запутавшись окончательно в моих речах. Руки его сжались в кулаки.

— Ты что, обиделся, Маношин? — спросил я невинно. — Зря!

Мне нравилось, что он выходит из себя. Ведь я — инопланетный профессор, а он — земной подопытный кролик.

Не знаю, как бы развивался наш разговор дальше, но тут появился Никодимов. В руках он держал графин с водкой и порцию пельменей, щедро политых по краю тарелки кетчупом, похожим на густую кровь.

— Пельмени? — удивился Маношин. Его внимание полностью переключилось на Никодимова. — Откуда? Эта же фря сказала, что пельмени кончились...

— Уговорил ее, сварила остатки, — сообщил с победным видом Никодимов, усаживаясь на свое место. — И водки взял сразу, чтобы потом не бегать...

«У этих, подопытных, в жилах — что-то наподобие этого кетчупа...» — отметил инопланетянин во мне, разглядывая огненно-красный соус. Я ткнул вилкой в пельмени, наколол одну штуку и, обмакнув в кетчуп, сунул ее в рот.

Никодимов извлек бутылку из-под стола.

— Так вы уже почти допили... Человек, можно сказать, на минутку отлучился, а они... Лихо!

— Не плачь, девчонка, пройдут дожди! — сказал Маношин. — Хочешь, мы тебе персональную поллитру купим?

— Зачем мне персональная? — отказался Никодимов. — День рождения у тебя, а не у меня...

Он, как и мы, уже забыл, что пришли-то мы в пельменную просто так посидеть — без повода. А повод уж после появился.

Никодимов разлил по трем стаканам остаток водки из бутылки. Убедился, что этого мало для нормальной дозы, добавил из графина.

Все молча выпили. Вроде поздравительные слова были сказаны ранее и добавить было нечего. Закусили.

— Люблю я вас, братцы... — сказал Никодимов с увлажнившимся взором. Оглядел зал пельменной, густо наполненный людьми, умилился. — У меня иногда бывает такое чувство... что я люблю всех вокруг... Все человечество!

«Прикидывается! Запутывает следы...» — отметил сидящий во мне скептически настроенный инопланетянин.

— Как это — все человечество? — спросил Маношин. — Целиком, что ли?

— Представь себе, целиком!

— Не понял... Можно любить кого-то конкретно... Жену, мать, ребенка... Но всех — это ты, брат, хватил! Я и инопланетянин во мне были целиком согласны с Маношиным.

— Ты вот скажи, сколько тебе исполнилось? — спросил умиленный Никодимов, обращаясь к Маношину.

Он уже забыл, что я ранее задавал этот вопрос и Маношин не стал отвечать.

— Какая разница! — опять ушел от ответа именинник.

Никодимов поднял палец вверх.

— Значит, когда подрастешь, поймешь мои чувства...

— Возможно... — вздохнул Маношин.

Поглядев на него, я спросил:

— А жена? Жена-то тебя поздравила?

Меня мучило любопытство: есть у него жена или нет, а если есть, то какие у них отношения. Инопланетянин не возражал, чтобы я удовлетворил свое любопытство.

— Жена? Чего-то буркнула мне вслед утром... Посмотрим, когда вечером домой вернусь. Бутылку точно не поставит... Пирог с повидлом для дочери испечет!

В очередной раз закурили.

«Надо бы спеть...» — сказал инопланетянин. Я был согласен с ним. И озвучил его мысль:

— Надо бы спеть?.. — И затянул вполголоса: — «За счастье иракское бью-утся отряды рабочих бойцов!..»

Мои товарищи меня не поддержали.

— Слушай, давай без концертов, — сказал Никодимов.

— Вот, а еще хвастался любовью ко всему человечеству! — обиделся я. — А тут приятелю попеть не даешь!

— Я ж о тебе беспокоюсь, — заявил Никодимов. — Нинка ругаться будет!

— Ты что, обиделся, Кобелев? — спросил Маносин, подперев голову рукой.

— Вы мне неинтересны! — заявил я и попытался встать.

— Куда ты? Еще водку не допили... — удержал меня Никодимов и потянулся к графину. — И толком еще не поговорили...

Инопланетянин тоже считал, что уходить мне рано.

Никодимов разлил водку. Но выпить мы не успели.

К столу подошла Евдокия, держа за руку девочку лет восьми в цветастом платье, с соломенными стриженными волосами.

— Чья девочка? — спросила Евдокия строго. — Она на ваш стол указала... Говорит, пришла по просьбе отца. Боялась пройти, увидев такое количество пьяных харь! — Слово «харь» Евдокия произнесла с нажимом, презрительно смакуя его.

— Моя девочка! — обрадовался Никодимов.

— Ты насчет «харь» поаккуратнее, — заявил Маносин. — Такая грубость женский пол не украшает!

Евдокия покачала головой.

— И-эх... Нашли куда ребенка приглашать! — И ушла, дернув плечом, словно хотела избавиться от большой жирной гусеницы, оседлавшей это плечо.

И только тут я заметил, что девочка держит в руках небольшую клетку, в которой сидит в испуганно-на-

пряженной позе какое-то животное, похожее на белую крысу.

Никодимов погладил дочь по голове. И сказал, указывая на Маношина:

— Вот, дочка, дядя, который нынче родился...

— Родился... и такой уже большой? — удивилась девочка. Вид у нее был не менее затравленный, чем у крысы в клетке.

— Ну, он не сегодня родился... Давно... А сегодня у него день рождения! — пояснил Никодимов. И добавил: — Действуй!

— Пап, может, не надо? — спросила девочка, и на глаза у нее навернулись слезы.

Мы с Маношиным не понимали сути происходящего. Да и инопланетянин, хоть и умудрен был внеземным опытом, тоже не понимал, с какой целью сюда приглашен ребенок.

— Действуй! — потребовал Никодимов. — Не спорь с отцом!

Девочка обошла стол, остановилась возле Маношина и протянула ему клетку.

— Дядя! Это вам, — сказала она, обливаясь слезами.

— В чем дело? — растерялся Маношин. Детские слезы он не выносил.

— Это тебе подарок! — пояснил Никодимов. С появлением дочери, которую, как стало ясно, он вызвал по мобильнику, Никодимов слегка протрезвел.

— Что это? — напрягся Маношин.

— Белая крыса... — вновь пояснил Никодимов. — Ты же любишь животных? Вот тебе моя дочка и дарит ее...

— Это не крыса, а морская свинка, — уточнила девочка и заплакала еще больше. Уж очень ей не хоте-

лось расставаться со своей любимицей, на что ее толкал отец, которого она не смела послушаться.

— Ты же любишь животных! — повторил настойчиво Никодимов, не понимая, почему Маношин отказывается от подарка.

— Любит, любит... — подтвердил я.

— Я не возьму! — заупрямился Маношин. — Зачем ты вынуждаешь девочку расставаться с любимым зверьком? Ты посмотри, она вся в слезах!

— Это она от радости, что у тебя сегодня день рождения! — заявил Никодимов, недовольный тем, что приятель отказывается от подарка, на доставку которого к месту события он потратил столько сил. — Скажи, Катерина, что ты даришь по собственной воле! — И он строго взглянул на дочь.

— Я дарю по собственной воле... — послушно повторила девочка, боясь отца. И вытерла ладошкой слезы.

Я расхохотался, наблюдая эту картину. Все это было смешно и нелепо.

— Бери! — сказал я Маношину. — Не обижай ребенка!

Инопланетянин во мне ставил очередной эксперимент.

— Да не могу я это взять! — заупрямился Маношин. — Не могу!

Никодимов, обычно добродушный, зло нахмурился. Я никогда не видел его таким. Это предвещало неприятное развитие событий.

— Не уважаешь! — сказал он. — Ребенок от чистого сердца... А ты плюешь ему в душу?

— Да ребенок сейчас умрет от горя!

— Не умрет! — заверил упрямый отец.

— Да пойми ты, кочан капустный, не выношу я этих свинок... У меня аллергия на них! — страдающе вскричал Маношин. — Ты хочешь моей смерти?

Ответ Никодимова нас удивил.

— Да, хочу!.. Девочку обижать стыдно!

Маношин растерялся. Чтобы обрести равновесие, взял со стола свой стакан с водкой и залпом выпил.

— Ну хорошо! — воскликнул он, принимая клетку. Глаза его сузились. — Это моя вещь? — спросил он с вызовом.

— Твоя! — подтвердил Никодимов.

— И я могу с нею делать все, что пожелаю?

— Да хоть в реку брось... Только не вздумай передавать Катьке! — заявил Никодимов. И сказал дочери, легонько подтолкнув ее в спину: — Ступай, дочка, домой — от греха подальше! Тут пьяные люди — чего хорошего?

Девочка всхлипнула и, бросив прощальный взгляд на морскую свинку, направилась к выходу. И если бы не пьяный гул вокруг, который, судя по ее виду, пугал ее, непременно разрыдалась бы. А так ей не терпелось поскорее покинуть это шумное место.

— Значит, я могу распоряжаться этим грызуном как хочу? — повторил Маношин.

Я почувствовал, что он что-то задумал.

— Конечно, как хочешь... — подтвердил Никодимов, довольный тем, что дарение состоялось.

Маношин сидел некоторое время без движения, тупо смотря на клетку и ее обитательницу. Потом поднял голову и посмотрел вокруг. Взгляд его задержался на буфетчице.

— Ну, что? Еще по одной? — спросил Никодимов, огладив круглый бок графина.

Но Маношин его уже не слышал. Он резко поднялся и, слегка покачиваясь, пошел от стола.

— Маношин, ты что, обиделся? — сказал я ему вслед. — Надо же допить!.. — Инопланетянин был полностью с этим согласен.

Маношин подошел к буфетной стойке.

— Нин! — позвал он буфетчицу и, когда та повернулась к нему лицом, сказал: — Хочу сделать тебе подарок...

Клетку он держал пальцами за прутья, касаясь ею своего колена, и Нинка через стойку не видела, что у него в руках.

— С чего это вдруг? — спросила она сухо. — Я тебе не любовница, а ты мне не брат, чтоб подарки делать!

— А все равно хочу, — упрямо заявил Маношин. — У меня к тебе симпатия... Я человек и ты человек, хоть и при строгости! Мы ж не инопланетяне какие, чтоб чураться один другого...

Нинка с подозрением оглядела его, не понимая, к чему он клонит.

И тут Маношин водрузил на прилавок клетку со свинкой.

«Ну, сейчас будет дело под Полтавой!» — сказал мне инопланетянин или я ему — в общем, без разницы.

Потрясенная Нинка в первое мгновение не могла вымолвить ни слова, а потом завизжала, точно ошпаренная свинья.

— Ты что, совсем упился, хрен моржовый! Ты соображаешь, куда ты ставишь эту гадость?! Здесь продук-

ты, еда — люди есть будут! Лечись, сволочь! Совсем мозги от водки заклинило.

Она хотела сбросить клетку с прилавка, но Маношин не давал ей это сделать, крепко держа клетку обеими руками.

— Ты посмотри, посмотри, она же нежная! — объяснял он. — Она будет тебе нервы успокаивать!

— Кончай творить зверство, пьянь! — орала Нинка. — Дуська, вызывай милицию! Убери крысу, гад, кому говорю?!

Евдокия достала мобильный из кармана передника и стала набирать номер.

— Надо помочь Маношину, — вскочил я, — пока мужика не повязали...

Никодимов, сидевший к буфетной стойке спиной, не видел происходящего и не понял, почему там загремели крики, но как верный товарищ последовал за мной.

— Нинк! Нинк! Нинк! — запричитал я, пытаюсь остановить разбушевавшуюся буфетчицу, колотившую Маношина по рукам половником, которым они с Евдокией обычно вылавливали из котла сваренные пельмени. В эту минуту он оказался у нее под рукой.

Нинка остановилась и воззрилась на меня, решив, что я явился, чтобы утихомирить товарища.

— Нинк... — сказал я примирительно. И добавил, желая переключить ее внимание: — Стрижка у тебя больно хороша — современная! А пирсинг на животе есть?

Нинка побелела от ярости.

— Еще один идиот! — И крикнула в зал: — Эй, алкаши! Наведите порядок, иначе я закрою лавочку и вы-

ставлю вас всех вон! — И она вновь рубанула половником по рукам Маношина. — Убери свою вонючку!

Бедный Маношин не мог понять, чем буфетчице не по душе его подарок. Он же от чистого сердца! Да и животное славное, с белой спинкой и розовым носиком.

Перепуганная морская свинка, решившая, что ей пришел конец, отчаянно металась в своей клетке.

— Нинк! Покажи пирсинг! — требовал инопланетянин во мне.

Никодимов вырвал из рук Нинки половник — он не мог позволить, чтобы били его приятеля.

— Нина! Ты чего себе позволяешь? Руки на рабочий класс распускать негоже! Даже если он неправ! — увещевал Никодимов.

— Пусть крысу, гад, уберет с прилавка!

— Это морская свинка!

— Тем более!

К буфетной стойке стали подтягиваться завсегдатаи пельменной.

— Мужики! Не будем злоупотреблять!.. — потребовали они, обращаясь к нам. — Нам сюда еще ходить и ходить!..

«Все-таки надо проверить: есть у нее пирсинг или нет?» — сказал инопланетянин, призывая меня быть активнее.

Подошел круглолицый, лысый Банкин из механического, пользовавшийся авторитетом у местной публики за то, что когда-то «на заре туманной юности» выбил капитану милиции два передних зуба и получил за это три года условно. По его красному лицу было видно, что он уже взял хорошую дозу.

— О чем сыр-бор? — деловито поинтересовался он.

— Я ей подарок сделал... — сказал Маношин, все еще удерживая клетку на прилавке.

— Какой?

— Морскую свинку подарил... от чистого сердца!

— Зачем?

— Она женщина одинокая — чтоб веселее было...

— Я не одинокая! — вскричала возмущенная Нинка. — У меня муж есть... Гражданский! Не вам чета!

— Нинк, ты что, обиделась? — спросил я. — Зря! Покажи лучше пирсинг!

— Какой пирсинг! — выкрикнула Нинка, ставшая красной от перевозбуждения. — Может, для тебя еще и грудь оголить, похабник!

— Это лишнее! — признался я.

— Давай, мужики, разойдемся! — сказал рассудительный Банкин. — По-хорошему!

Ни Маношин, ни я с «пирсингом» не хотели уступать. Мы с инопланетянином даже перегнулись через прилавок, желая добраться до Нинкиного живота, задраить блузку и увидеть пупок.

Тут уж заводские пришли в движение и потянулись к нам, желая дать острастку. Когда нас оттащили от прилавка, в дверях появились три милиционера — потные, с красными от жары лицами. «Ну, что тут у вас?» Им хватило минуты, чтобы понять, кто зачинщик беспорядков. Нас троих повязали и отвезли в отделение, прихватив в качестве вещественного доказательства клетку с морской свинкой.

«Надо улетать!» — мелькнула в голове мысль.

И я представил происходящее сверху. Как если бы глядел вниз с высоты пятиэтажного или даже десятиэтажного дома. Ничтожные людишки! Жалкие пьяни-

цы! Погрязшие в житейских мелочах! Лишенные высоких стремлений и больших чувств!.. Я чужой, чужой среди них! Верните меня на мою планету! Верните! Там девицы не ведут себя столь мерзко, если их просят показать пирсинг... И вдруг неожиданная мысль остудила меня: а если на моей планете девицы совсем другие? Зеленые, к примеру, с четырьмя сиськами! И прыгают они по земле наподобие пауков или саранчи! А может, они похожи на морских свинок?! И сидящая в нашей клетке — одна из них, не успевшая облачиться в человеческую кожу. Боже!

От ужаса у меня поплыло в глазах... И я провалился в темноту.

Утром я проснулся в вырезвители. Один. Куда судьба определила моих товарищей, осталось загадкой. Мучила головная боль, на душе было мерзко. Инопланин, как я сообразил, куда-то смылся. Видимо, не хотел валяться на казенной койке — не по чину ему! А может, обиделся? Черт с ним!

Селедка

Проститутку звали Селедка. Это была высокая худая девица лет двадцати пяти, опрятно одетая, с миловидным лицом. Может, за худобу ее и прозвали Селедкой. В ней не было ничего вульгарного, присущего женщинам ее профессии, скорее в ее манерах был даже какой-то аристократизм. Работала она одна. То есть без прикрытия. Не единожды хотели ее оседлать разного рода сутенеры — не удалось. И они как-то отстали.

Каждый вечер Селедка с напарницей или одна выходила на свою точку на Тверской-Ямской поблизости от художественного салона и поджидала клиентов. Вела она себя сдержанно, на проезжую часть не выскакивала, а стояла у края со скучающим видом и ждала, когда какой-нибудь обладатель крутой иномарки обратит на нее внимание и остановится. Публику, разъезжающую в «жигулях» и «ладах», Селедка игнорировала. И когда такая машина притормаживала рядом, она отворачивалась в сторону, словно она не из тех, кто торгует собой, а просто ждет кого-то из своих знакомцев.

Однажды какой-то парень с пролетарским скуластым лицом тормознул рядом и, высунувшись из «жигулей», позвал ее:

— Эй! Моника Беллуччи! Подойди!

— Зачем?

— Ты же клиентов ждешь?

— Ты мне не клиент! — заявила Селедка и отошла в сторону.

— Это почему же? — поинтересовался парень в «жигулях».

— Нос короткий и горб большой! — отрезала Селедка.

Парень проехал несколько метров вперед, припарковался у тротуара и стал оттуда наблюдать за Селедкой. Видно было — приглянулась она ему. Селедка же вскоре уехала, втиснувшись в дорогую иномарку серебристого цвета.

Парень в «жигулях» приехал в то же самое время на следующий день. И опять получил отказ. Приехал на третий... И стал часто появляться у художественного салона, пока Селедка, которой это надоело, не подседа к нему в машину, чтобы поговорить.

— Слушай, слесарь! Чего тебе надо?

— Ничего. Я не слесарь.

— Какая разница, — пожала плечами Селедка. — Все равно я с тобой не поеду.

— Это почему же?

— Не хочу.

— Несправедливо, — сказал парень. — Ты нарушаешь профессиональный устав.

— Пошел к черту! — возбудилась Селедка. — Какой еще, блин, устав?

— Ты же проститутка? Значит, с каждым, кто на тебя глаз положил, должна выполнять свою работу.

— Считаю, я взяла бюллетень! У меня горло болит, — заявила Селедка и вылезла из машины. — Если будешь преследовать меня, я скажу своей «крыше», и тебе...

Парень не дал ей договорить:

— Нет у тебя никакой «крыши». Не ври.

— Тогда я поменяю точку, и ты меня не найдешь!

— А вот этого не надо, — сказал парень.

— Почему? — удивилась Селедка.

— Потому что я тебя не найду...

На том и разошлись.

Селедку вскоре принял в свое нутро черный внедорожник и увез неведомо куда. Парень постоял некоторое время, глядя вслед уехавшей машине, сел в свои «жигули» и тоже уехал.

На следующий день, подъехав на место ко времени, когда Селедка обычно выходила на промысел, парень ее не обнаружил. Прождав около часа, он уехал. Вероятно, она пришла на точку раньше и уже нашла клиента, решил он.

Днем позже Селедки вновь не оказалось на месте. Зато парень увидел ее подругу и подошел.

— Пять, — сказала та, опережая его вопрос.

— Чего пять?

— Пять тысяч — моя цена. — Девушка жевала резинку и лениво поглядывала на дорогу.

— Пятьсот, — сказал парень.

— За пятьсот можешь дерево употреблять... В дырочку!

— Да нет... Пятьсот — за информацию. Мне надо увидеть твою подругу.

— Какую? У меня их много.

— С которой ты здесь бываешь...

— Селедку?

— Ее так зовут?.. Дай мне номер ее мобилы.

— Хо! Ты еще попроси ключи от квартиры! — сказала жрица свободной любви, вызывая в памяти образ Остапа Бендера, но парень подумал, что вряд ли она читала роман Ильфа и Петрова, а скорее произнесла эту фразу, повторяя сказанное кем-то другим. — Обойдешься без мобилы.

— Скажи тогда, как с нею связаться.

— Сейчас никак, у нее дела...

Тут напротив девушки остановилась машина, и она устремила к ней. После коротких переговоров с водителем уселась на переднее сиденье и уехала.

Через неделю у парня случился приступ боли в пени, и он попал в больницу. Каково же было его удивление, когда в палату вошла дежурный врач, и он узнал в молодой женщине, одетой в белый халат, Селедку.

— Селедка?! — оторопел парень.

— Какая селедка? — возбудилась женщина-врач. — Вам нельзя селедку, забудьте о ней... И вообще ничего кислого и соленого!

— Но это же ты... то есть вы! — парень, забыв о болях в животе, во все глаза смотрел на женщину-врача.

— Вы о чем? — строго спросила та.

— Ну... — Он замялся, не зная, как продолжить фразу. — Мы познакомились на улице, у художественного салона... — выкрутился он.

Врач посмотрела на медсестру, минутой ранее вошедшую в палату со шприцем, чтобы сделать укол, и сказала:

— По-моему, он бредит...

Она попросила парня оголить живот. Тот повиновался. Пока врач прощупывала холодными пальцами его живот, задавая вопросы «Здесь больно?.. А так?.. А здесь?..», парень вглядывался в ее лицо, исследовал глазами светлую прядь волос, выбившуюся из-под шапочки на лоб, и по всему выходило, что перед ним Селедка, только макияж у нее сегодня был не таким ярким, как обычно. Вообще все это отдавало абсурдом — Селедка здесь, в больнице, да еще в роли дежурного врача! Это не укладывалось в голове.

Ночью он долго не мог уснуть, и не от боли (ему сделали обезболивающий укол), а от мыслей, связанных с Селедкой. Он был убежден, что это она. Но занимая такое положение, с какой целью она выходит на промысел к художественному салону? Что это? Реализация скрытых порочных желаний или стремление что-то себе доказать? Типа: я могу быть всякой — и парить в небе, и ползать по дну.

Утром он спросил у медсестры, пришедшей к нему делать укол:

— Тут врач дежурила... Как ее имя?

— Скворцова Полина Сергеевна...

— И давно она у вас?

— Недавно... Год или чуть больше.

Парень сделал глубокомысленное лицо.

— Ну и как она? Справляется?

Медсестра засмеялась.

— Не скажу... Военная тайна!

— Я иностранной разведке доносить не стану.

— Врач как врач... Нормально!

С нетерпением парень ждал, когда Скворцова появится в следующий раз. Но в день своего дежурства

она не появилась. Вместо нее в палату вошел среднего возраста мужчина в очках, жизнерадостный, с розовой, словно отполированной лысиной.

— Как самочувствие? — спросил он у парня, побеседовав предварительно с другими больными.

— В лучшем виде! — ответил тот. И со смущенным выражением на лице поинтересовался: — А где... Полина Сергеевна?

— Соскучился? — спросил обладатель розовой лысины. И, не дожидаясь ответа, пояснил: — В отпуск ушла Полина Сергеевна... Что, вскружила тебе голову?.. Я бы и сам, брат, обратил на нее внимание, если бы не был женат по третьему разу!.. Ну, давай посмотрим твою печень...

Отныне все мысли парня были направлены на то, чтобы поскорее покинуть больницу и при первой же возможности отправиться к художественному салону, где промышляла Селедка. Уж там-то, надеялся он, она не станет выставляться врачом.

Наконец то, чего он так жаждал, осуществилось. Он на свободе и стоит на заветном месте.

И Селедка стоит там же. Но поговорить с нею он не успел. И не успел всласть порадоваться встрече. Как-то быстро к Селедке подкатила машина, и та после коротких переговоров уехала.

На другой день парень взял напрокат «мерседес», один из самых дорогих, чтобы произвести впечатление на Селедку, и подъехал в нужное время к художественному салону. Стал ждать.

Он прождал больше двух часов, но Селедка так и не появилась. Одним словом, явление «мерседеса» Селедке не состоялось.

«Вот коза! — думал с раздражением парень, вслушиваясь в звуки музыки, лившейся из радиоприемника. — И чего я за ней гоняюсь?! Врач ли она, проститутка ли — какая разница? Женщин, что ли, мало! Будем считать, что она умерла, и забудем о ней! Раз и навсегда!..» Но какой-то червячок в мозгу продолжал свою разрушительную работу, высвечивая в сознании облик Селедки, пририсовывая к ее голове сверху белую шапочку, отчего парень заводился с новой силой. И не мог себя заставить не думать о ней.

Но ездить на точку к художественному салону перестал.

Как-то он зашел в сбербанк с целью оформить денежный перевод матери, жившей в далеком сибирском городке, где ни газа, ни нормальных дорог, ни клуба. В окошке операциониста он увидел молодую женщину и замер пораженный. Некоторое время он во все глаза смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Перед ним была Селедка. Трудно было представить, что есть в городе две женщины, столь похожие друг на друга.

— Что вам? — Женщина в окошке с недоумением взглянула на парня, недовольная тем, что тот тянет время.

— Вот... — заговорил он наконец, — мне нужно оформить денежный перевод...

— Куда перевод?

— Селедка! — улыбнулся в ответ парень.

— Вы что?! — взглянула на него недовольно женщина в окошке. И спросила: — Разве пахнет селедкой? — Она потянула воздух носом. — Да нет, не пахнет!.. И вообще, откуда здесь запах селедки? Я эту

мерзость не ем, девочки тоже... — Она крутанула головой, глянув в сторону своих коллег.

— Не валяй дурку! — возбудился парень. — Мы оба знаем, о чем речь... Не могу только понять, как тебе удастся совмещать такие вещи!

— Мы разве знакомы?

— А разве нет?

Женщина закрыла окошко. И, видимо, нажала секретную кнопку у себя на панели, потому что через несколько секунд за спиной парня вырос рослый, крепкого сложения охранник.

— Слушай, иди-ка ты отсюда... Если не хочешь неприятностей.

Парень размышлял одно мгновение. Бросил взгляд на операционистку, отгороженную от него прозрачным пластиком и смотревшую в его сторону напряженно и с оттенком брезгливости. И направился к выходу.

«Ладно, артистка! — сказал он себе, выйдя на улицу. — Я тебе докажу, что я не лох и фамилия моя не Мудозвонов!..» И, взглянув на табличку на двери, где были указаны часы работы банка, решил подъехать сюда к концу рабочего дня и проследить за Селедкой, с целью узнать, где она живет.

Что он и сделал. Подъехал на место примерно за полчаса. Дождался, когда Селедка выйдет из банка, и пошел следом, стараясь держаться на расстоянии, чтобы не быть замеченным ею. Селедка не спешила садиться в городской транспорт. Она шла некоторое время по улице. Зашла в обувной магазин, где в ярком свете огней толпилось немало хорошо одетых женщин, разглядывавших обувные новинки, — это,

видимо, и привлекло ее. Парень заходить внутрь не стал (она могла его заметить) и остался караулить снаружи. Селедка провела в магазине минут сорок или около того. Парень видел ее через стекло витрины, когда она подходила к прилавкам, расположенным ближе к окну, но затем устремлялась в дальние отделы магазина и надолго пропадала из поля зрения.

После обувного она зашла в продовольственный магазин, и он опять остался на улице. Нельзя было рисковать, если он хотел добраться до дома, где она жила. А он очень этого хотел. Столь же страстно, как хотел когда-то, будучи подростком, чтобы мать купила ему гитару, на которой он жаждал научиться играть. Подумав сейчас об этом, он не улыбнулся, а только передернул плечами, словно ощутил озноб.

Караулить Селедку у продовольственного оказалось сложнее, чем у обувного. Магазин был большой, и покупателей немало выходило из его дверей, и тут надо было зорко следить, чтобы не упустить Селедку из виду. Наконец она вышла на улицу с цветастой тряпичной сумкой в руке, из которой торчало горлышко бутылки, обернутое фольгой. «Шампанское прикупила...» — отметил про себя парень.

Потом Селедка спустилась в метро. Парень последовал за ней. Стоял в вагоне поодаль и наблюдал, прячась за спины пассажиров. Та, держась одной рукой за поручень, смотрела туманно на мелькавшие за стеклом огни. Потом улыбнулась каким-то своим мыслям и опять стала серьезной. В какой-то момент парню показалось, что она посмотрела в его сторону. Он тут же спрятался за чью-то голову, а когда выглянул, Селедка уже опять смотрела в окно вагона. «Нет, это

она! Несомненно, она!» — убеждал он себя, отыскивая все новые и новые черточки в ее облике, свидетельствующие о том, что ошибки быть не может. Смущало только одно: почему она едет на метро, а не взяла так-си, — ее «уличные» заработки позволяли это сделать.

Селедка вышла из вагона не доезжая одной станции до конечной. Направляясь к выходу, она кому-то позволила, достав мобильный телефон из сумочки, висевшей у нее на плече. Что она говорила, парень не слышал — слишком на значительном расстоянии он находился, и к тому же громко, как обычно, грохотали поезда.

Дом Селедки оказался поблизости от метро, что порадовало парня — не придется блуждать по темным улицам, выбираясь обратно.

Она набрала код и открыла дверь подъезда. Когда она вошла внутрь, парень рванул что было сил к дому и успел просунуть ногу в щель, пока дверь медленно автоматически закрывалась. Сердце его учащенно билось. Он выждал несколько мгновений, прежде чем пойти дальше. Он услышал, как Селедка пошла вверх по лестнице, не пользуясь лифтом, и последовал за нею, стараясь ступать как можно тише.

Загремела открывающаяся дверь, послышались голоса: это был голос Селедки и хриловатый мужской баритон.

Парень остановился. Он торжествовал, что миссия его увенчалась успехом. Стоит только взглянуть на номер квартиры, когда Селедка скроется за дверью.

— Где он? — спросил обладатель хрилого баритона.

— Идет сзади, — ответила Селедка. — Преследовал меня всю дорогу!

Не сразу парень сообразил, что речь идет о нем, и что он давно обнаружен, и взгляд Селедки в его сторону в вагоне метро не был случайным.

В следующее мгновение из-за шахты лифта, скрывавшей говоривших, вышел приземистый человек в тренировочном костюме, с гладко выбритой головой, с глазами-щелочками, как у прищурившегося кота, и, пошевеливая плечами, точно механический робот, спросил:

— Чего надо?

— Ничего... — растерялся наш герой. И подумал: «Может, это и есть та “крыша”, которой она меня пугала?» И стал путано объяснять: — Тут вот Селедка... то есть Полина... в общем, не знаю...

— Рассказывают, в нашем парке маньяк по вечерам бродит — к девушкам пристаёт... Уж не ты ли?

— Не я.

— Подойди! — велел спортсмен, поманив его пальцем.

Из-за плеча его выглянула Селедка. И посмотрела на парня, прикусив губу.

Парень, вместо того чтобы дать обратный ход, словно под гипнозом поднялся на несколько ступенек вверх. И получил сильный удар в лицо, после чего осел и потерял сознание.

Очнулся он лежа на лестнице. Обидчика его уже не было. Исчезла и коварная Селедка. Вокруг было тихо. Лишь в какой-то квартире работал телевизор, и оттуда сочилась веселая музыка.

Выйдя на улицу, парень обнаружил, что исчезли мобильный телефон и бумажник. Видимо, пока его сознание блуждало в темных мирах, кто-то, прохо-

дивший мимо, обшарил его карманы. К счастью, в заднем кармане он обнаружил сторублевую купюру, до которой не добралась рука грабителя. И он поспешил к метро, время от времени трогая распухшую щеку.

Весь следующий день его подмывало отправиться вечером к художественному салону, но он заставил себя не делать этого.

В начале новой недели, вечером, в компании приятеля и его сестры парень отправился в театр.

И опять его ожидал сюрприз. На сцене, уже в первом действии, появилась она, Селедка! Бог ты мой! Сказать, что парень был потрясен, — это ничего не сказать. Селедка играла одну из главных ролей и делала это весьма умело. Даже пару раз сорвала дружные аплодисменты зала.

Это не она, говорил себе парень. Не может одна женщина появляться то там, то здесь, занимаясь различной деятельностью. Но походка актрисы, ее манера произносить слова, улыбаться, держать голову с независимым видом говорили о том, что перед ним именно знакомая ему Селедка.

В перерыве парень сбегал к цветочной лавке, находившейся поблизости, и купил букет белых роз.

— С чего это вдруг? — удивился приятель, когда он вернулся..

— Труд артистов надо поощрять, — последовал ответ.

После окончания спектакля, когда зал дружно хлопал исполнителям, а те несколько раз выходили на поклон, парень приблизился к сцене и бросил букет Селедке под ноги. Она подняла его и благодарно взглянула на дарителя. Парень просиял. Впервые Селедка посмотрела на него с дружелюбием.

Он не стал ожидать ее у служебного входа, а вместе с приятелем и его сестрой отправился домой. После спектакля, где речь шла о бесправии женщин в одной из стран Востока, было о чем поговорить.

С тем же приятелем ранним вечером следующего дня они подъехали к художественному салону. Герой наш разработал целый план, как получить в объятия Селедку. Предполагалось: приятель, сидящий за рулем «мазды», будет вести переговоры, а он до срока затаится на заднем сиденье, скрытый затемненными стеклами. Когда же девушка сядет в машину, отступить будет поздно.

Селедки на месте не оказалось. Но ждать пришлось недолго. Вскоре она появилась, худая, эффектная, со стройными длинными ногами, с вьющимися волосами, которыми играл ветер и аромат которых парень буквально чувствовал на расстоянии..

Приятель парня тут же тронулся с места, проехал вперед и остановился напротив нее. Удивился поразительному сходству со вчерашней актрисой. И в какой-то момент подумал, что это та, что была вчера на сцене.

Селедка не спеша, как человек, знающий себе цену, ступила с тротуара на проезжую часть и приблизилась к машине.

Парень, сидевший сзади, был так взволнован, что не слышал, о чем говорили и как договаривались его приятель и Селедка.

Завершив переговоры, Селедка села на переднее сиденье, и машина тронулась. Уже в дороге она повернула голову и посмотрела назад, интересуясь, как выглядит второй клиент. И тут увидела парня. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Остановись! — велела она водителю. — Я передумала!

— Почему?! — удивился тот.

— Какая разница! Остановись!

И по выражению ее бледного лица было видно, что в противном случае она выскочит из машины на ходу.

— Подожди, тут поток, дай сначала припарковаться...

И тут заговорил парень. Обида переполняла его.

— Почему ты игнорируешь меня?.. Что я, прокаженный какой или от меня нечистотами воняет?!

— Воняет! — коротко бросила Селедка. И через мгновение жестко пояснила: — У тебя на лбу написано, что ты — мент! Шляться попусту могут только менты! А мне с этой публикой не по пути! — И добавила: — Вон Анька, Крапива, второй месяц после ментовского субботника в больнице валяется...

— Дура! — выругался парень. — Я аспирант... а сейчас каникулы!

И замолчал.

— Мы вчера были на спектакле, — сказал приятель, поглядывая вперед и ища место, где можно было бы приблизиться к тротуару, — видели, как ты играла... Хорошо.

— На каком еще спектакле? — спросила недоверчиво Селедка.

Приятель назвал пьесу и театр, где они были.

— Это ты, водила, перепутал. Я проститутка и на сцене не играю!

— А в больнице зачем подрабатываешь... Полина? — сказал ей в затылок парень.

— Лечись! — последовал ответ.

Машина остановилась, и Селедка вышла, с чувством хлопнув дверью.

С тех пор парень перестал ездить к художественному салону. Жил своей жизнью, и все.

В День города, когда вокруг играла музыка, а ветер трепал флаги, укрепленные на домах, и по тротуарам бродили толпы веселой шумливой молодежи, парень сидел в гостях за столом, пил маленькими глотками водку, тихо внимая застольным рассказам. В дверь неожиданно позвонили. Хозяйка побежала открывать, и вернулась... с кем бы вы думали? С Селедкой.

Парень жевал в это время какую-то рыбу и выплюнул ее в салфетку, чтобы не подавиться.

Селедку встретили веселым шумом. Многие за столом знали ее. Гостью усадили за стол наискосок от нашего героя. Поставили перед ней чистую тарелку, бокал с красным вином. Она ясно смотрела на окружающих, в том числе и на парня, и было видно по ее светящимся глазам, что она видит его впервые.

Что за наваждение, думал тот. Но ведь это же Селедка! Ее разрез глаз, ее губы, подбородок... Пусть застрелят меня, если это не она!

Уже изрядно подвыпив, он как-то неожиданно переместился на свободный стул возле нее и завел разговор: кто она, что она? Чем занимается?

Селедка ответила, что работает в школе, преподает биологию.

— Биологию? — пьяно ухмыльнулся парень. — Теперь это так называется...

— В каком смысле — теперь? — не поняла собеседница. — Это всегда так называлось... — И строго взглянула на шутника.

— Знаем, знаем... — отозвался тот, намекая на то, что ему многое известно.

— Что вы знаете?

И тут парня потянуло на пьяную откровенность.

— Ну почему ты меня невзлюбила? — с надрывом спросил он, отчего сидевшие рядом с удивлением воззрились на него.

— Я?

— Ты!

— Да я вас первый раз вижу!

— Хо! Это ты им рассказывай... — Он кивнул на тех, что заинтересованно слушали его речь, предчувствуя назревающий скандал. — А мне ответь: чем я хуже тех, что ездят на «мерседесах»? У меня такие же руки, ноги, голова... Не отвергай меня! — И на глаза его навернулись слезы. — Ты у меня здесь, как заноза! — Он ткнул себя кулаком в грудь.

— Вот навязался на мою голову... Где я отвергала? Я тебя до сегодняшнего дня знать не знала!

— Не надо! Не надо вводить в заблуждение народ! Они знают, кто ты? Скажи им!

Селедка в недоумении пожала плечами.

А парень с пафосом продолжал:

— Но знай, я приму тебя любой... Мне плевать на твое прошлое!

— По-моему, у чувака не все дома! — сказал кто-то из гостей.

— Сумбур вместо музыки! — добавил другой из числа интеллектуалов.

Парень не слышал их.

— Скажи «да», — потребовал он, цепляясь за ее руку. — Скажи, что будешь со мной!

— Ребята, чего он ко мне пристал?! — обратилась Селедка за помощью к окружающим. — Я его не знаю и знать не хочу!

— Действительно, чувачок сбрендил! — констатировал негромко друг хозяйки квартиры, до всей этой сцены перебиравший струны гитары.

Парень отпихнул от себя стоящие перед ним тарелки, те со звоном сдвинулись к середине стола, нарушив порядок стоящих там предметов, и бросился к окну. В одно мгновение оседлал подоконник, свесив ноги наружу. А квартира, где гуляли, следует сказать, находилась на пятом этаже.

— Если ты не скажешь «да», — он обратил свое лицо к Селедке, — я прыгну в окно!

Хозяйка дома, да и некоторые другие, знавшие парня как сдержанного, рассудительного человека, были неприятно удивлены подобной сценой.

— Считаю до трех! — выкрикнул возмутитель спокойствия. — Раз!.. Два!..

Гости не стали испытывать судьбу. Навалились на парня, сорвали его с подоконника. Оттащили в ванную комнату и заперли там, предварительно окатив его голову холодной водой...

На другой день герой наш, озабоченный своим состоянием, отправился к врачу, специалисту по психическим болезням. Ему хотелось понять, что с ним происходит и почему он встречает то там, то здесь Селедку, являющуюся ему в разных облициях. Что это? Воображение потерявшего голову влюбленного? Или психоз?

Врач, мужчина средних лет, гладко выбритый, с живыми глазами, в темно-золотистом галстуке, кото-

рый буквально светился у него на шее, выслушав его, сказал, поглаживая ладонью свое широкое колено:

— Подобное бывает у чувствительных натур вашего возраста... Вот если бы вам повстречался Феликс Дзержинский или Любовь Орлова... Это было бы гораздо хуже.

И спросил:

— Кто она? Эта женщина?

— Проститутка, — признался парень.

— Проститутка?.. — Врач был удивлен. — И вы всюду ее встречаете?

— Да. То в больнице, то в сбербанке, то на сцене театра... — подтвердил парень.

— Может, эта женщина работает по совместительству?

— Не в пяти же местах!

— В некотором смысле, — заключил умный врач, — это закономерно. Каково общество, таковы и фантомы, являющиеся нам! — И доверительно пояснил: — Общество продажное, и вот, пожалуйста, везде мы встречаем продажных женщин!.. У вас, молодой человек, ничего серьезного, — подвел он черту, ощутив узел галстука — на месте ли он. И, наклонившись к столу, черкнул на бумаге, выписывая рецепт. — Попейте этот препарат — по одной капсуле три раза в день. Через месяц вы вашу дамочку днем с огнем не найдете!

Парень вышел от врача неудовлетворенный. Ему так и не объяснили толком, что с ним. На душе было мутно. И совсем не было желания глотать капсулы, чтобы навсегда избавиться от образа Селедки.

Пребывая в своих неясных мыслях, парень сел в маршрутку. Некоторое время ехал куда-то, тупо гля-

дя в окно. За стеклом бежали деревья, прохожие, пятна реклам, палатки, в которых торговали едой.

На очередной остановке кто-то уселся рядом с ним, плотно прижавшись своим бедром к его бедру. Он продолжал бездумно смотреть в окно, пока не ощутил жар чужого тела и не почувствовал от этого неудобство. Он повернул голову, желая посмотреть, кто же такой «жаркий» у него под боком, и с удивлением обнаружил сидящую рядом Селедку. Селедка что-то объясняла, улыбаясь, женщине с хозяйственной сумкой, расположившейся напротив. Парень почувствовал знакомый аромат, исходивший от ее волос, и голову его повело, точно у пьяного.

— Привет! — сказал он, обращаясь к Селедке. — Кажется, мы знакомы?..

Та с удивлением посмотрела на него.

Камера преобразования

Бермудов договорился с приятелем встретиться у входа на выставку современного искусства. Выставка была устроена в одном из старых московских особняков. Современная живопись и разного рода инсталляции, размещившиеся в нескольких залах дворянского дома начала XIX века, принадлежавшего теперь одному из нынешних богачей, чей портрет почетно висел в начале экспозиции, притягивали многочисленных любителей искусства. И приятель убеждал Бермудова, что каждому культурному человеку непременно следует посетить выставку. «Это рывок в общественном сознании!» — утверждал он.

Приятель, Устюгов, на встречу не пришел. И Бермудов отправился бродить по залам самостоятельно, хотя и не испытывал особого интереса к современной живописи — если честно, он даже пугался ее. Вокруг него ходили и толпились люди, по преимуществу молодые, шумные, раскованные, попадались среди них и постарше, в неопрятной одежде и с сальными волосами; глаза у тех и других горели, лица вдохновенно

светились. То тут, то там возникали споры относительно достоинств той или иной картины. Бермудов остановился пару раз послушать умные речи, но, подавленный умом и образованностью ораторов, считал за благо для себя ретироваться.

Особенно неуютно ему стало в зале, где разместились инсталляции. Он увидел скопление бутылок разной формы, патефонов, старых телефонных аппаратов, покрашенных в разный цвет, поломанных стульев, изношенной обуви и прочего. Понять что-либо среди множества предметов, бытовых и не бытовых, собранных воедино по прихоти авторов, было сложно. Бермудова стало подташнивать. «Какой же я тупой!» — с грустью подумал он, понимая, что не сможет совладать с множеством смыслов, заложенных в представленных в зале работах. И он нелестно подумал о родителях, особенно об отце, который за свою жизнь прочел дай бог три книжки, предпочитал свободное время проводить за картами и водкой и даже не попытался приобщить маленького Бермудова к прекрасному, о чем Бермудов сегодня жалел. Родители, если бы хотели, могли отдать его в музыкальную школу или в тот же кружок рисования, глядишь, был бы он сейчас среди этого пиршества красок и образов как рыба в воде, а не ходил, точно иностранец, не знающий языка, в чужом городе.

Когда Бермудов окончательно загрустил и собрался было покинуть выставочные залы, не желая испытывать долее комплекс неполноценности, он увидел небольшую толпу, собравшуюся у большого — два на два метра — куба, покрашенного в белый цвет, с белой дверью на одной из сторон. Над дверью висела

надпись «Камера преображения». Вот эта надпись и привлекла внимание Бермудова. «Камера преображения» — любопытно! У входа в куб за белым столиком на белом стуле сидела пожилая женщина в форме музейного работника с каким-то металлическим значком неясного назначения на груди и продавала билеты желающим посетить столь необычное место. Стоил билет тысячу рублей. Сумма немалая, отметил Бермудов. Тем не менее, желающих попасть внутрь камеры и на время измениться, как обещала женщина, оказалось десятка три. Заплатившие деньги входили в дверь, и никто не выходил обратно. Вероятно, посетители выходят в другую дверь, решил Бермудов. Когда камера освобождалась и можно было запустить следующего посетителя, на столике у женщины, торговавшей билетами, загоралась небольшая лампочка.

Наконец подошла очередь Бермудова, и он вошел. В камере был полумрак. Под потолком горела единственная лампочка красного цвета. Атмосфера была более чем таинственная. Бермудов постоял некоторое время на одном месте, оглядываясь вокруг и ожидая «преображения», но его не было. «Опять нагрели! Что за страна!» — подумал Бермудов. И вспомнил, как однажды, во время какого-то многолюдного митинга в городе, сунулся в одну из кабинок уличного туалета. Когда, заплатив деньги, он закрылся в кабинке, выяснилось, что там нет унитаза, и вообще нет никакого отверстия, только ровный пол. «Вот тебе раз!» — подумал он тогда. Видимо, нечто подобное было и здесь. Комната не имела окон, стены были затянуты черной тканью, красная лампочка, тускло светившая под потолком, выглядывала из металлического патрона, точ-

но последний зуб во рту. Бермудову не было жалко тысячи рублей, которую он отдал за вход в эту комнату. Обидно было, что опять нагрели! Размышляя о доле русского человека, которого нагревают на каждом шагу, он ненароком бросил взгляд на свои ноги и руки и вдруг обнаружил, что они не его и имеют явную женскую принадлежность. Руки были холеные, в кольцах, с длинными красными ногтями, на ногах вместо мужских сандалий сидели женские туфли на высоком каблуке. «Фу, мерзость!» — подумал Бермудов и почему-то ощупал голову. Волосы на голове были длинные, светлые, в завитках (он сумел рассмотреть один кончик, подтянув его к глазам). Сам Бермудов обычно коротко стригся и волосы имел от природы темные. Вслед за головой он ощупал лицо. Оно было гладким, с мясистыми щеками и большими губами. Бермудов пожалел, что у него нет с собой карманного зеркальца, чтобы рассмотреть свое изменившееся лицо. Хихикнув, пожалел также, что нет рядом его приятеля, Устюгова, с которым можно было бы обсудить случившееся.

Походив взад и вперед по камере, полюбовавшись доступными его глазу новыми формами, Бермудов порадовался тому, что на этот раз его не обманули и произошло то, что было обещано. Пора было выходить наружу и возвращаться к своему привычному облику. Бермудов взялся за ручку и толкнул дверь от себя. Дверь открылась, и он оказался не в зале выставки, откуда заходил, а где-то на пустынной улице, у длинной кирпичной стены. «Как это может быть? Дверь-то одна, другой нет... — озадачился он. — Откуда вошел, туда и вышел. По крайней мере, так должно быть. Непорядок!» — возмущенно отметил Бермудов

и пошел искать главный вход в особняк. Шагая вдоль припаркованных напротив стены машин, он увидел в стеклах отражение идущей женщины и в ужасе понял, что это он. Выйдя из камеры, он не стал прежним. «Такой хоккей нам не нравится!» — побледнел Бермудов и прибавил шагу. Наконец он вышел к фасаду особняка. К его удивлению, вход в выставочный зал оказался закрытым. За стеклом висела табличка «Выставка закрыта». Бермудов постучал кулаком по стеклу. Охранник, появившийся за стеклом, подтвердил, что выставка закрыта, и предложил прийти на следующий день. «Что значит, на следующий день?! — вскричал Бермудов. — А до завтра мне что, ходить в таком виде?» — «Не волнуйтесь, женщина, — успокоил его охранник, не очень понимая, о чем идет речь, — у вас вполне приличный вид». И удалился. Бермудов стукнул несколько раз по стеклу и осел на землю.

Сколько он так сидел, Бермудов не помнил. Наверное, он так бы и продолжал сидеть еще неизвестно сколько, но к нему подбежал какой-то отзывчивый человек, из числа тех, что еще встречаются в нашем городе, одетый в серую летнюю пару, со светлой бородкой, похожий на священнослужителя, и, напуганный бледностью Бермудова, спросил: «Вам плохо?..» Затем помог подняться. Убедившись, что женщина, которой он оказал помощь, чувствует себя нормально и вполне может передвигаться самостоятельно, человек в серой летней паре удалился. А Бермудов отправился на поиски своей машины, которую по приезде на выставку оставил в соседнем переулке. Слава богу, сумка Бермудова, где находились ключи и документы,

осталась при нем, а не превратилась в дамскую сумочку с соответствующим содержимым.

Дойдя до машины, Бермудов открыл дверь, уселся за руль и стал думать, что же теперь делать. Завтра он приедет к открытию выставки и сразу же постарается попасть в камеру преобразования, с тем чтобы вернуть себе прежний облик. Но что делать сегодня? Домой в таком виде он не может идти — жена, Клавдия, непременно выставит за дверь постороннюю бабу, которую увидит перед собой. Конечно, Бермудов может рассказать ей о том, что произошло, показать свой паспорт и автомобильные права... Но та не поверит. Скажет: вы, женщина, мать вашу так, ограбили моего мужа, а теперь несете ахинею! И вызовет полицию. Его отвезут в отделение, посадят в «обезьянник». И там он сгниет в образе бабы, пока нерасторопные стражи порядка будут искать пропавшего Бермудова.

Бермудов ощупал свое лицо. Повернул к себе зеркало заднего обзора, заглянул в него. Увидел там лицо сорокалетней женщины, не сказать чтобы очень привлекательное, но, в общем, и недурное. Подведенные темным брови, розовые от макияжа щеки, накрашенный перламутровой помадой рот. Он пошевелил губами, и губы женщины в зеркале повторили это движение, являясь свидетельством того, что лицо в зеркале — его лицо. «Фу, мерзость!» — повторил он слова, сказанные им ранее в камере преобразования.

Тоска охватила Бермудова. Ему хотелось к себе домой, в свой уютный кабинет. К своему компьютеру и любимым дискам. И даже Клавдия, обычно несдержанная на язык, пилившая его часто по всякому поводу, не казалась ему сейчас грубой и непривлекатель-

ной. «В любом случае, — подумал Бермудов, — надо сообщить ей, что я не приду домой ночевать... Шуму, правда, будет, но это уже мелочи!» Выход был один: отправиться к Устюгову и убедить приятеля, что перед ним не женщина, а он, Бермудов, его несчастный друг. Если тот поверит, то предупредит Клавдию, что Бермудов не придет ночевать.

Постонав в голос наедине с собой, точно от зубной боли, Бермудов отправился к Устюгову.

Чтобы не звонить в домофон, дождался первого, кто вышел из подъезда, и, пользуясь тем, что дверь медленно закрывалась, проскользнул внутрь. Поднялся на нужный этаж. Позвонил в квартиру, предварительно огладив свой женский наряд, состоявший из светлой блузки и темных элегантных брючек, обтягивавших крупные ляжки, которые были ему не по душе: Бермудову никогда не нравились женщины с крупными ляжками. «Только бы не вышла жена Устюгова, Тамара», — подумал он, зная, что та патологически ревнива, хотя для этого у нее не было никаких оснований. Устюгов был человеком неприметным, и редкая женщина могла заинтересоваться им всерьез.

К счастью, дверь открыл сам Устюгов. Строго оглядел стоявшую перед ним женщину.

— Слушай, Славка! — заговорил вполголоса Бермудов. — Мне нужна твоя помощь!

— Мы разве знакомы? — удивился Устюгов.

— Знакомы, знакомы...

— Я что-то не припоминаю...

— Слушай, Славка! Ты сегодня собирался на выставку, где должен был встретиться с Бермудовым?

— Ну, собирался... — Устюгов с подозрением взглянул на незнакомую женщину, разговаривавшую с ним столь фамильярно.

— И не пришел, подлец! Так вот, я — Бермудов... Сейчас я тебе объясню, почему у меня такой вид...

— В каком смысле вы — Бермудов? — Устюгов нервно повел головой, думая, что попал на сумасшедшую бабенку. — Бермудов, насколько я знаю, — мужчина... А вы, простите за выражение, женщина.

И подумал: «Откуда этой ненормальной бабе известно мое имя?»

— Слушай меня внимательно, дурак, и не перебивай! — жарко зашептал Бермудов. — Я был на выставке. Тебя не дождался. Пошел посмотреть картины. Увидел большой белый куб, а на нем надпись «Камера преобразования». Я зашел внутрь, заплатив предварительно тысячу рублей, и превратился в бабу, которую ты видишь перед собой. Пока я соображал, что к чему, выставка закрылась. Завтра вновь отправлюсь в эту камеру и, надеюсь, верну себе прежний вид.

Устюгов, напуганный неясными речами нежданной гостьи, попятился задом в квартиру, желая улизнуть от нее, но Бермудов ухватил его за рубашку и вернул обратно.

— Стой и не дергайся! Я к тебе как женщина приставать не собираюсь... Мне нужно одно: чтобы ты позвонил Клаве и сказал, что я сегодня не приду ночевать. Что у меня срочное дело и все такое... Усек? Сам понимаешь, она выгонит меня, если я притащусь к ней в таком виде.

Устюгов молчал и боязливо косился на руку Бермудова с красным лаком на ногтях, державшую его за ворот рубахи. Глаза его лезли из орбит.

Бермудов зло поморщился, видя, что Устюгов не верит ему. Пока он думал, как же ему убедить приятеля, что он — это он, за спиной Устюгова появилась его жена Тамара. Подозрительно взглянула на незнакомую женщину, разговаривавшую с ее мужем.

— Что происходит? — строго спросила она, обращаясь к Устюгову. — Это кто такая?

— Какая-то сумасшедшая... — возбудился тот, почувствовав себя с появлением жены увереннее. — Заявляет, что она... то есть он — Бермудов!

— Что ты плетешь?! При чем здесь Бермудов? — Глаза Тамары зло и удовлетворенно блеснули: наконец-то она застучала мужа с бабой. — Признайся, это твоя проблядушка? Что ей надо? Постыдилась бы приходить к любовнику в дом!

— Тома! Я ее первый раз вижу!..

Бермудов понял, что добиться чего-либо от этой парочки ему не удастся. И прежде чем покинуть лестничную площадку, бросил в лицо Тамаре:

— Ваш Слава сделал мне ребенка, и не хочет, мерзавец, его признавать!

И бросился вниз по лестнице с мыслью: раз ему плохо, пусть и им будет плохо! Последнее, что он услышал, пока не удалился на значительное расстояние, это звук звонкой пощечины. Звук этот отозвался пением в его душе.

Когда он вышел на улицу, в сумке зазвонил мобильник. Он вынул его, взглянул на экран: звонила Клавдия. Бермудов, не раздумывая, отключил телефон: не станет же он отвечать на звонки жены женским голосом!

Ночь Бермудов провел в машине, поставив ее подалее от собственных окон, чтобы не увидела Клав-

дия. Он долго ворочался на заднем сиденье, не в силах уснуть, пил воду из пластиковой бутылки, которую обнаружил в бардачке. Смотрел через стекло на звезды, мерцавшие в небе, задавая себе и Богу вопрос: чем же он так провинился, что в одночасье превратился в бабу? Ладно бы в молодую, смазливую, а то — в увядающую, так себе, да еще с крупными ляжками, которые вызывали у него брезгливое чувство. Наконец он забылся тяжелым сном. Некоторое время ему снились живописные полотна неясного содержания. Потом приснилась женщина, продававшая билеты в камеру преображения. В какой-то момент она превратилась в его давнюю учительницу биологии и, тыкая указкой в сторону раздетого ниже пояса Бермудова, объясняла сидящим в классе подросткам, по каким признакам женщина отличается от мужчины.

Проснулся он от негромкого стука. Бермудов открыл глаза, сообразил, что уже рассвело, и увидел за стеклом какого-то нетрезвого мужика. Тот стучал в стекло и требовал открыть дверцу машины. «Чего тебе?» — поинтересовался Бермудов. «Пусти погреться, — оскалился тот, радуясь женскому лицу. И предложил: — Может, перепихнемся?» — «Пошел к черту!» — огрызнулся Бермудов и для пущей убедительности показал дворовому донжуану монтировку, которую всегда держал под передним сиденьем. «Ну и дурра!» — заявил тот и, шатаясь, удалился.

Когда утро окончательно вступило в свои права и город зашумел, наполнился человеческой речью, звяканьем какого-то металла, шумом моторов, пением птиц, шелестом деревьев, чужезычной переключкой дворников-киргизов, Бермудов отправился в ближай-

шее кафе, чтобы умыться в туалете и позавтракать. Немало ему пришлось помучиться с длинными волосами, прежде чем он расчесал их и сделал некое подобие прически. С радостью Бермудов подумал о том, что в мужском состоянии он носит короткую стрижку и избавлен от забот подолгу, как женщина, заниматься своими волосами.

Он выпил одну чашку чая, вторую, третью... И все поглядывал на часы: не пора ли ехать на выставку? Выставка, как он помнил, открывалась в десять. Наконец время пришло. Он сел за руль, сняв предварительно туфли, каблуки которых мешали нажимать на педали, и, ругая пробки, тормозившие энергичную езду, направился в ту часть города, где находился известный нам особняк и выставка современного искусства в нем. Больше всего Бермудов опасался, что на выставке устроят какой-нибудь санитарный день, и тогда он выпадет из нормальной жизни еще на сутки. Этого бы он не вынес. Тут он вспомнил, что сегодня суббота, и это несколько успокоило его: по субботам в музеях и на выставках не бывает санитарных дней.

К счастью, выставка была открыта, и Бермудов, купив билет, беспрепятственно прошел внутрь. Тут же побежал в зал, где находился белый куб. Сердце его учащенно билось. Теперь он опасался, что может оказаться закрытой сама камера преобразования. Устроители сошлутся на технические причины — и привет! И здесь ему повезло: куб находился на своем месте, камера работала. Опять у входа толпились люди. Билеты продавала та же седовласая женщина со значком на груди. Бермудов встал в очередь. Очередь на этот раз двигалась медленно, и он начал нервничать. «Не-

льзя ли ускорить процесс?» — воскликнул он, обращаясь к женщине. «Это не ко мне, — отозвалась та, недовольная поведением нетерпеливой дамы несколько неопрятного вида. — Обращайтесь к тем, кто заходит внутрь...»

Наконец подошла очередь Бермудова. Заплатив тысячу рублей, он шагнул внутрь. В камере все было так, как накануне. Черные стены, красная лампочка под потолком. Тишина. Звуки снаружи сюда не проникали. Бермудов стоял в центре камеры и ждал. Мелькнула нехорошая мысль: «А что если на этот раз эффект камеры не сработает, и я останусь бабой?..» От этой мысли его бросило в озноб. Это значит, поменяется вся жизнь, все, все, каждая мелочь! Упаси Господи! Бермудов перекрестился. Некоторое время он тупо созерцал черные стены, не рискуя взглянуть на свои холеные женские руки с красными ногтями и ноги в женской обуви. В какой-то момент ему показалось, что его мясистые ляжки уменьшились в объеме и уже не распирают брюки как прежде. И пухлые щеки по его ощущению стали меньше. И вот тогда он отважился взглянуть на руки. На них не было маникюра, ладони были явно мужские. На ногах сидели мужские туфли, но почему-то не черные, какие были на нем вчера, когда он впервые вошел в камеру, а из светлой кожи, со стоптанными каблуками. «Ладно, черт с ними, с туфлями! — подумал он. — Главное, я опять мужик, опять Бермудов!» С радостным чувством он открыл дверь и вышел наружу.

Как и днем ранее, он опять оказался у длинной кирпичной стены. Бермудов пошел вдоль нее, оценив, наконец, прелесть текущего дня, наполненного солнеч-

ным светом, радостным полетом чертивших в воздухе птиц, шелестом цветущих лип, источающих медовый запах. Он даже поднял вверх руки от удовольствия созерцать все это. И тут произошло то, что разом изменило его настроение. Он вдруг увидел, что руки, которые он тянул вверх, явно не его, не Бермудовские. И что самое ужасное: на тыльной стороне ладоней пестрели пятна, какие бывают на коже у стариков. Осознав неладное, Бермудов побежал к центральной двери особняка, где находился вход на выставку. В стекле он увидел свое отражение. Перед ним стоял седой старик лет семидесяти, довольно еще бодрый на вид. Кровь ударила Бермудову в голову: они что, издеваются над ним?! Он дернул на себя ручку двери. Дверь, как и днем ранее, оказалась закрытой. Бермудов принялся яростно стучать по стеклу. За стеклом появился охранник, уже другой, вчерашний был худой, высокий, а этот — приземистый, с красным одутловатым лицом. «Чего надо?» — громко спросил он. «На выставку, на выставку мне надо!» — вскричал Бермудов и пристукнул ногой от нетерпения. «Мы уже закрылись, — ответил охранник и зевнул в кулак. — Приходи, отец, завтра». — «Как закрылись? Почему?! Вы только час назад открылись!» — возмутился Бермудов. «Ты, отец, пересидел на солнце. Посмотри на время: уже шестой час...» — охранник показал на циферблат ручных часов. Бермудов посмотрел на свои. Действительно, стрелки показывали пятнадцать минут шестого. «Откройте!» — крикнул в отчаянии Бермудов и ударил кулаком по стеклу. А что еще несчастному оставалось делать? «Если будешь хулиганить, папаша, я вызову полицию!» — заявил охранник и, погрозив пальцем,

ушел из поля видимости. «Сволочи!» — выругался Бермудов и, дергаясь от негодования, пошел к своей машине. Машина была его единственным прибежищем, тем, что осталось от былой жизни. Нечто вроде дома на колесах, где можно было укрыться от непогоды и переждать трудные часы.

Сев за руль, Бермудов развернул к себе зеркало заднего обзора, чтобы увидеть, как он выглядит теперь. Зрелище, как он и предполагал, оказалось нерадостным. Из зеркала на него смотрел старик с морщинистым лицом и колючим взглядом. И хотя седина на голове придавала этому лицу определенное благородство, старик имел малопривлекательный вид. Щеки плохо выбриты, нос в красных прожилках. «Еще и алкаш в прошлом!» — отметил обреченно Бермудов. Возможно, Бермудов был слишком придиричив. Он привык относиться к старым людям с чувством некоторой брезгливости: старость — она и есть старость, что с нее возьмешь?! Еще он увидел в зеркале следы перхоти на темных плечах своего пиджака, и это его окончательно доконало. Он заплакал. Не желая видеть свои слезы, крутанул в сторону зеркало.

И все же человек живет надеждой. Надеялся на лучшее и Бермудов. Успокоившись, он вытер слезы. «Не может это продолжаться день за днем, — рассудил он. — Когда-то я должен обрести свой прежний вид. Для этого природа и произвела меня Бермудовым, а не кем-то другим... Черт меня дернул сунуться в эту камеру преобразования! Говорят же: с такими вещами нельзя шутить!.. Жил я себе, жил, вполне довольный своей жизнью, работой экономиста, положением в компании, где трудился и где меня ценило начальство, до-

вольный — пусть и с некоторыми оговорками — женой, приятелями, даже этим недотепой Устюговым... и вот на тебе — вляпался!»

Надеясь на возвращение в прежнюю жизнь, Бермудов стал думать о жене. Он все-таки любил Клавдию, несмотря на ее выкрутасы. Надо как-то предупредить ее, что он будет отсутствовать еще некоторое время. А то она наверняка вообразила неизвестно что. И действительно: где Бермудов? то ли к другой бабе ушел, то ли попал под машину! А может, инопланетяне умыкнули его для своих опытов?

Перед тем как связаться с женой и постараться ей что-либо объяснить, Бермудов решил перекусить для бодрости духа. Ведь он с утра ничего не ел. Идти куда-то в шашлычную, а тем паче в ресторан у него не было желания. Да и вид у него теперь был не подходящий для ресторанов: мятый пиджак с перхотью на плечах (он ее стряхивал, а она вскоре опять набегала), брюки неопределенного цвета, давно не видевшие утюга, стоптанные туфли. Самое лучшее, решил Бермудов, — пойти в магазин, купить хлеба, колбасы и бутылку молока в придачу и в машине перекусить.

Он затормозил у небольшого магазинчика примерно в полукилометре от своего дома и вышел.

В магазине народу было всего ничего. Женщина средних лет с большой хозяйственной сумкой, покупавшая кефир и сосиски, и два нетрезвых мужика неопределенного возраста с озабоченными лицами. Мужики считали мелочь, которую держал в ладони, сложенной лодочкой, один из них. Денег купить бутылку водки не хватало, и оба устремили печальные взоры поверх прилавка на полки, где стояли бутылки

с крепкими напитками, в надежде обнаружить там что-либо подешевле. Увидев Бермурдова, оба оживились. Вид старика внушал доверие.

— Дед, третьим будешь? — спросил один из них, тот, что был на голову выше приятеля, черный от загара, худой, изнуренный — то ли болезнью, то ли водкой.

— Не буду! — буркнул Бермурдов.

— Почему?

— Я не алкаш!

— А кто же ты? — удивился второй, с остатками волос на голове, словно ему показали обезьяну и сказали, что это аллигатор. — Ты на себя в зеркало смотрел?

— Смотрел, смотрел...

— И что же?

— Не пью! Внешность обманчива! — Бермурдов шмыгнул носом и подумал: «А может, сложится с ними на бутылку? Ведь пил же композитор Шостакович с подобной пьянью. Принять стакан на грудь сейчас не помешало бы...» Но тут он вспомнил, что ему надо сесть за руль, доехать до дома (тут метров восемьсот), поставить машину во дворе и пойти, вероятно, к Клаве в гости, представившись сослуживцем ее мужа, то есть его, Бермурдова. Следовательно, садиться за руль пьяным негоже! Бермурдов осуждал тех, кто пренебрегал этим правилом. С другой стороны, идти к Клаве в гости на трезвую голову он опасался. Да и что тут проехать-то — восемьсот метров?!

— Дед, долго думаешь, — сказал высокий. — Гони полсотни! Там на улице целая толпа из желающих присоединиться к нам третьим!

— Что-то я там никого не видел...

— Стоит мне только свистнуть, сразу набегут!

— Свисти!

Женщина, покупавшая кефир и сосиски, отошла от прилавка. Бермудов встал на ее место. Попросил у продавщицы белый батон (из тех, что посвежее), полкило телячьей колбасы и бутылку молока. Когда все это продавщица выставила перед ним на прилавок, пьянчуги взглянули на него как на врага. Бермудов же был невозмутим. Полез за деньгами, чтобы расплатиться.

— Бывают хорошие старики, а бывают — вредные... — сказал тот, что был ниже ростом, и зло чесал свою лысеющую голову. — Ты вот, дед, вредный! Небось травмишь бродячих собак втихаря — признайся!

В ответ на это Бермудов попросил у продавщицы бутылку водки для себя. «Зачем пить с этой пьянью? — решил он. — Приеду на стоянку, закроюсь в машине и выпью сам по себе, сколько надо. А поговорить захочется — так мне все равно к Клавке идти!» И Бермудов попросил продавщицу присовокупить к бутылке водки пяток пластиковых стаканчиков.

— Дед, дай хоть пару червонцев — на бутылку портвейна не хватает! — взмолился тот, что был ниже ростом. — А мы тебя после твоей смерти добрым словом помянуть будем!

— Я умирать пока не собираюсь...

Помявшись немного в раздумье, Бермудов вынул кошелек и сунул мужикам два червонца.

— Слушай, дед! А ты не так плох, как казалось... — оживились сникшие было страдальцы.

Бермудов отмахнулся (ему не нужна была благодарность пьяниц), сложил свои покупки в пластиковый пакет и вышел из магазина.

Уже сидя в машине на стоянке возле дома, он разложил на газете нарезанные хлеб и колбасу. Наполнил пластиковый стаканчик водкой и выпил. Закусил не сразу. Сидел несколько мгновений и ждал, когда водка разольется по внутренностям. словно так было надежнее для снятия стресса. Когда почувствовал, что внутри все загорелось, взял бутерброд и стал жевать. Включил радио. Зазвучала музыка. На волне радио «Ретро FM» звучала песня «Опавшие листья» в исполнении Ива Монтана. Бермудов слышал ее впервые, и почувствовал, что песня созвучна его настроению. Он выпил еще половину стаканчика. Съел второй бутерброд. На душе повеселело. Он завернул хлеб и колбасу в газету и все это, вместе с остатками водки и стаканчиком, убрал в бардачок. Теперь можно было идти домой разговаривать с Клавой. Он решил, что представится бухгалтером, сотрудником той компании, где работал.

Бермудов долго звонил в дверь. Но ему никто не открыл. Видимо, Клавдии не было дома. «Шляется где-то, — подумал он, — вместо того, чтобы слезы лить по пропавшему мужу!» Воспользоваться своим ключом и войти к себе в квартиру он не рискнул. Не дай бог соседи увидят старика, открывающего чужую дверь! Вызовут полицию, и тогда он доберется до камеры пренебрежения только года через три, если та еще будет существовать.

Бермудов вернулся в свою машину, которую, как и прошлой ночью, поставил в дальний конец двора.

Включив радио, прилег на заднее сиденье, положив под голову свою сумку и накрывшись пиджаком. Думать о чем-либо не было желания. Да и о чем тут будешь думать, ежели лежишь в машине стариком, ко-

торому за семьдесят? О девках? О восхождении на Эльбрус? Или о том, чтобы совершить выдающееся открытие и прославиться, о чем мечтается в молодости?

«Где же все-таки Клавдия?» — подумал Бермудов. И решил отправить ей эсэмеску, с помощью которой мог бы дать информацию жене о себе, не прибегая к посредникам. И пожалел о том, что столь чудесная идея не пришла ему в голову вчера. Бермудов вынул из сумки мобильный телефон, набрал текст: «Клава, не волнуйся! Я жив. Скоро увидимся», — и отправил его на номер жены. Вскоре мобильник ответно брякнул. Он приблизил его к глазам, заглянул на экран. «Ты где, сволочь? — спрашивала Клавдия. — Я уже отрядила полицию на твои поиски!» — «Я в командировке. Вернусь через день», — сообщил Бермудов. «В какой, блин, командировке?!» — возмутилась Клавдия. Бермудов даже представил ее негодующее лицо. Отвечать он не стал. Вместо ответа выключил мобильник. Главное сделано, подумал Бермудов, он дал о себе весточку.

И опять он плохо спал ночью. На этот раз побаливала после выпитого печень (сказывался возраст старика) и ныло от боли правое колено (видимо, старик к тому же страдал ревматизмом). Так с мучениями, иногда проваливаясь в сон, Бермудов дотянул до утра. И опять кто-то — уже после того, как рассвело — постучал ему в стекло, но он даже не повернулся, оберегая больное колено, лишь поднял лежавшую под рукой монтировку и показал ее тому, кто стучал. Судя по вопросу, который задал стучавший: «А где бабенка, что ночевала тут вчера?..» — Бермудов сообразил, что это вчерашний жаждущий любви нетрезвый скиталец. Увидев монтировку в руках старика, он удалился.

Когда пришло время собираться в дорогу, чтобы ехать на злосчастную выставку, Бермудов решил, что на этот раз умываться в кафе не пойдет. Он вынул из бардачка бутылку с молоком. Пополоскал им зубы и выплюнул жидкость через открытое окно наружу. После чего сделал несколько глотков, решив, что этого достаточно для завтрака. Затем вылез из машины и, за неимением воды, тем же молоком, наливая его в ладонь, умыл лицо. Умываются же молоком женщины для улучшения состояния кожи, и ничего! Молочные брызги падали на асфальт между его машиной и соседней, оставляя на нем прихотливые блекло-белые разводы. Умывшись, он вытер насухо лицо носовым платком.

Потом вынул из машины пиджак, почистил его от перхоти и следов мела, которые обнаружил сзади. Надел его и сел за руль. Бермудова немного подташнивало, правое колено продолжало болеть. Но он старался об этом не думать. Все его мысли роились вокруг предстоящей поездки на выставку. Опять он нервничал: а вдруг она сегодня закрыта? И убеждал себя, что это невозможно. Что так не должно быть.

Бермудов включил зажигание и отправился в путь.

Приблизительно за полквартала до места, где была выставка, на пути как-то неожиданно возник сотрудник ДПС. Он махнул своим жезлом, призывая Бермудова остановиться. Бермудов послушно припарковался. Но выходить из машины не стал. Приоткрыл окно и ждал, когда полицейский подойдет.

— Лейтенант Кривенко! — представился тот, приблизившись к нему. — Ваши права!

— В чем дело, командир? — поинтересовался Бермудов. — Я что-то нарушил?

— Просто проверка документов.

Бермудов сунул руку в сумку, лежавшую на соседнем сиденье, вынул водительское удостоверение, свидетельство о регистрации автомобиля и, подавая их, вдруг сообразил, что его нынешнее лицо резко отличается от фотографии на водительском удостоверении. Его бросило в жар. Не следовало показывать это удостоверение. Сказал бы лучше, что забыл его дома. Но было поздно: сотрудник ДПС уже взял документы в руки.

Пока полицейский изучал права, Бермудов изучал его лицо, прикидывая: можно ли с ним договориться или нет? И понял, что вряд ли. У лейтенанта было лицо человека, не привыкшего давать кому-либо спуска. Он даже родной матери не простил бы греха, если бы вдруг узнал, что она не с его отцом, а с кем-либо посторонним произвела его на свет. И чутье не обмануло Бермудова.

— Не понял, — нахмурился озадаченный лейтенант, сличив фотографию на водительском удостоверении с лицом седого старика, сидевшего за рулем.

— Ты о чем, командир? — прикинулся не понимающим Бермудов.

А сам мучительно думал, как бы поскорее отделаться от лейтенанта, так не вовремя возникшего у него пути. Мыслями Бермудов был на выставке, куда он боялся опоздать.

— Кто это? — мрачно спросил лейтенант. И не дожидаясь ответа продолжил: — Человек на фотографии по крайней мере лет на тридцать моложе вас! Да и не похож к тому же!

— Неправда, похож! Это старая фотография! — принялся врать Бермудов. — И потом, у меня редкая

болезнь: преждевременное старение кожи! Посмотри, командир, какие у меня морщины, — он ткнул пальцем себя в щеку, — а ведь я еще не старый человек! — И Бермудов для пущей убедительности всхлипнул.

Слезы старика не подействовали на лейтенанта. В историю с болезнью кожи он не поверил. И вообще старики вызывали у него чувство раздражения, особенно такие вот седые, с заторможенными мозгами, что лезли за руль, вместо того чтобы сидеть по домам и тихо проедать свою пенсию.

— В общем, картина ясная, — сказал он, — права не твои! Я их забираю. Приедешь к нам в отдел, старик, — будем там разбираться, что почем! Болезнь кожи у тебя или зуд афериста со стажем! Припаркуй машину у тротуара. Дальше пойдешь пешком.

— Нет, мне надо ехать, командир! Может, договоримся? — сделал еще одну попытку Бермудов.

— Не договоримся... — Безжалостное лицо сотрудника ДПС говорило само за себя. Вступать в сделку со стариком он был не намерен. Со старика много не возьмешь, а нажать неприятности можно.

Стало очевидно: спорить с лейтенантом бессмысленно. Лучше на время расстаться с правами, решил Бермудов, чем бегать еще неизвестно сколько в облике старика, мучаясь от его хворей. А права он завтра же вернет.

Бермудов переставил машину на более удобное место, закрыл ее. И поспешил в конец улицы, где находился нужный ему особняк.

Когда, запыхавшись, он подбежал к знакомому входу, часы показывали начало двенадцатого. В дверь входили и выходили люди, и Бермудов с облегчением

отметил, что выставка работает. Оставалось купить билет и пройти в залы, где располагалась экспозиция. Что он тут же и сделал.

Лавируя в толпе, неспешно с умными разговорами плывшей мимо живописных полотен, Бермудов добрался до нужного ему зала, где находился белый куб с камерой преобразования внутри. Как и в прежние дни, здесь стояла очередь. И пожилая женщина на стуле у входа была та же, в форменной одежде, со значком на груди. Неужели с этими людьми происходит то же самое, что и с ним, подумал Бермудов. И твердо решил не покидать сегодня камеру, пока не обретет свой прежний вид. Но хотелось иметь гарантии, и Бермудов, заняв очередь, решил объясниться с женщиной на входе.

— Что у вас здесь происходит? — обратился он к ней. — Люди внутри камеры превращаются... черт-те во что!

— Разве? Мне об этом ничего не известно. Я только продаю билеты, — ответила женщина, оторвавшись от своего занятия, и оглядела стоявшего перед ней бледного старика с седой щетиной на щеках. Его нервный взгляд, потертый пиджак и руки в старческих пятнах заставили ее лицо неприятно поморщиться. Но положение обязывало ее быть вежливой. — Я только продаю билеты... — повторила она. — Я человек не любопытный и в камеру преобразования не рвусь. Меня не интересует, что там. Меня в моей жизни все устраивает. Что Бог дал, то и принимаю.

Ответ Бермудову не понравился, и он пошел красными пятнами.

— У вас есть книга жалоб?

— Не нервничайте, гражданин. Так и до инсульта недалеко! — сказала женщина, увидев, как изменился цвет его лица. — У нас не магазин, и книгу жалоб мы не держим.

— Тьфу! — сплюнул в сердцах Бермудов, удрученный неясным ходом происходящего.

— А вот на пол плевать не хорошо! — Женщина покачала головой. — Старый вроде человек, и такое!

— Дедуля поплыл от жары! — объяснила поведение Бермудова пухлая рыхлая бабенка лет сорока пяти, желтолицая, с большой отвисшей грудью под полотняной блузкой, стоявшая в очереди в числе первых.

— Папаша! Ты чего раздухарился? — поддержал бабенку прыщавый парень в майке с портретом Владимира Высоцкого, стоявший за нею. — Стой и жди, когда подойдет твоя очередь... А не нравится — топай домой!

Бермудов хотел было пуститься в объяснения, рассказать стоявшей в очереди публике, что с ним произошло, но люди смотрели на него с явным неудовольствием (только других задерживает!), и он, махнув рукой, ушел на свое место.

Очередь двигалась медленно, как и днем ранее. После разговора с женщиной, пропускавшей посетителей в камеру, Бермудов покорно ждал своего часа, время от времени наклоняясь и поглаживая болевшее колено. Теперь, когда до заветной двери осталось совсем немного, его вновь занимал вопрос: почему, при единственном входе в камеру, он всякий раз выходит на улицу, а не возвращается обратно в зал? Если бы он мог вернуться в зал, то совершил бы еще одну попытку в случае очередной неудачи.

Наконец подошла его очередь. Расплатившись с женщиной на входе, взглянувшей на него так, словно она увидела его впервые, Бермудов, задыхаясь от волнения, шагнул за дверь. Внутри камеры все было по-прежнему. Черные стены, красная лампочка под потолком, полумрак... И ни единого звука! Постояв некоторое время на одном месте, Бермудов принялся с нервной дрожью ощупывать стены, проверяя, не скрывается ли в них какой-либо механизм, посредством движения которого закрывается один вход и открывается другой. Стены были гладкие, покрытые тканью, напоминающей на ощупь бархат, без каких либо неровностей. Пока он ощупывал стены, ему показалось, что боль в ноге прошла. Он проверил свои ощущения. Действительно, колено не болело. И в теле появилась легкость, которой не было до того. Это его порадовало. Но поиск скрытого механизма он не прекратил. Пальцы его все скользили и скользили по стенам. В одном месте на уровне полуметра от пола он увидел нечто похожее на выступ. Бермудов нагнулся, стал ощупывать выпуклость, при нажатии на которую ничего не произошло. Но зато он обнаружил, что не может подняться во весь рост, и пребывание в согнутом состоянии не доставляет ему неудобства. Сумка, висевшая у него на плече, не имея теперь возможности держаться, упала на пол. «В чем дело?» — озадачился он. Почему так? И когда посмотрел вниз на ноги, то похолодел от ужаса. Он увидел, что вместо ног и рук у него собачьи лапы, и тело его покрыто шерстью. Он понял, что на этот раз превратился в собаку! Бермудов взвыл от отчаяния, но вместо своего голоса услышал собачий вой. Точно пронзенный электрическим разрядом, он метнулся от одной стены к другой, ткнулся, помимо своей

воли, в дверь и вылетел кубарем наружу к кирпичной стене. И с визгом закрутился там кольцом, точно хотел избавиться от чего-то ненужного, что повисло у него на хвосте. Он так отчаянно выл, что какой-то прохожий, оказавшийся поблизости, решил, что собаке сломал лапу безжалостный живодер и та вопит от боли.

Некоторое время спустя другие прохожие видели, как собака — помесь пойнтера и легавой — с нервным лаем прыгает у входа в особняк, забрасывает крепкие лапы на дверь, карябает ее когтями, словно призывая открыть дверь и пустить ее внутрь. Лай собаки, ее шумное поведение привлекли внимание охранника, выглянувшего из-за стекла. Он долго не мог понять, что возбудило уличного кобеля и почему тот так отчаянно рвется в помещение. Благо бы на улице был мороз или ливень. «Пошел прочь! Прочь!» — крикнул охранник и сделал жест рукой, призывая пса убраться. И погрозил затем кулаком.

Жесты охранника, его грозный вид не возымели действия. Пес всё прыгал и прыгал с лаем на дверь, карябая когтями ее нижнюю деревянную часть. Ладно, попрыгает и успокоится, решил охранник и ушел к себе на пост.

Какая-то сердобольная тетка, проходившая мимо, пожалела возбужденного пса и, не рискуя подойти близко, бросила ему кусок колбасы. «Поешь, песик, поешь!» — крикнула она.

Пес, уже основательно подуставший, даже не посмотрел в ее сторону. Обессиленный, он растянулся на асфальте в полуметре от двери и, высунув розовый язык, тяжело дышал. Его темные глаза были полны печали.

Туфли

Как-то Панацеев гулял по парку и присел на скамейку отдохнуть.

Была весна. Цвела сирень. Птицы щебетали так, словно все одновременно были счастливы. Юные девушки, всегда прекрасные в это время года, ходили по аллеям, весело смеясь.

Панацеев смотрел вокруг и радовался жизни. И сожалел, что она — эта самая жизнь — одна и что нельзя сделать предложение десяти девушкам сразу. Ноздри его тревожил аромат сирени, легкий ветерок ласкал его счастливое лицо и что-то приятное нашептывал ему на ухо.

Все было хорошо, но вот Панацеев увидел пару мужских туфель из светлой кожи, стоявших на земле у другого конца скамейки, на которой он сидел. Это были не какие-то там старые изношенные башмаки, брошенные владельцем за ненадобностью, а весьма приличного вида туфли, почти новые, не утратившие своего магазинного блеска. Панацеев поискал глазами хозяйина туфель (может, тот снял обувь и решил походить

по траве босиком, а почему бы нет?), но никого поблизости не обнаружил. Выходило, что туфли стояли сами по себе. Такое положение внесло тревожную ноту в радостное настроение Панацеева. У туфель, если их не выбросили ввиду изношенности, должен быть хозяин, иначе не полагается, иначе нарушается привычный порядок вещей! Эта пара — почти новая, опять отметил он. Не верилось, чтобы кто-то просто так решил избавиться от нее, оставив в парке.

Панацеев еще некоторое время сидел на скамейке, нет-нет да и поглядывая неприязненно на туфли. Потом подсел поближе и ткнул один из них ногой. Туфля сдвинулась в сторону, скользнув наподобие лодки, доказывая, что она — обычная туфля, и не более того. Панацеев вернулся на свое место. Не найдя объяснения присутствию возле скамейки двух бесхозных туфель, Панацеев решил уйти от греха подальше. Он поднялся и направился к выходу из парка.

По дороге прежнее радостное настроение вернулось к нему. Панацеев шел и думал о своей девушке Валентине, о предстоящем отдыхе с нею в Греции, сулившем ему дни блаженства. Сердце его учащенно билось. И опять все было замечательно: и сирень, и птицы, и девушки в аллеях.

Уже на выходе из парка его привлек звук шагов, следовавших за ним. Минутой ранее он обратил на них внимание, но мысли о море, о южном солнце, об Акрополе, на котором ему предстояло побывать и потрогать там священные камни Парфенона, отвлекли его. Теперь же Панацеев повернулся и посмотрел назад, желая узнать, кто же так настойчиво идет за ним по пятам. Сзади никого не было. Но шаги продолжали

звучать. Панацеев бросил взгляд на асфальт и с удивлением обнаружил, что за ним шагают те самые туфли из светлой кожи, которые стояли возле скамейки. «Что за бред!» — подумал Панацеев. Он остановился. Туфли тоже остановились. Панацеев устремился диагонально в сторону, туфли устремились за ним. Он — направо, они — направо. Он — налево, они — налево. Подобное бесцеремонное поведение туфель, надо сказать, привело Панацеева в состояние беспокойства. Даже больше: рассердило его. Мало того, что эти туфли ходят без хозяина, они еще и преследуют его, точно затевающий недоброе злоумышленник. Панацеев не собирался мириться с этим. Еще не хватало, чтобы в его жизни появился соглядатай в лице этих туфель. Может быть, это происки ФСБ? Применение новых технологий: слежка за противниками режима с помощью туфель! А что, он — историк по образованию, иногда тискает статейки в демократической прессе, ходит на митинги, почти диссидент! Мысль о том, что он может представлять интерес для спецслужб, наполнила Панацеева чувством собственной значимости. Но, будучи не столь глупым, он отверг мысль о том, что туфли состоят на службе в ФСБ. Здесь что-то другое, подумал он. Как бы то ни было, от преследователей следовало избавиться.

Панацеев поспешил на троллейбусную остановку, надеясь с помощью троллейбуса оторваться от туфель. Туфли бросились за ним. Прохожие на улице и на остановке с немалым удивлением наблюдали за тем, как за молодым возбужденным человеком следует по пятам пара туфель, словно парочка мелких дрессированных собак. Панацеев остановился. Остановились и туфли, а одна из них, опираясь на каблук, стала постукивать от

нетерпения носком по асфальту, дескать, чего стоим? Зевак на остановке это привело в восторг. Наверное, этот малый — фокусник, решили они про Панацеева. Отрабатывает новый номер! Тому же подобное развитие событий все больше и больше не нравилось. В голове сидела одна мысль: надо оторваться! Для этого, видимо, придется запрыгивать в отходящий троллейбус на ходу. Что он и сделал, когда пришел троллейбус. Оплатив поездку и бросив взгляд назад, Панацеев с радостью убедился, что туфель за ним нет. Каково же было его разочарование, когда, пройдя по салону троллейбуса вперед, он обнаружил их. Туфли стояли сбоку у вторых дверей, через которые осуществлялся выход пассажиров. Видимо, через эти двери они и заскочили внутрь. «Вот твари!» — выругался Панацеев. Пассажиры смотрели кто в окно, кто в книгу и не заметили, что в троллейбусе появились бесхозные туфли. Панацеев прошел в конец троллейбуса, где были свободные места. Туфли деликатно, обходя стоящих в проходе людей, прошлепали за ним. Обходя какую-то даму, они даже сказали «Пардон!». Возможно, это Панацееву только показалось. Когда он уселся на сиденье, туфли, опасаясь находится рядом с ним, устроились на некотором расстоянии.

Позвонила по мобильному телефону Валентина. Услышав ее голос, Панацеев забыл на некоторое время о своих преследователях. Валентина советовалась с ним, что взять в поездку из одежды. Мелодичный голос Валентины вернул ему на несколько мгновений то радостное чувство, с каким он гулял по парку. И это логично. Ведь весна никуда не делась, она по-прежнему была на улицах, и птицы пронзительно щебетали, ну разве что чуть меньше, чем в парке. Но вскоре туфли

вновь заняли его мысли. Кому пришло в голову изобрести эту мерзость, подумал он, передернув плечами.

Когда троллейбус подъезжал к нужной Панацееву остановке, он поднялся и, прежде чем двинуться к выходу, попытался затолкать присмирившие туфли под сиденье. Те не сопротивлялись. Лежали тихо, словно обычные туфли, только что сброшенные с ног. Может, пристанут к кому-нибудь другому, мечтательно подумал он. И лишь открылась дверь, стремительно вышел на улицу.

Радовался он недолго. Отойдя метров на двадцать от остановки, он услышал сзади знакомые шаги. Можно было не смотреть назад, чтобы понять, кто идет за ним. Делать было нечего, и Панацеев решил принять наличие за спиной наглых туфель как неизбежность. По крайней мере до тех пор, пока не появится убедительная идея, как избавиться от них.

Он подошел к дому, где жил. Пока открывал входную дверь в подъезд, туфли проскочили вперед. И став там, у стены, терпеливо ожидали, когда войдет Панацеев. «Ишь ты, верные, как собаки! — усмехнулся он, видя, что туфли послушно ждут его. — Может, вы и служить умеете? — Он вынул из кармана конфету и показал ее туфлям. — Служить! Служить!.. Не хотите... Ну и хрен с вами!»

Панацеев вызвал лифт. И когда туфли направились за ним в кабину, с силой отшвырнул один и другой носком ноги. Получилось очень удачно. Пока туфли летели в сторону, дверь лифта закрылась.

Поднявшись на свой этаж, он быстро открыл входную дверь и проскользнул к себе в квартиру, по-мальчишески радуясь, что удалось сбежать.

Когда некоторое время спустя Панацеев, ведомый любопытством, затаив дыхание, выглянул на лестничную площадку, то обнаружил, что туфли аккуратно стоят возле его двери. Словно их, как в гостинице, выставили наружу, чтобы коридорный мог почистить. У них что, чутье? — с тоской подумал Панацеев. Или они нашли его квартиру по запаху?

Когда вновь позвонила Валентина, Панацеев сообщил ей, что сидит дома, как в осаде! Валентина поинтересовалась, что он имеет в виду. Пришлось ей все рассказать. Она долго смеялась, услышав, что Панацеева преследуют обычные туфли. «Ты трезв?» — спросила она. «Как стекло!» — ответил Панацеев. «Шутник!» — сказала Валентина и отключила трубку.

Панацеев прошелся по квартире. Делать в таком состоянии что-либо он не мог. Поэтому лег в гостиной на диван и, чтобы отвлечься от этих ненормальных туфель, вновь предался сладким мыслям об отдыхе.

А тем временем на лестничной площадке произошло следующее. Какой-то не совсем трезвый гражданин, побывавший в гостях, спускался вниз по лестнице и вдруг обнаружил пару туфель, сиротливо стоявших у одной из дверей. Гражданин, хоть и был нетрезв, заинтересовался этим обстоятельством: хорошие туфли, почти новые, и так беспризорно лежат у дверей. Одно из двух, решил гуляка, либо хозяин выставил их за ненужностью, либо просто забыл их снаружи, когда переобувался на входе в тапочки.

Гуляка приблизился к заинтересовавшему его предмету, желая проверить, подойдет ли ему размер туфель, прежде чем реквизировать их у забывчивого владельца. Снял ботинок, и, протянув ногу в драном

носке, попытался сунуть ее в правую туфлю. Но тут случилось неожиданное, что повергло гуляку в состояние шока. Левая туфля подскочила вверх и нанесла ему сильнейший удар в пах. Искры брызнули из глаз несчастного, и он согнулся пополам, прикрывая рукой ударенное место, стараясь уберечь себя от нового удара, если таковой последует. И он последовал. На этот раз туфель ударил его подошвой по щеке, после чего гуляка в одной ботинке, подхватив второй снятый, скатился по лестнице вниз.

Услышав шум на площадке, Панацеев выглянул из квартиры. Туфли как ни в чем не бывало стояли на прежнем месте, пятками к стене. Зато этажом ниже слышался топот бегущих ног, сопровождаемый громкой руганью. Достало человека, подумал Панацеев, если он применил весь известный ему набор матерных выражений!

Туфли же всем своим видом демонстрировали Панацееву свое послушание, только лишь не мурлыкали от удовольствия находиться у его ног. «Черт с вами!» — усмехнулся Панацеев и ушел за дверь.

Была еще одна попытка похищения туфель. На этот раз в ней участвовали два шкодливых подростка с лицами тупых придурков. Они с грохотом мчались друг за другом по лестнице и выскочили на площадку, где была квартира Панацеева. Первый тормознул, второй налетел на него сзади, и оба встали перед туфлями, словно увидели двух экзотических животных. «Гляди, — сказал первый, — шузы!» — «По-моему, они ждут нас!» — мерзко хихикнул второй. И оба потянулись к туфлям: один — к левому, другой — к правому. Это было с их стороны неосмотрительно. Дальнейшее

не доставило им радости. Туфли неожиданно поднялись в воздух и стали шлепать подростков по щекам. Те заорали в голос. Просили пощады. Опомнились хулиганы на улице и долго пытались понять, что это было. Но вернуться назад к обидчикам ни один, ни другой не рискнули.

И опять Панацеев выглянул на шум. «Сладкая парочка» стояла на своем месте. И вновь будто подмурлыкивала от удовольствия находиться у дверей Панацеева.

Вечером Панацеев отправился на свидание с Валентиной. Туфли последовали за ним. Пока он ехал в такси, в которое он не дал им залезть, они бежали по пятам.

— А это что еще такое? — нахмурилась Валентина, увидев их за спиной Панацеева.

— Я тебе говорил... А ты смеялась! — Панацеев занервничал, опасаясь, что непредсказуемая в своих поступках Валентина развернется и уйдет.

— Я думала, это шутка!

— Какая шутка?! — чуть не плача вскричал Панацеев. — Прицепились с утра и ходят по пятам.

— Так не бывает! — заявила рассудительная Валентина.

— Летающие тарелки бывают? — почему-то спросил Панацеев.

— Летающие тарелки бывают, — согласилась Валентина. — А вот туфли, гуляющие сами по себе, нет!.. Признайся, это твои проделки?

— Клянусь, я к этому не имею отношения!

Валентина подхватила Панацеева под руку, и они направились в ресторан, где у них был заказан столик.

Пройдя метров десять, Валентина оглянулась. Туфли шли за ними. Валентина придержала Панацеву, и они остановились. Остановились и туфли.

— Черт возьми! — заявила Валентина. — Они что, и в ресторан за нами пойдут?

— Наверное...

— Какая мерзость! — завелась девушка. — Я не могу, чтобы какие-то дурацкие туфли ходили за мной по пятам! А как же право на частную жизнь? Мое право?!

— Валя! Они газет не читают и не знают законов, — вынужден был признать Панацев.

— Ты что, смеешься надо мной?!

— Я тебя люблю, — отозвался на это с грустью Панацев.

— Тогда сделай что-нибудь! — И Валентина, словно отгоняя кур, махнула в сторону туфель рукой: — Кыш! Кыш!

Но туфли, следует признать, не имели отношения к семейству куриных, и жест Валентины их не напугал. Они остались там, где и стояли.

— Алик, пусть они уйдут! — потребовала девушка. Панацев только развел руками.

— Тогда я уйду! — рассердилась окончательно Валентина. И, тряхнув своими красивыми рыжими волосами, бросилась прочь.

— Валя! Валя! — закричал вслед Панацев, желая остановить любимую, но бесполезно — Валентина уже перебежала на другую сторону улицы и затерялась в толпе.

Панацев тяжело вздохнул, понимая, что не может бороться с неизбежностью. Туфли сочувственно ше-

вельнулись у его ног, словно хотели сказать ему: брось, всякое бывает! Девушки — они такие!..

Отныне туфли ходили за Панацеевым повсюду: на работу, с работы, в магазин, в аптеку, в книжную лавку, и даже отправились за ним в театр, куда он взял два билета — для себя и Валентины. Но Валентина не пришла. И тогда он пошел в театр один. Туфли устроились рядом, под соседним креслом, в котором должна была сидеть Валентина. Они сидели тихо. И только в одном месте, где герой пьесы произносил скорбный монолог, страдая после ухода любимой женщины, туфли зашевелились, зашуршали, вероятно, недовольные таким ходом вещей. Панацееву пришлось даже цыкнуть на них. После чего те успокоились и до конца спектакля сидели тихо.

Домой после театра он шел пешком. Хотелось пройти по улицам, где все дышало свежестью после короткого весеннего дождя, и подумать над увиденным на сцене. В какой-то момент Панацеев даже заговорил вслух, размышляя над идеей пьесы, словно хотел обсудить ее со своими нынешними спутниками, но вовремя опомнился: не та компания, чтобы вести умные беседы! Что эти туфли могут, кроме как шаркать подошвами?

Ложась теперь спать, Панацеев, прежде чем закрыть глаза и погрузиться в сон, отмечал про себя с чувством удовлетворения, что за дверью на лестничной площадке, как часовые на посту, стоят туфли и, можно сказать, охраняют его покой. И подобие улыбки появлялось на лице Панацеева.

Как-то в кругу приятелей Панацеев посетовал на то, что жизнь его с появлением в ней туфель приоб-

рела какой-то сюрреалистический характер. И хотя он некоторым образом привык к тому, что они ходят за ним по пятам, точно две собачки, и ничего не имеет против, но так не может продолжаться вечно. Из-за них он поссорился с Валентиной, и она теперь не хочет ехать в Грецию. Хорошо бы избавиться от них, но он не знает как. Пусть ходят за кем-нибудь другим! Наверняка найдется кто-то, кому это будет в радость. К примеру, какой-либо ребенок, которому постоянно хочется играть. Ему такая игрушка — в самый раз!

Друзья почесали в затылках, думая, как помочь Панацееву, но ничего путного предложить не смогли. Только похихикали, поглядывая с детским восторгом на туфли, как те неотлучно ходят за Панацеевым по комнате, повторяя его маршрут. И только один из них, Криворожин, спортсмен, любитель охоты, мачо с вечно невозмутимым лицом, сказал: «Позвони мне по телефону вечером, и я скажу тебе, что делать!» Когда Панацеев удивленно поднял брови: дескать, почему по телефону, а не сейчас? — пояснил: «Нам нужно переговорить наедине, чтобы нас не слышали эти говнодавы», — и он кивнул в сторону туфель.

Вечером, придя домой и оставив своих сопровождающих на лестничной площадке, Панацеев, наскоро перекусив, позвонил Криворожину.

— Ты один? — спросил тот.

— Один, — подтвердил Панацеев. — Туфли на лестнице за дверью.

— Слушай меня внимательно! От них можно избавиться только одним способом: их надо уничтожить!

— Как уничтожить?

— Очень просто! Расстрелять из охотничьего ружья, да так, чтобы от них только клочья остались! Лучше бы, конечно, пальнуть по ним из танка, там калибр более подходящий, но в городе это нереально.

Панацеев задумался. Представил коротающие на лестнице время туфли (сегодня, когда он расставался с ними, они трепетно прижались друг к другу, как любящая парочка) и испытал чувство жалости.

— А нельзя ли как-нибудь иначе? — осторожно поинтересовался он.

— Ты чего? — возбудился Криворожин. — Будем избавляться от них или глазки строить?.. Ну не хочешь, ходи с ними до скончания века! Еще в постель их пригласи, чтобы порадовать Валентину.

— Я не смогу в них стрелять, — признался Панацеев. — Да и ружья у меня нет...

— У меня есть ружье, и подходящие патроны имеются! — успокоил его Криворожин. — Если ты не можешь, я это сделаю вместо тебя.

— Хорошо, — согласился Панацеев.

— Придешь завтра к гаражам, вроде прогуляться... Остальное я беру на себя, — объяснил свой план Криворожин.

На том и порешили.

Панацеев долго не мог уснуть, ворочался в постели с боку на бок. В голове проносились картины, в которых Криворожин, устроившись в укрытии на крыше одного из гаражей, палил из охотничьего ружья по туфлям. Туфли пытались убежать, меняли направление, точно зайцы, но пули отменного стрелка настигали их. Кончилось тем, что от туфель остались только клочки кожи.

Не выдержав, Панацеев поднялся с кровати. Прошел в прихожую, открыл входную дверь и выглянул наружу.

Туфли мирно стояли на полочке возле двери. Когда Панацеев выглянул, они повернули к нему свои носы и что-то ласковое пробурчали со сна, скрипнув кожей. Нет, подумал Панацеев, он не даст их расстрелять, это не хорошо, не по-человечески!

Вернувшись в спальню, он позвонил Криворожину.

— Ты знаешь, который сейчас час? — спросил тот сонным голосом.

— Нет.

— Полвторого ночи! Ты мне такой славный сон поломал, — вздохнул он. — Понимаешь, я был очень счастлив в этом сне... — И Панацеев услышал его затяжной зевок.

— Извини, старик! Но мы должны поговорить... Я хочу отменить нашу завтрашнюю встречу.

— То есть?! — проснулся окончательно Криворожин.

— Ну... давай не будем стрелять в туфли... — осторожно пояснил Панацеев. — Это нехорошо.

— Дурак! — заявил Криворожин. — Ты себя погубишь! — воскликнул он. — Откуда взялись эти туфли и почему они ходят за тобой? Это невозможно объяснить. А то, что невозможно объяснить, следует уничтожить! Потому что необъяснимое — опасно, оно ломает привычный ход вещей и порождает хаос! А жизнь и так сплошной поток дерьма!

— Я не знаю, что порождает хаос, но в туфли мы стрелять не будем. Я не хочу.

— Хрен с тобой, гуманист херов! — обиделся Криворожин (такая клевая охота сорвалась!) и повесил трубку.

Панацеев удовлетворенно вздохнул и пошел спать.

Под утро ему приснилось, как туфли пели на два голоса «По Дону гуляет казак молодой...». И так это у них складно получалось, что люди, слушавшие их пение, кричали: «Браво!»

Утром, умывшись и позавтракав, Панацеев отправился в город. Выйдя за дверь, он с удивлением обнаружил, что туфель на привычном месте нет. Они исчезли. Он свистнул пару раз, словно звал собачку, но туфли не появились. Спускаясь по лестнице, он испытал странное чувство, словно лишился чего-то важного и нужного. С одной стороны, его радовало, что никто не шел за ним следом, с другой — он ощутил какую-то пустоту и одиночество, словно его покинули надежные друзья. Выйдя на улицу, он даже замер в растерянности, не зная, куда теперь идти, хотя еще полчаса назад, за чашкой чая дома, составил план на сегодняшний воскресный день.

Он бесцельно шел по улице, нет-нет да и поглядывая назад: не появилась ли знакомая парочка? Но сзади было пусто. Один раз Панацеев услышал знакомые шаги и с трепетом обернулся. Позади шел какой-то человек в очках, полноватый, широколицый, страдающий одышкой, и шарканье его ног напоминало звук идущих туфель. Панацеев досадливо повел головой и с неприязнью посмотрел на толстяка, словно это он лишил его необычных спутников.

Неожиданно он вспомнил о Криворожине. Может, это он воплотил в жизнь свой план? И пока Панацеев беззаботно спал, совершил расправу над туфлями? Панацеев вынул мобильник из кармана и позвонил Криворожину.

— Признавайся, это ты?! — набросился он на приятеля.

— Я, — ответил Криворожин. — А кто же?

— Нет, ответь мне: зачем ты это сделал?

— Что «это»? Зачем побрился? Я каждое утро бреюсь, — ответил тот. — Таков порядок вещей.

— Нет. Я о туфлях. Они пропали.

— Какое счастье! — сдержанно отозвался Криворожин. — Но к этому событию я не имею никакого отношения. Я полчаса назад только проснулся.

— Извини! — сказал Панацеев, осознав, что его подозрения были напрасными, и отключил телефон.

Он еще некоторое время шел бесцельно по городу, мучительно вспоминая, что же он намеревался сегодня сделать и куда хотел пойти.

Людская карусель вокруг крутилась с привычной скоростью, и те, кто был ею захвачен, с легкостью теряли драгоценные минуты и часы сокращающейся с каждым мгновением жизни.

Позвонила Валентина и сказала, что они должны увидеться. «Надо что-то решать!» — заявила она, но голос ее не был холодным, как прежде, когда они говорили последний раз.

Панацеев встретил Валентину у метро. Они отошли в сторону, чтобы не мешать людскому потоку. Он потянулся к ней, и она подставила для поцелуя щеку. После пристально взгляделась в его лицо: как он? По-прежнему ли любит ее? Потом заглянула через его плечо на асфальт, туда, где обычно находились следовавшие за Панацеевым туфли. Никого там не обнаружив, Валентина, удивленная, отстранилась от Панацеева.

— Где они?

Панацеев сразу понял, о чем речь.

— Их нет, — сказал он.

— Как нет?

— Так нет... Вероятно, ушли.

И он рассказал о том, что, выйдя сегодня утром из квартиры, обнаружил коврик, где туфли обычно коротали время, пустым.

— Ну вот, — сказала Валентина разочарованным тоном. — А я хотела с ними подружиться... Как же так?

— Видимо, они решили нам не мешать... — вздохнул Панацеев и взял Валентину под руку.

А весна, как и прежде, была хороша. И ничто не могло помешать ее солнечной поступи, ее запахам и веселым голосам людей.

Ваза из чешского стекла

В семье Сиракузовых случился скандал. Жена приревновала мужа к соседке с третьего этажа и вцепилась в его шевелюру. А шевелюра у Сиракузова, следует сказать, была отменная: пышная, волнами, словно обработанная горячими щипцами парикмахера, и он очень ею гордился. Когда Сиракузов увидел в руках жены клочок своих драгоценных волос, он побелел, и ссора, начавшаяся с легкого шторма, превратилась в настоящую бурю.

Утратив часть своей красоты, Сиракузов впал в ярость и стал крушить все, что попадало ему под руку, а трехцветную вазу из чешского стекла, которую жена считала своим талисманом (когда они с Сиракузовым поженились и она явилась в его дом, то первым делом водрузила на стол эту самую вазу), так вот, эту вазу он выбросил в окно, надеясь, что, пролетев три этажа и ударившись об асфальт, она разобьется вдребезги. Еще она могла пробить голову какому-нибудь случайному прохожему, но об этом Сиракузов в ту минуту не думал.

Увидев, как улетело в окно ее сокровище, жена Сиракузова зажмурила глаза и замерла, ожидая, когда падение вазы завершится звоном разбитого стекла, свидетельствуя о кульминации трагедии, но никаких звуков не последовало. Женщина еще некоторое время стояла зажмурившись, и когда поняла, что здесь что-то не так, открыла глаза и бросилась к окну с намерением узнать, что же все-таки случилось с ее талисманом. То ли выброшенный предмет застрял в ветвях ближайшего дерева, то ли действительно угодил кому-то в голову, что ему помогло сохраниться, в отличие от этой самой головы.

Увиденная картина повергла жену Сиракузова в изумление. Ее любимая ваза висела напротив окна в воздухе, словно прибитая к нему невидимым гвоздем. Сначала женщина подумала, что это временное явление, и ваза, задержавшаяся в воздухе по неизвестной причине, сейчас упадет. Но та все висела и висела параллельно земле и не думала падать.

— Вот! — вскричала жена Сиракузова и, указав на вазу пальцем, победно взглянула на мужа. — Ты просчитался, зверь! Она цела!

При виде висящей в воздухе вазы ярость Сиракузова сошла на нет. Он подошел к окну и долго пялился на давнее изделие чешских стеклодувов, которое он хотел разбить, желая отомстить жене. Как это может быть? — подумал он. Вероятно, это оптический обман, а сама ваза давно лежит в траве или на асфальте под окнами. Но в траве и на асфальте было пусто. Значит, это... Сиракузов так и не решил, что же это такое.

Зато дети, игравшие во дворе, тут же решили для себя, с чем они имеют дело. «Смотрите! Смотрите!

Летающая тарелка! Вон там!» — кричали они друг другу. И стали прыгать от радости. И взрослые, услышав их крики, тоже стали задирать головы вверх. И всем им казалось, что они видят зависший на высоте предмет неизвестного происхождения, чем-то напоминающий земной сосуд. А уж когда солнечные лучи пронзили трехцветное стекло, из которого была сделана ваза, и та заиграла разноцветными огнями, у взрослых не осталось сомнения, что они имеют дело с инопланетным кораблем. Их даже не смутил малый размер корабля. Может, этот корабль сдулся до такого размера с помощью неизвестных людям технологий, и когда полетит обратно, то увеличится до размеров грузового трейлера, перевозящего мясо.

— Твою мать! — озадаченно изрек Сиракузов, наблюдая за вазой, висящей в воздухе, и за людьми внизу. Уж кому-кому, а ему-то было доподлинно известно, что это — не инопланетная штучка, а изделие, сотворенное руками чешских мастеров во времена социализма, славную поступь которого еще и сегодня ловили половицы во многих российских домах.

Жена Сиракузова высказывание мужа поняла по-своему.

— Это не «твою мать», — сказала она, — а Господь знак тебе подает, чтобы ты не швырялся чужими вещами! И к бабам посторонним не лез! А то он и тебя так же подвесит!

— Хо! Это антинаучно! — заявил Сиракузов. — А Бог действует только по науке, потому что наука — его творение.

Жена не согласилась.

— Тогда объясни: что это? — указала она на зависшую в воздухе вазу.

— Это... это бесы развлекаются!

— Ты, значит, к Светке лезешь, и Бог за тебя, а меня, которая против этого, выходит, бесы поддерживают?

— Я уж не знаю, кто тебя там поддерживает, но Светлана Ивановна, о которой ты говоришь, абсолютно не в моем вкусе! Кроме того, у нее гражданский муж имеется. Высокий мужик, метра два ростом, красавец, не мне чета!

Жена Сиракузова подозрительно посмотрела на мужа: не бывало, чтобы тот кого-то другого पहले себя ставил.

— И потом, — сказал обидчиво Сиракузов, — волосы-то здесь при чем? — И он поднял с пола клочок волос.

— Ладно, Фигаро! — вздохнула жена. — Если еще что узнаю о твоих похождениях, заберу дочь и уйду, а ты тут крутись как знаешь... — И пошла за веником и совком, чтобы убрать то, что накрушил муж.

— Между прочим, женщинами увлекался Дон Жуан, а не Фигаро! Чему вас в институте учили?

Сиракузов пошел в ванную, прикладывая клочок волос к голове. Долго разглядывал покалеченное место. Чтобы прикрыть его, пришлось направить волны шелюры в другую сторону.

До позднего вечера под окнами гудела толпа. Все новые и новые люди приходили поглазеть на зависшую в воздухе «тарелку». Публика внизу оживленно обсуждала необычное явление. Часам к двум ночи толпа рассосалась, и Сиракузов, устроившийся на диване, смог уснуть. Спал он часа два, а потом проснулся. Свет луны, отражавшийся от вазы, бил ему в глаза и мешал

спать. Он повернулся к окну спиной, но это не помогло. Только под утро, накрывшись с головой одеялом, Сиракузов наконец уснул, и проснулся аж в десять часов — к счастью, была суббота, и не нужно было идти на работу.

Поднявшись с дивана, он выглянул в окно. Ваза висела на прежнем месте. А внизу опять кучковалась толпа. Любопытствующие зеваки заполонили двор и глядели на вазу, обсуждая, из какой части галактики она могла прилететь.

Где-то часам к двенадцати появилось телевидение — представители нескольких каналов сразу. Зажглись осветительные приборы, их направили на вазу. Операторы снимали вазу со всех сторон. Журналисты возбужденно комментировали это событие. «Тарелка! Летающая тарелка!» — постоянно звучало в воздухе.

Сиракузов не выдержал и позвонил в службу спасения. «Милая! — обратился он к женщине-диспетчеру, ответившей ему. — Срочно нужна ваша помощь! У нас тут необычное явление. Напротив моего окна зависла ваза из стекла, которую кто-то выбросил наружу... Свет, исходящий от нее, мешает спать. К тому же под окнами бродят толпы любопытных, это также нарушает покой жителей дома. Пришлите машину с пожарной лестницей и избавьте нас от этой вазы! Милиция ничего не может, звоните, говорят, в службу спасения!» Диспетчер так и не поняла, о какой вазе идет речь и почему та висит в воздухе напротив окна, но взволнованная речь Сиракузова была столь убедительна, что женщина обещала помощь.

Жена Сиракузова, наоборот, ходила гордая, радуясь, что ее ваза собрала под окнами сотни людей.

Приехала бригада службы спасения на машине с длинной пожарной лестницей. Спасатели поднялись по лестнице к вазе и попытались накинуть на нее мешок, чтобы затем утянуть за собой. Не тут-то было. Стоило спасателям приступить к захвату вазы, как та тут же отлетела в сторону и зависла в другом месте, к общему восторгу зевак. «Инопланетяне ушлые ребята! — рассуждали в толпе. — Их на мякине не проведешь!» Спасатели передвинули лестницу и повторили попытку. Ваза ушла от них и на этот раз и вернулась на прежнее место. Не добившись результата, спасатели уехали. Их отъезд сопровождался бурными аплодисментами толпы.

Жена Сиракузова тоже похлопала, высунувшись в окно.

Сиракузов сидел на диване, обхватив голову руками.

— Черт! Я сойду с ума! — стонал он, вслушиваясь в шум толпы под окнами. — Опять будет галдеть до двух ночи!

— Сам виноват! — заметила жена. — Хорошо хоть ребенок у бабушки и не видел твоего вчерашнего безобразия! Это же стыд! — И ушла на кухню делать котлеты.

Сиракузов позвонил брату жены Женьке Кулику — тот работал в отделении милиции по соседству. И попросил его срочно приехать к нему с табельным оружием.

— А пистолет зачем? — спросил Кулик. И пошутил: — Неужто Катьку пристрелить собрался?

— Больно много чести! — заявил Сиракузов. — Мне помощь твоя нужна. При встрече все объясню.

Когда приехал Кулик, жена Сиракузова посадила брата есть котлеты. Сам же Сиракузов от котлет отказался.

— Мне твои котлеты в горло не полезут!

И ушел на свой диван дожидаться, когда родственник разделается с едой.

Кулик появился минут через десять. Сестра ему кое-что рассказала о вчерашней ссоре. Сиракузов дополнил ее рассказ. Главное, поведал он Кулику, то, что ваза, черт бы ее побрал, не упала вниз, а зависла в воздухе напротив окна! И как от нее избавиться, неизвестно. Даже служба спасения не смогла помочь! Народ же походил с ума! Все кричат: летающая тарелка! летающая тарелка!

Кулик выглянул в окно. Посмотрел на вазу, висевшую в воздухе, оглядел толпу внизу, которая к середине дня заполнила весь двор. Многие явились с биноклями. Какой-то оригинал притащил даже подзорную трубу на треноге. «У тарелки необычная форма!» — заявил он тем, кто стоял рядом, гордый от того, что он видит мелкие детали, а другие нет. Тут же крутились какие-то ученые мужи и о чем-то громко спорили, размахивая руками. Кое-кто из любопытствующих снимал вазу на мобильный телефон.

— Предлагаю пальнуть в нее из твоего пистолета! — сказал Сиракузов. — Она же стеклянная — развалится на куски, и дело с концом!

— Нельзя! — ответил Кулик. — Это охраняемый государством объект! Про эту тарелку все телеканалы болтают!

— Какой, к черту, охраняемый объект?! — возмутился Сиракузов. — Это Катькина ваза!

— Была ваза, теперь охраняемый объект, — заметил рассудительный Кулик.

— Женька! Сделай один выстрел! — взмолился Сиракузов. — Ну что тебе стоит? Еще одну ночь с толпой под окнами я не переживу! Я нервный!

Кулик замялся.

— Выстрел сделать, конечно, можно... А если оттуда полезут инопланетяне?

— Откуда? Из вазы? Ты что, сдурел?

— Ну мало ли...

— Дай мне пистолет, я сам стрельну!

— Не имею право свое оружие посторонним давать! — важно заметил Кулик.

— Какой я тебе посторонний? Я тебе родня! Мы с тобой одного пива, считай, вагона три выпили!

— Пива, может, и выпили... Но вот пистолет... — И как-то неожиданно подобрел: — Ладно, один выстрел сделаю. Но только один!

Кулик достал пистолет.

— Отойди в сторону! — велел он Сиракузову.

Тот послушно отошел в угол комнаты.

Кулик несколько мгновений примеривался. Потом долго целился и наконец произвел выстрел.

Пуля ударилась в вазу. Раздался тупой звук, словно ваза была не из стекла, а из прочного металла. Отрикошетив, пуля вернулась обратно в комнату, попала в Кулика и вырвала ему мочку правого уха.

— Ох! Блин! — вскричал Кулик и, тронув раненое место, посмотрел на окровавленную руку. — Я же говорил: не надо стрелять! — И опять завыл от боли.

На звук выстрела и на последовавшие за ним вопли Кулика с кухни примчалась жена Сиракузова. Увидела лицо брата в крови, побледнела.

— Что ты сделал с моим братом?!

— Ничего, — хмуро отозвался Сиракузов, доставая из аптечки бинт, вату и спирт. — Мы хотели разбить вазу... Женька выстрелил, пуля отрикошетила и вырвала ему часть уха.

— Это все ты! — сказала жена Сиракузова. — Кому эта ваза мешает? Висит себе и висит! По крайней мере она целая! И людям радость!.. А ты, — набросилась она на брата, — чего его слушаешь?! Это по его вине ваза там оказалась! Пусть теперь мучается от сборища зевак во дворе! — И, взяв у мужа бинт и спирт, стала обрабатывать рану.

— Как же я теперь с таким ухом? — пожаловался Кулик. — Бабы любить не будут!

— Тебе бабы ни к чему! — заявила сестра. — У тебя уже есть семья! О детях думай.

— Пусть хоть бутылку поставит за это, — смирился со своей участью Кулик.

— Да хоть сейчас! — отозвался Сиракузов.

— Никаких бутылок! — сказала жена Сиракузова, закончив перевязку раны. — Женька поедет домой. Рана хоть и небольшая, но требует аккуратного к себе отношения.

Кулик, привыкший слушаться сестру, послушался и на этот раз. Убрал пистолет в кобуру, взял в руку фуражку, не решившись надеть ее на забинтованную голову. Чмокнул сестру в щеку.

— Бывай! — бросил он Сиракузову.

— Извини, если что не так, — отозвался тот. — Может, тебе начальству доложиться?

— Зачем?

— Глядишь, награду какую-нибудь дадут за ранение.

Кулик махнул досадливо рукой и вышел за дверь.

Народ во дворе, увидев милиционера с забинтованной головой, дружно похлопал ему, как похлопал ранее отъезду бригады службы спасения, хотя и не знал деталей происшествия, в котором милиционер получил ранение. Некоторые только слышали выстрел, и не более того. Но фантазия дорисовала все остальное.

Кулик на аплодисменты ответил жестом, которым советские вожди приветствовали народ, стоя на трибуне мавзолея.

Откуда-то появилась гармошка, и гармонист вместе со своей пассией, крепкой скуластой девкой, не совсем трезвыми голосами громко заорали частушки, в которых воспевались полеты в космос. Эти частушки сменили другие, более фривольные, о сексуальных отношениях мужчин и женщин, что народу во дворе было понятнее и ближе, чем какие-то там полеты на ракетах, где ни поесть нормально, ни в сортир сходить!

В час ночи во дворе все еще шло гулянье, словно в городе был праздник. Гармошку давно сменили гитары, гуляки что-то хором пели — малоразборчивое. Но забойное. (Это опять мешало Сиракузову уснуть.) Дошло и до звона бутылок, и до мордобоя. Приехал милицейский наряд, долго разбирался с организаторами скандала. Наконец в три ночи все успокоилось, наступила тишина.

Но Сиракузов по-прежнему не мог уснуть. События во дворе слишком возбудили его. Он стал считать до тысячи, чтобы утомить себя. Сбился. Начал заново и опять сбился. Плюнул на этот способ борьбы с бес-

сонницей и стал думать о своей жизни, потом о жене, о том, как он с ней познакомился. В юные годы Екатерина была хороша. Статная, с крепкими, хорошей формы ногами, с обаятельной улыбкой, от которой заходились сердца у многих парней, желавших обладать ею. Но кавалерам не повезло! Все досталось ему, Сиракузову. Правда, была одна любовная занозина в жизни Кати за год до его появления, в лице студента Института физкультуры, кажется, его Федором звали. Но до дела, по утверждению подруг жены, не дошло — умом этот Федя оказался неширок, все больше о гантелях и своей штанге толковал, вместо того чтобы в театр девушку сводить или стихи какие-нибудь, хоть и чужие, ей почитать. Мысли о жене как-то притупили остроу ссоры, и что-то теплое возникло в душе Сиракузова, явившись на смену обиде. В общем, весь этот скандал возник, можно сказать, на пустом месте. Между ним и соседкой с третьего этажа ничего не было. Светлана Ивановна была женщиной умной и образованной, и Сиракузову нравилось беседовать с ней на всякие важные темы, до которых он самостоятельно не мог дойти умом. Чаще эти разговоры велись у подъезда при встрече, иногда — в доме на лестнице. Что, конечно, людей, не знакомых с сутью этих бесед, могло навести на неправильные мысли. Не избежала этого и Екатерина. Она вообще с годами стала ревнивой. Словно какой-то комар с геном ревности укусил ее. Чаще всего ревность ее была безосновательной. Сиракузов был верен ей. Но... пару раз, следует признать, случилось это «но». И каждый раз Сиракузов после своего падения жалел, что позволил себе увлечься и изменить жене. В такие минуты его даже начина-

ло подташнивать. Но вскоре он забывал и о той, с кем изменил Екатерине, и о своей измене. Подумаешь, вон у Петьки Толоконникова, его приятеля, каждые полгода новый роман с бабой на стороне! И ничего, живет с женой и не мучается угрызениями совести. «Страдать — не продуктивно!» — говорит он. Правда, один раз жена заехала ему туфлей в глаз, узнав в подробностях об одном его романе с врачом-урологом, отчего глаз не открывался недели две, лишив того возможности созерцать посторонние женские прелести, но это уже другая история.

Одним словом, Сиракузов считал себя примерным мужем и к приступам ревности жены относился весьма болезненно. (А скажите, кому это в радость?!) Но он старался сдерживать себя. Лишь иногда, когда жена в своих обличительных речах заходила слишком далеко, рисуя весьма фантастические картины, которым мог позавидовать способный писатель-фантаст, тогда у Сиракузова случались приступы ярости.

Сейчас, в эти бессонные ночные минуты, он вновь с теплым чувством подумал о жене и даже пожалел, что выбросил в окно ее вазу.

Сиракузов слез со своего дивана и, завернувшись в легкое одеяло, словно театральный персонаж в плащ, отправился в спальню, где спала жена. Окно в спальне выходило на другую сторону дома. Оно было открыто, давая возможность ей вместо криков ночных гуляк слушать тихий шелест дождя и вдыхать запах цветущих лип. Подойдя к кровати, Сиракузов скинул одеяло на пол и нырнул к жене под бочок. Та никак не отреагировала на его появление. Но по тому, как дрогнули ее плечи, он понял, что она не спит. «Не от-

толкнула!» — отметил про себя Сиракузов. И, радостно выдохнув, потянулся к телу жены рукой, коснулся его. И опять Екатерина не оттолкнула его.

Когда он хотел развернуть ее на спину, тут она воспротивилась и глухо сказала:

— Извинился бы для начала, босяк!

— Ну, ты же начала, а не я... — пробубнил Сиракузов, готовый признать не свою правоту, что было бы более логично, а свое поражение.

— Мне обидно, что ты с нею всегда болтаешь... А когда со мной — слова часто из тебя не вытащишь!

— Она умная. Ее послушать интересно... — сказал Сиракузов, но вовремя спохватился, почувствовав, как напряглась спина жены. — А нам... Зачем нам лишние слова? Мы и так понимаем друг друга без слов, не один год вместе!

— Но мы же с тобой не семья немых! — воскликнула Екатерина и повернулась лицом к мужу. — Мне интересны твои дела, твои мысли...

— Мне-то мои мысли не всегда интересны, зачем они тебе? — слукавил Сиракузов.

Почувствовав горячее дыхание жены, он шевельнулся и двинулся к ее телу. Когда он ее обнял, а потом опрокинул на спину, Екатерина расслабленным шепотом сказала:

— Вот вазу, дурак, в окно выкинул... Я тебе этого никогда не прощу...

Он закрыл ей рот поцелуем...

Когда все было кончено и Сиракузов со счастливым вздохом отстранился от тела жены, поднялся и открыл нараспашку дверь спальни, желая остудить ночным свежим воздухом разгоряченное тело, с улицы со сто-

роны гостиной, где за окном висела ваза, послышался сильный грохот. Словно какой-то стеклянный предмет упал с большой высоты.

Оба, и он, и она, кинулись к окну в гостиной и выглянули наружу, желая понять, что произошло. Может, кто-то по примеру Сиракузова выбросил нечто стеклянное в окно?

Вазы из чешского стекла, висевшей в воздухе двое суток, на прежнем месте не было. Зато внизу на мокром после дождя асфальте лежали ее многочисленные осколки, искрясь в свете дворового фонаря.

Теннисный мяч

Юрке Перову было сорок два. Но выглядел он на все шестьдесят, даже больше. Мятое морщинистое лицо, обветренное и потемневшее до бурого цвета, свалывшиеся волосы с перьями седины, шрам, рассекающий левую бровь и тянущийся до середины лба. Вмятина на затылке. Юрка был бомж.

Кем он был раньше и что делал в прошлой жизни, Юрка не помнил. Была ли у него жена, дети, и каков был род его занятий — являлось для него загадкой, которую он и не жаждал разгадывать. Так, маячило в памяти смутно приятное женское лицо... но чье оно — на этот счет память молчала. Может, это была мать, а может, та, что звалась женой? После того как ему однажды пробили голову железным прутом и он чудом выжил, Юрка потерял память.

Все, что было до того жестокого удара, ушло в небытие, и отсчет жизни пошел у него с больничной палаты, где он после долгих дней пребывания в коме впервые открыл глаза и увидел окружающий мир. И он показался ему привлекательным, ведь Юрка не помнил, каким

этот мир был прежде. Ему нравился белый цвет халатов, в которых ходили врачи и медсестры, нравился цвет стен в палате, нравились тарелки с едой, которые ему ставили на тумбочку, когда он уже смог подниматься и сидеть в кровати. Нравилась судно, которое подсовывала под него санитарка баба Таня, маленькая женщина пенсионного возраста с одутловатым лицом. Выражение ее лица постоянно было недовольным. Но это шло не от того, что ей приходилось выносить горшки за больными, а от общего недовольства текущей жизнью, где ей, пенсионерке, приходилось работать за троих, чтобы содержать двух малолетних детей своей дочери, погибшей от передозировки. Юрка, даже не зная о нелегкой жизни бабы Тани, всякий раз улыбался ей, садясь на судно, и лицо той, потное и хмурое, несколько смягчалось. Юрке нравились цветы, которые приносила больному, лежавшему у окна, его молодая порывистая жена. Она ставила их в вазу на тумбочку возле кровати мужа, и Юрка просил показать букет ему. И она подносила цветы к Юркиному лицу, давала понюхать и полюбоваться их видом. Однажды, явившись проведать мужа, женщина принесла два букета, и один из них, из садовых ромашек, поставила в банке с водой на Юркину тумбочку. Тот был счастлив, и в течение недели несколько раз на дню, поворачивая голову, любовался цветами, пока те не завяли и та же баба Таня не унесла их из палаты, буркнув предварительно: «Нечего мусор на тумбочке держать!» Так Юрка впервые был несчастлив в своей новой жизни.

Прошло время, Юрка вошел в силу, окреп, и его выписали из больницы. И пошел Юрка, никому не нужный, на все четыре стороны, потому что не знал, куда

идти. Документов у него не было — привезли его в больницу без оных, подобрав на улице в полумертвом состоянии.

И стал Юрка бродяжничать. Пригрели его такие же никчемные люди, втянувшиеся в босяцкую жизнь, кто годом ранее, кто двумя. Приняли в компанию, рассказали что почем, дали поесть и выпить, налив в стеклянную банку какое-то жуткое пойло, отчего светло-серые Юркины глаза полезли из орбит и долго еще после этого не могли вернуться в нормальное состояние. Потом Юрка привык к подобным напиткам, привыкли и глаза его к тому, что их хозяин часто пьет такое, от чего любой нормальный человек тут же отбросил бы копыта, попробовав лишь глоток этого зелья. А пили новые товарищи Юрки все подряд: одеколон, политуру, аптечные настойки на спирту и прочую гадость, что проще было достать и стоило меньших денег. Случалось, по праздникам на босяцком столе появлялся дешевый портвейн или суррогатная водка; их смаковали, как состоятельные господа смакуют дорогой коньяк или высококачественное виски.

Освоившись в новых обстоятельствах, Юрка — один либо с кем-то из новых приятелей на пару — стал промышлять на рынках, выпрашивая начавшую портиться еду. Те из продавцов, что были мягче сердцем, всегда что-нибудь давали оголодавшим бродягам, даже из хороших продуктов, другие же — и таких было больше — старались не замечать их или гнали прочь, матерясь и обещая позвать милицию. Могли и прогуляться по спине доской от продуктового ящика или зонтом.

Покинув рынок, где удавалось что-то перехватить из еды, Юрка с приятелями отправлялся в поход по

окрестным дворам, где они копались в мусорных контейнерах, отыскивая что-либо съестное или бутылки, которые можно было сдать и получить за них деньги. В некоторых дворах подобные места являлись настоящим Клондайком. Кроме еды, там можно было найти предметы повседневного быта, подходящую одежду, еще приличную, старые одеяла, картонные коробки из-под продуктов, сложив которые, можно было устроить себе ложе. А Юрка еще брал с помойки и книжки, и любил на досуге, в часы вечернего безделья, особенно летом, когда долго светло, почитать что-нибудь из классики. Однажды ему попался «Робинзон Крузо», в другой раз — «Анна Каренина», которую он в течение некоторого времени носил с собой в торбе, пока не прочел до конца. Во время чтения он морщил брови, размышляя над давно ушедшей жизнью, где все было непривычно (если иметь в виду его жизнь и жизнь его товарищей) и часто загадочно. Короче, эта книга помогла ему многое понять в устройстве бытия. И когда он закончил ее чтение, то был опечален тем, что история Анны, столь волновавшая его, завершена. В этот день он позволил себе выпить нормальной водки, которую приобрел на накопленные от сдачи бутылок рубли. Пить в этот день гремучую смесь ему не хотелось. «Вот дурак, нашел повод!» — потешались над ним его товарищи, с которыми он поделился водкой и объяснил причину появления на босяцком столе столь изысканного напитка. На другой день, завернув книгу в пластиковый пакет, он зарыл ее под деревом в парке, чтоб не носить с собой (все-таки книга была тяжелой, размером с кирпич). При желании ее можно было бы извлечь из земли и перечитать понравившие-

ся страницы. Долго он сидел под этим деревом, словно на могиле близкого человека.

Шло время. Товарищи, принявшие Юрку в свою компанию, не пережили морозов текущей зимы и все поумирали. Юрка же остался жив. И то потому, что в сильные холода какая-то сердобольная хромоногая старуха пускала его на ночлег в свой подъезд, где он лежал до утра со своим нехитрым скарбом возле горячей батареи; а тех, кто пытался выгнать его на улицу, гоняла своей клюкой, абсолютно бесстрашная, как Жанна д'Арк. Она никого не боялась. Явись в подъезд министр или кто повыше с желанием выгнать Юрку на мороз, она и на того замахнулась бы палкой, да еще обругала бы за то, что власть не заботится о бездомных. Благодаря этой бабке Юрка и выжил.

Но теперь он был один.

По весне прибился к Юрке беспородный пес, средних размеров, взъерошенный, немытый, помесь лайки с каким-либо дворовым Полканом. Самое интересное, что у пса из-под пасти торчал клоч светлой шерсти, похожий на бородку. Отчего Юрка, находившийся под впечатлением от «Анны Карениной», окрестил его Толстым, и пес, как ни странно, на эту кличку отзывался.

Затем за Юркой стала ходить по пятам «дама» неопределенного возраста из того же бродяжьего сословия. Это молчаливое существо повсюду следовало за ним. Куда он, туда и она. Он садился есть, садилась и она в сторонке, вытаскивая из сумки свои сухари. Неприглядная, с одутловатыми щеками, с задубевшей на лице кожей, с засохшей ссадиной на лбу. Да и откуда же ей быть красивой при таком образе жизни? Вот только глаза у нее были как бы из другой оперы — про-

нзительно синие, ясные; не смогла бродяжья жизнь и спиртное притушить их тревожный цвет. Так и светились они на ее припухшем лице, являясь неким свидетельством ее прежней жизни и, возможно, былой привлекательности.

Поначалу Юрка отнесся к появлению женщины у себя за спиной без особой радости: мало ли! не станет ли та помехой при сборе милостыни в подземном переходе? Но прогонять он ее не стал. Как не прогнали его в свое время умершие зимой приятели. Да и Толстой отнесся к ней сочувственно. Обнюхал на второй день и, выразив коротким добродушным рыком свое доверие, вернулся к Юрке. Так и стали они бродяжничать втроем. Втроем ходили на рынок, лазили по помойкам, втроем сидели на холодном полу в подземном переходе, собирая милостыню. Юрка и женщина время от времени прикладывались к бутылке с каким-либо острым пойлом; собаке же давали хлебную горбушку или кусок вареной колбасы, приготовленные на этот случай. Часто промысел в подземном переходе приходилось сворачивать, когда там появлялась пара сытых краснощеких милиционеров. Они появлялись неожиданно, неумолимые, словно посланцы Судьбы в трагедиях на театре, и прогоняли Юрку и его спутников с насиженного места. Те перемещались на улицу. И найдя там подходящую стену вдали от милицейских глаз, устраивались возле нее на асфальте, положив в ноги грязную картонную коробку из-под печенья, где лежала денежная мелочь. Народ, склонный к милосердию, бросал в эту коробку монеты и бумажные деньги, равнодушные — а таких тоже немало в нашем отечестве — проходили мимо, не замечая побирушек.

И все же Юрке нередко удавалось набрать не только на еду всем троим, но и на выпивку себе и своей спутнице.

О прошлом — его и ее — Юрка и женщина не говорили, только о дне сегодняшнем. И то чаще о том, где достать еду и выпивку, куда отнести пустые бутылки и банки из-под пива, где устроиться на ночлег: в кустах ли, между гаражных ли боксов или в пустующем старом здании, определенном к сносу, где обосновались такие же, как и они, бродяги.

Юрка долго не знал, как зовут его нынешнюю подругу, попросту не интересовался этим. Но однажды, когда оба выпили и разомлели, лежа на траве, пригретые солнцем, не чувствуя своих болячек и тревог, все же спросил:

— Имя-то у тебя есть?

— Люська, — ответила женщина.

— Люська... — повторил он. — Неплохо!

— А тебя... как тебя предки называли? — в свою очередь поинтересовалась та.

Юрка пожал плечами.

— Не помню после удара по башке. Вроде Юрка...

После ужина, разместившись на картонном ложе, Юрка погрузился в чтение очередной книги, которую двумя днями ранее нашел в одном из мусорных баков. Это были рассказы Ивана Бунина.

Июньский вечер был непривычно тих. А на пустыре между гаражами и рекой, где обустроились Юрка, Люська и Толстой, особенно. Дети, обычно шумевшие здесь во время своих игр, перебрались в летние лагеря, и никто теперь не гонял бомжей, приходивших сюда на отдых.

Люська сидела рядом с Юркой и глядела на пламя костерка, разложенного поблизости. Слушала, как

потрескивают догорающие поленья, думала о чем-то своем. Потом поморщилась, недовольная тем, что припомнилось ей, желая, видимо, избавиться от ненужных воспоминаний, и прикрыла синие глаза. Неожиданно попросила Юрку пересказать что-нибудь из того, что он нынче прочел в книге.

Юрка с подозрением глянул на нее, тронул пальцами со сбитыми ногтями собачий загривок (отчего Толстой пару раз игриво махнул хвостом и затих возле его бедра) и стал неспешно пересказывать содержание прочитанного рассказа. Рассказ назывался «В Париже». Герой его, бывший царский офицер, оказавшийся эмигрантом в Париже и после долгих жизненных тягот обретший, наконец, свое семейное счастье с немолодой соотечественницей, такой же одинокой, как и он, неожиданно умирает в метро. И счастливый союз, и начало новой жизни, сулившее радость, оказались разом перечеркнутыми!

Люська внимательно его слушала, но постепенно сон сморил ее, и она уснула. Юрка не сразу заметил, что она спит. Некоторое время рассказывал спящей. Потом увидел, что у нее закрыты глаза, умолк. Но не обиделся. Встал, накрыл Люську старым ветхим одеялом, которое было так изношено, что и одеялом его можно было назвать с трудом; единственным его достоинством была легкость, что в бродячей жизни, следует признать, фактор немаловажный. «Еще один день прошел...» — подумал Юрка, не сожалея и не радуясь этому обстоятельству, а просто констатируя факт.

Потом, глядя вдаль, где пламенели краски догорающего заката, помочился в костер, желая загасить его. «Где-то там за горизонтом тоже живут люди, у них

своя жизнь, свое тепло и свои холодные ночи... — подумал он. — Как в тех краях приходится таким, как мы с Люськой? Сытно ли им живется или так же мучительно, как и здесь?.. Все же, наверное, там чуток послаще», — решил Юрка и подумал: хорошо бы разок взглянуть на тех, иных, живущих там. И он даже представил, как они с Люськой и Толстым едут в вагоне поезда в отдельном купе и выходят на платформе где-нибудь в далекой Финляндии или Польше — хорошо одетые, чистые после бани, без привычных синяков и ссадин. И с этой мыслью, удостоверившись, что костер погас, и только клубятся дымные барашки над головешками, тоже улегся спать.

На следующий день все было как обычно. С утра покрутились на рынке, что-то перехватили из еды, наслушались бранных речей и отправились на свое место в подземном переходе.

На этот раз дело шло веселее. Подавали более охотно, чем всегда. То ли народ за ночь подобрел, то ли это было простым везеньем — должно же когда-то повезти. Примерно часа через полтора в коробке образовалась хорошая сумма, не считая бумажных купюр, которые Юрка время от времени вынимал из коробки и убирал к себе в карман, чтобы не смущать охотников до чужого, не гнушавшихся грабить бродяг.

Радуюсь удачному дню, Юрка умиротворенно переглядывался с Люськой и теребил загривок пса, обещая обоим устроить сегодня пир.

Но его мечтам не суждено было сбыться. Неожиданно в переходе появилась компания молодых людей, по-спортивному ладных, хорошо одетых, уверенных в себе. Возбужденные голоса, независимость в поведе-

нии. От них исходила жизненная энергия, и хотелось ими любоваться. Они шли вразброд, ловко перебрасывая друг другу теннисный мяч, и вели начатый ранее разговор, сетуя на то, что город заполнили приезжие из южных краев и пора с этим что-то делать. Когда парни появились в тоннеле, переход как-то неожиданно опустел, словно порыв ветра выдул оттуда прохожих, и кроме одной старухи, торговавшей жалкими цветами, а также Юрки с Люськой и Толстым, там никого не оказалось.

Старуха не привлекла внимание парней. Зато два бомжа с беспорядной собакой, в ногах у которых стояла картонная коробка, полная мелочи, неожиданно возбудила высокого мускулистого блондина, шагавшего во главе группы. Минутой ранее ему в руки попал теннисный мяч, и он, ударив его о землю, подхватил мяч в воздухе и крепко сжал в своей широченной ладони. Указав на Юрку и Люську, он что-то сказал своим спутникам, отчего те громко засмеялись.

Юрка, не ожидавший ничего дурного от приличных на вид молодых людей, не похожих на футбольных фанатов, способных на любую пакость, коротко посмотрел в их сторону и вновь повернулся к Люське, намереваясь обсудить с нею «праздничное» меню.

Послышался возглас «Вонючие уроды!», и Юрка увидел, как нога в джинсах с силой ударила по коробке, отчего в воздух взлетел дождь из серебряных монет и со звоном обрушился на землю. Ответить что-либо Юрка не успел. В его подбородок вонзился чей-то ботинок, и он завалился набок, закрывая голову руками. Кто-то из веселой компании ударил ногой собаку. Толстой взвизгнул, метнулся в сторону и остановился,

дрожа, на расстоянии. Мускулистый блондин подкинул мяч в руке и с силой метнул его в голову Люськи. Мяч попал той в висок, и Люська, коротко охнув, упала на плиточный пол, где осталась лежать, не подавая признаков жизни. Еще один из веселой компании, милостивый юноша с тонкими чертами лица, чья внешность вполне могла бы вдохновить в свое время Рафаэля или Караваджо, толкнул тело Люськи ногой. «Ты, кажется, убил ее...» — сказал он блондину. «Да брось, — отозвался тот, довольный своей меткостью, — она еще нас с тобой переживет...» — «Нет-нет, баба не дышит... — обеспокоился красавчик. — Пошли отсюда от греха подальше!»

И компания, вразнобой стуча каблуками, веселясь от собственных шуток, прошествовала в конец перехода и, поднявшись по лестнице вверх, укатила в неизвестном направлении.

Юрка, придя в себя, пытался некоторое время вернуть Люську к жизни, тряс ее за плечо, звал по имени, бил по щекам (ему казалось, она просто потеряла сознание), но когда понял, что Люська мертва, оставил это бесполезное занятие. Он хотел заплакать, но не мог — горло перехватило, трудно было дышать. Страдая от невозможности что-либо исправить, он оглядел площадку, где еще четверть часа назад они мирно сидели с Люськой и Толстым и где весельчаки сотворили разбой. Взгляд его привлек теннисный мяч, похожий на желтого безобидного цыпленка, лежавший в метре от тела Люськи. И хотя Юрка не видел, как этот мяч, послуживший орудием убийства, ударил Люську в висок, он поднял его с пола и, прижимая к груди, понес прочь. Юрка опасался милиции, способной обвинить

его в убийстве, и поэтому не мог долее оставаться возле Люськиного тела. Люську не вернешь, а хлопот не оберешься! Верный пес Толстой, опустив безвольно хвост, последовал за ним. Перед уходом мелькнула мысль: надо бы собрать рассыпанные деньги, но Юрка не мог в эту скорбную минуту заниматься подобным делом. «Пусть они подавятся этими деньгами!» — думал он о весельчаках, которых давно уже и след простыл.

На городской улице, куда он вышел, светило ласковое солнце, дул легкий ветерок, трепавший женщинам волосы и подолы их разноцветных платьев. Возбужденно гудели машины. Где-то звучала музыка. Прохожие шли по своим делам. И никому не было дела до Люськи, недвижимо лежавшей сейчас в подземном переходе. Была она и нет ее, и никто не вспомнит о ней впоследствии! И Юрка, обычно ни к кому не питавший злобы, почувствовал сильную ненависть к окружающему миру. Ему вдруг показалось, что мяч, который он прижимал к груди, жжет ему пальцы.словно это душа покойной Люськи требовала отпустить ее на волю.

У продовольственного магазина, к которому Юрка держал путь, он подобрал валявшуюся у входа доску от продуктового ящика, выбрав ее из числа прочих, лежавших там грудой, и с силой ударил ею по мячу. Как-то он стоял у витрины универмага, где торговали электроникой, и смотрел через стекло, как на многочисленных экранах работающих телевизоров двое ладных молодых мужчин играли в теннис, ловко отбивая ракетками мяч. Это зрелище тогда заворожило его... Теннисной ракетки у Юрки не было, но попалась доска. Он вложил в удар всю свою силу и злость на несправедливость окружающего мира. Лети, Люськина

душа, лети, теперь ты свободна! Может, в заоблачных высях тебе будет легче! Мяч устремился высоко в воздух и со скоростью снаряда улетел в неизвестном направлении. Юрке даже показалось, что он слышал свист, сопровождавший полет мяча.

Несколько мгновений Юрка смотрел мячу вслед, хотя увидеть что-либо не представлялось возможным, и направился внутрь магазина. Ему требовалось срочно выпить, чтобы пережить случившееся. Толстой, отпрянувший было в сторону, когда Юрка наносил доской удар по мячу, вновь завилял хвостом и остался ждать его у входа. А куда еще идти бездомному никому ненужному псу?..

Здесь у магазина нам придется расстаться с Юркой и его верным спутником. И устремиться вслед за улетевшим теннисным мячом.

Мяч этот, не сбавляя скорости, вылетел за пределы Москвы. Вырвался в пространство, свободное от высотных домов, электровышек и прочих человеческих сооружений, устремленных вверх. Стремительно достиг Звенигорода, промчался над его пыльными улицами, озадачив трех полутрезвых мужиков, сидевших, развалясь, на скамейке под акацией и пивших пиво из бутылок. Один из них обратил внимание приятелей на летящий на высоте теннисный мяч, и все трое воззрились на него, а тот, у кого была наколота русалка на груди, видимая в вырезе рубашки, даже громко срыгнул.

Увидела летящий мяч и рыжеволосая в веснушках девица, болтавшая по мобильному телефону и пялившаяся при этом в небо, проверяя: будет дождь или нет. Мчащийся на бешеной скорости желтый шарик

поверг ее в изумление, и она выронила мобильник из рук. «Куда ты делась, Светка? Ты где?..» — вопрошал мужской баритон в трубке.

Миновав Звенигород, мяч устремился с такой же скоростью на запад, и стая птиц, возникшая у него на пути, с трудом ушла в сторону, сохранив в неприкосновенности свои ряды.

Какой-то человек в черной бейсболке, сидевший в лодке с удочкой, оторвав глаза от воды, тоже увидел у себя над головой движение необычного предмета и на всякий случай перекрестился, пока этот предмет не слил на него какую-либо опасную инопланетную гадость.

Затем теннисный мяч видели над литовской границей. Не имея нужды в общении с пограничниками и в необходимости предъявлять им паспорт, мяч беспрепятственно понесся дальше над литовской землей. Миновал город Паневежис, промчавшись высоко над крышей местного театра, у входа в который шевелилась толпа и громко через динамик что-то непонятное вещал бодрый мужской голос.

Мяч долетел до Клайпеды, пронесся над местным портом, над кораблями, стоявшими там. Один из них отозвался протяжным гудком, и можно было подумать, что он приветствует пролетающий мяч, но вряд ли матросы, занятые своими делами, смогли заметить его.

Покинув пределы Литвы, мяч пересек море по краю, полетел над Польшей. Лежащие на пляжах люди, мелкие с высоты, на которой летел мяч, не видели его. И только один из отдыхающих, мужчина со шкиперской бородкой, разглядывавший полураздетые женские тела в бинокль, вдруг по случайности зацепил

биноклем небо и обнаружил там желтую точку, стремительно летящую на запад. Он вскочил на ноги, желая получше рассмотреть ее, но точка уже растворилась в небе.

Мяч пролетел над Гданьском, и опять один из кораблей, стоявших в акватории порта, отозвался протяжным гудком.

А дальше пошла Германия — Росток... Еще дальше — Ноймюнстер... Какой-то мужчина в защитной форме неизвестной профессии, сидевший на лесной поляне, увидел в просвет деревьев летящий в его сторону подозрительный желтый шарик и, будучи человеком нервным, вскинул винтовку и произвел по летящему предмету два выстрела. Стрелявший не попал и пожалел, что у него не оказалось под рукой винтовки с оптическим прицелом.

Потом летящий мяч видели южнее города Эдинбурга. Пилот, управлявший самолетом сельхозавиации, увидел его в параллельном полете в непосредственной близости от себя. Он долго приглядывался к нему, пытаясь понять, что это за штуковина летит рядом. А когда понял, что это теннисный мяч, на некоторое время лишился дара речи и долго не мог ответить диспетчеру, просившему его выйти на связь. Какой Рафаэль Надаль зафигачил его на такую высоту, придав ему скорость самолета? — озадачился пилот. Пока пилот пребывал в шоке, мяч умчался вперед, и уже через несколько минут пилот подумал, что это все ему привиделось и никакого мяча не было. Подумайте сами, разве такое возможно?

Затем мяч пересек океан, полетел над Канадой. Миновал залив Джеймс в районе Лейк-Ривер. Промчался

над Эдмонтоном, где была ночь и ярко, словно драгоценные бусины, светились городские огни. Прошел над островами Королевы Шарлотты. Если бы мяч был разумным существом и знал, как красиво называются эти острова, он бы, несомненно, порадовался этому.

И вот снова Россия — Камчатка. И далее родной российский пейзаж — ведь теннисный мяч был сделан на фабрике в России. Далее — большие и малые города, бесконечные лесные массивы, плохие дороги... Машины, буксующие в грязи, матерящиеся шоферы... Умирающие деревни, заброшенные военные городки, когда-то полные жизни, а теперь, после расформирования воинских частей, доживающие свой век. Впору бы сострадать всему этому, но теннисный мяч был лишен эмоций и летел к своей цели, не способный к сочувствию...

В Москве в парке в летнем ресторане мускулистый блондин, тот самый, что бросил мяч в несчастную Люську, сидел с миловидной рыжеволосой девушкой за столиком и убеждал ее, что она поступила неразумно, вступив в свое время в связь с ним, блондином. Ведь он — человек легкомысленный, не приспособленный для семейной жизни. У девушки был подавленный вид. Она любила блондина и хотела прожить вместе с ним целую жизнь, хотела родить ему детей — мальчика и девочку. Мальчика, похожего на отца, девочку, похожую на нее. Блондин убеждал девушку, что дальше длить их связь бессмысленно и им следует расстаться. «Ты молода, привлекательна, и сумеешь устроить свою жизнь», — говорил блондин, снимая с шампура куски шашлычного мяса и поливая их кетчупом. Девушка ничего не ела, у блондина же был отменный аппетит, и он

быстро расправился с шашлыком. Запив съеденное мясо красным вином из бокала, блондин откинулся на спинку стула, с радостным чувством оглядывая сидевших на веранде посетителей ресторана, по привычке оценивая молодых девушек. Среди них было немало хорошеньких, и при желании, думал блондин, каждая могла бы принадлежать ему. Но сегодня блондину было не до охоты на улыбчивых красавиц. Необходимо было убедить ту, что сидела напротив него, в том, что их отношения исчерпали себя. «Все имеет свое начало и свой конец, — рассуждал блондин. — И лучше сейчас поставить точку, чем тянуть эту резину дальше... Нам было хорошо, вот и славно! И сохраним эти чудесные дни в нашей памяти...» Блондин хотел еще что-то сказать глубокомысленное, но не успел... В этот миг на веранду влетел теннисный мяч, тот самый, домчавшийся до Москвы, и с силой ударил блондина в висок. Блондин свалился со стула на пол и умер. Девушка не сразу поняла, что ее любовник мертв. Может, он дурачится в свойственной ему манере, — подумала она. Но блондин не подавал признаков жизни.

Армянский коньяк

Оладьев открыл дверь. Перед ним стоял Копейкин. С хмурым выражением лица, словно ему отдавили ногу в вагоне метро, протянул сверток из синей в цветочек бумаги, обернутой вишневой ленточкой.

— Это тебе, — сказал он.

Копейкин был первый гость из десяти ожидаемых.

Оладьев уже с полгода как вновь был холост (жена Тамара, взбалмошная особа, нашла себе в лице владельца двух торговых палаток Ашота нового спутника жизни) и к приему гостей по случаю своего сорокалетия готовился вместе с матерью. Мать сделала два салата, приготовила в духовке жаркое, разложила по тарелкам закуски и уехала к себе на Пресню, чмокнув на прощание непутевого сына в щеку. Сидеть за одним столом с друзьями сына, часть из которых она знала, у нее не было желания. Но и Оладьев не переживал по этому поводу: мать — старомодных правил и многого не понимает в сегодняшней жизни.

Проводив Копейкина в гостиную, где тот развалился на диване с сигаретой в руке, Оладьев развернул бумагу, в которую был завернут подарок. Внутри оказалась бутылка армянского коньяка.

— Спасибо! — поблагодарил Оладьев и подумал: мог бы что-нибудь пооригинальнее сочинить! Крепких напитков в доме было с избытком. Но бутылка все же лучше, чем если бы Копейкин принес в подарок какую-нибудь рептилию (хамелеона или ужа), что он, случилось, дарил по торжественным дням знакомым женщинам. «Зачем ты даришь эту мерзость?» — спрашивал его Оладьев. «Я — оригинал!» — отвечал на это Копейкин.

Оладьев поставил бутылку на сервант, где она, избавленная от бумажной одежды, почувствовав свободу, засияла всеми своими пятью звездочками, украшавшими ее этикетку, как ветеран-фронтовик, надевший в честь праздника Победы свои боевые награды.

— Кто придет? — поинтересовался Копейкин, выпуская струйку дыма к потолку.

— Ты всех знаешь... Кроме Ларисы.

— Кто такая Лариса?

— Увидишь... Хорошая баба, я на нее запал.

Раздался звонок. Оладьев побежал открывать. Пришли муж и жена Матросовы. И тоже принесли в подарок бутылку. Только теперь это была фирменная водка в крепкой картонной коробке с серебряной картинкой на лицевой стороне.

— Хотели купить тебе тостер, но не нашли подходящего, — объяснила Матросова. — Даже поругались!

— Напрасно! — сказал хозяин.

И предложил семейной паре пройти в гостиную.

Матросовы поздоровались с Копейкиным. Оглядели стол. Рюмки и бокалы, отмытые до блеска, сверкали в свете люстры, подобно изделиям из дорогого стекла. Среди красиво разложенных закусок — а мать Оладьева была умелицей в этом деле — выстроился ряд водочных и винных бутылок, словно столпившаяся на перемене группа школьников, затевающих какую-то шалость.

Оладьев поставил коробку с водкой на сервант к бутылке коньяка. Теперь оба подарка выглядели импозантной парочкой.

— Кого ждем? — поинтересовался Матросов, широкий в плечах, вихрастый, потирая руки в предвкушении предстоящего застолья. — А то, может... — он не договорил.

— Ты только пришел, и уже намекаешь, что пора по маленькой! Не гони волну! — одернул его Оладьев. — Побеседуй лучше с Витькой — об инфляции, о ценах на нефть...

— Сдались мне эти цены! — отозвался Матросов, заваливаясь на диван возле Копейкина. — И без них голова идет кругом... У нас вот кошка окотилась — пять котят произвела. Мать-героиня, ядрена вошь! Я бы отнес их на помойку, да Катька не дает! — Он бросил взгляд на жену.

Та поморщилась.

— Тебе дай волю, ты и меня с дочерью отправишь на помойку!

— Неправда! Я вас люблю!

Оладьев окинул взглядом стол: всё ли на месте? И обнаружив отсутствие хрена, отправился за ним на кухню.

Только он принес баночку с хреном и пристроил ее возле тарелки с отварным языком, как вновь раздался звонок.

— Гость косяком пошел, как рыба на нерест! — отметил Копейкин.

— Ну и хорошо, — сказал Матросов. — Быстрее за стол сядем! — Находиться возле накрытого стола и не закусывать было для него мучительным испытанием.

— Ты себя так ведешь, — заметила его жена, — слово тебя неделю голодом морили!

Звонившим в дверь оказался закадычный приятель Оладьева Иван Плутархов, круглолицый, розовощекий мужчина в очках в тонкой позолоченной оправе. С ним была его новая пассия — среднего роста блондинка с взглядом полусонной рыбы по имени Зоя. Плутархов, работавший на телевидении звукорежиссером, к тридцати восьми годам все никак не мог жениться, и женщины у него менялись с периодичностью раз в полгода. С блондинкой Зоей, с которой он встречался уже восьмой месяц, в жизни Плутархова, кажется, наметились перемены.

Зоя протянула Оладьеву букетик красных тюльпанов, что-то пробулькав поздравительное с улыбкой. Плутархов сунул ему в руки бутылку шведской водки «Абсолют».

— Старый, извини, — сказал он, — замотался, недосуг было по магазинам бегать, искать что-либо... А водка, она и в Африке водка!

Гости, сидевшие в гостиной, Плутархова знали хорошо и встретили его радостными возгласами. И с Зоей они уже были знакомы. У Матросовой с Зоей сразу нашлась общая тема для разговора: новые туфли, которые были на Зое.

Оладьев поставил бутылку с водкой на сервант к двум другим бутылкам. Принес из кухни фарфоровую вазу с японской женщиной в кимоно, изображенной на ней, налив предварительно в вазу воды. Сунул туда тюльпаны, весело рассыпавшиеся в разные стороны, а вазу водрузил на сервант по другую сторону от бутылок.

Следующим пришел дальний родственник Оладьева по отцовской линии — Арон Фельдман с женой Беллой. Этот принес бутылку виски «Джек Дениэлс».

— Оригинально! — констатировал Оладьев. — У меня как раз с выпивкой напряг!

— Вот видишь! — порадовался за себя Арон. Но войдя в комнату и увидев три бутылки на серванте и пять на столе, сник.

Супруги Охлупины, явившиеся следом за Фельдманами, вручили Оладьеву продолговатую коробку в золоченой бумаге.

Когда юбиляр сорвал красную ленточку и развернул бумагу, то обнаружил внутри водку «Белуга». Он вежливо поблагодарил за подарок, а коробку с «Белугой» пристроил возле «Джека Дениэлса» на серванте.

Последней пришла Лариса, театральная художница, крупная статная женщина тридцати лет, с гордо посаженной головой, зелеными глазами и золотистой челкой поверх бровей. В руке она держала пластиковый пакет с чем-то весьма тяжелым.

— Поздравляю! — Она поцеловала Оладьева в щеку.

В пакете оказалась «Энциклопедия живописи» — большой увесистый том, трудно удерживаемый в руках. Оладьев, радостный от того, что Лариса, сделав та-

кой подарок, не разочаровала его, в назидание друзьям демонстративно водрузил книгу на сервант, поставив ее на попа в конце шеренги бутылок.

Гости, занятые разговорами, не поняли намека. Им не терпелось сесть за стол, и когда Оладьев дал отмашку, они дружно устремились к стульям и стали шумно рассаживаться.

Когда рюмки и бокалы были наполнены, поднялся Копейкин, решивший на правах приятеля, знавшего Оладьева с детства, произнести первый тост.

— Друзья мои! Филиппу нашему — сорок! Хорошо это или плохо? — одному Богу известно. Много это или мало? Об этом надо спрашивать либо у малого ребенка, либо у древнего старца. Нам же, его друзьям, важно, чтобы он был здоров и тверд духом! Не боясь навлечь на себя гнев присутствующих здесь женщин, скажу: я всегда ценил его за то, что он никогда не шел на поводу у разных — пардон! — баб и ставил дружбу превыше всего, порою даже в ущерб сексу!

— Ну и напрасно! — прокомментировала Катя Матросова.

— А матросов об этом не спрашивают! — отмахнулся Копейкин. — Сейчас речь о юбиляре... За Филю! Кто не выпьет до дна — заболает!

— Что за хохмы? — опять вылезла Матросова. — Я не собираюсь хлестать вино бокалами!

— Ладно, — смилостивился Копейкин. — Инвалидам скидка — можно выпить половину! А матросам — даже треть!

Гости выпили и дружно набросились на еду. Некоторое время в гостиной царило молчание, слышался только стук вилок и ножей.

— Друзья! Мы разве есть сюда пришли? — воскликнул Арон Фельдман. — Попрошу наполнить рюмки!

Бутылки на столе пришли в движение, смещаясь вдоль рюмок и фужеров согласно пристрастиям собравшихся.

Пока гости готовились к новому тосту, Оладьев обратил внимание, что вино в бокале Ларисы осталось нетронутым.

— Не понял! — сказал он.

— Мне не хочется вина, — призналась Лариса.

— Налить тебе водки?

— Нет-нет... Лучше рюмку коньяку. Армянского. — И она указала на сервант, где шеренгой стояли подаренные бутылки.

— А по мне лучше водки ничего нет! — заявил Матросов, чесанув свой вихор.

Пока Оладьев открывал бутылку и наливал Ларисе коньяк, поднялся Арон.

— Предлагаю выпить за родителей Филиппа, за его мать и покойного отца! Они, можно сказать, главные виновники сегодняшнего торжества! Если бы не их любовь, прозябал бы до сих пор Филиппок где-нибудь в околосемном пространстве. Жаль, Матвей Осипович не дожид до этого дня! За них!

— Да, да! — дружно закивали гости. — За родителей!

Подняли рюмки, выпили в тишине.

И застолье покатило дальше, как хорошо отлаженная машина. Снова выпили за Оладьева — и раз, и два, и три, говоря всякие положенные по такому случаю слова. Выпили за присутствующих друзей. За новую подругу Оладьева — Ларису. И ее заставили вы-

пить за себя рюмку коньяка. Она поначалу упиралась, заявляя, что ей нельзя, что она уже выпила и больше одной рюмки пить не может. Ее дружно подняли на смех: что для тебя одна рюмка? ты же молодая женщина. Так не пойдет! А как же ты детей от Филиппа рожать будешь?! «Бросьте, какие дети!» — отмахивался хозяин дома. Все же Ларису уговорили. Она выпила. Одним махом, словно бросаясь в омут, опрокинула в рот коньяк. И под дружные аплодисменты присутствующих, морщась, поставила пустую рюмку на стол. Оладьев тут же положил ей в тарелку ломтик малосольной семги, а Копейкин — в благодарность за отвагу — две ложки салата «оливье». Лариса отмахивалась: не надо, не надо! Но все же подчинилась, потыкала вилкой салат, съела семгу. Потом Охлупин, имевший неплохой голос, вскинув вверх обе руки, словно оперный премьер, попытался спеть: «Снился мне сад в подвенечном уборе!..» Но его тут же прервали. «Подожди! Еще горячее не ели! Споешь после!» — заявили мужчины. И только Белла, жена Арона, печально улыбнувшись, сказала: «Пусть поет! Вы же все равно курить пойдете...» — «Нет, — воспротивился Матросов, вновь чесанув свой вихор, — пение после жаркого! На десерт!» — «На десерт можно что-нибудь и послаще!» — не согласился с ним Копейкин.

И тут все вдруг обратили внимание на то, что Лариса стоит у открытого окна, повернув лицо к улице. Рослая, статная, с красивыми ногами... И что-то говорит — туда, в окно.

Поначалу всем показалось, что она просто дышит воздухом, освежая лицо. Но Лариса что-то говорила и говорила невидимому собеседнику, словно там за ок-

ном на высоте третьего этажа мог кто-то находиться. Озадаченный Оладьев подошел к ней.

— Лара, ты чего?

Лариса повернула к нему раскрасневшееся с рыжей челкой лицо. Ее зеленые глаза озорно блестели.

— Какой он занятный! — воскликнула она.

— Кто? — растерялся Оладьев.

— Ну... этот мужичок. — Она кивнула в направлении улицы.

Оладьев выглянул наружу. И никого там не обнаружив, удивленно повел головой.

— Пошли к столу.

— Нет, я еще здесь постою... Мне надо подышать... А он такой смешной... Посмотри на него, поговори с ним. Мне, кажется, он такой одинокий...

— Да кто одинокий?

— Мужичок за окном... Говорит, что прилетел изда- лека, что его дом находится за пределами солнечной системы... Неужели ты его не видишь?

— Нет, не вижу, — сказал Оладьев и с чувством недоумения вернулся к столу. Он не замечал прежде за Ларисой подобных странностей.

К нему подсел Копейкин.

— С кем она болтает? — спросил он.

— Говорит, какой-то «мужичок» прилетел из космо- са. Завис напротив окна, и они мило беседует.

— Да-а-а?... — озадачился Копейкин. — Может, у де- вушки не все дома? Ты не замечал у нее каких-либо отклонений? Может, она пила раньше, и это последст- вия белой горячки? Вероятно, поэтому она и не хоте- ла пить коньяк. Жаль, симпатичная баба! — Но лицо Копейкина было почти что радостным от столь неужи-

данного поворота сюжета, способного придать новые краски картине застолья. И Копейкин решил поделиться новостью с присутствующими.

Через минуту уже все сидящие за столом дружно обсуждали необычное поведение Ларисы.

— Если бы она пила в прошлом, у нее рожа сейчас была бы иной, — рассудил Матросов. — Мы что, не видели пьющих баб? А у этой лицо как наливное яблочко! Персик!

— Только не вздумай к ней кадриться! — строго сказала ему жена Катя.

— Как тебе не стыдно! — нахмурился Матросов. И кивнул на Оладьева: — Вон сидит ее бойфренд! А он мой друг!

— Знаю я эти штуки: один числится в бойфрендах, а совокупляется с нею другой! — заявила Катя.

Матросов шлепнул ладонью по столу.

— Прекрати!

— Ну что вы, право, затеяли... Не следует обижать юбиляра, если четверть часа тому назад вы объяснялись ему в любви, — заметила Маша Охлупина, особа рассудительная и сдержанная.

— Давайте лучше споем! — вновь вскинул вверх руки ее муж. И затянул в полный голос: — Гори, гори, моя звезда!..

— Перестать, — сказала Маша, — дома споешь!

— Мне нужна публика! — стукнул себя в грудь Охлупин. — Я в душе артист!

И тут до сидящих за столом донесся веселый смех Ларисы, сразу вернувший всех к главной теме разговора.

— Кать, сходи к ней, поговори, — предложил Матросов жене.

— Ну вот еще! Я ее почти не знаю... А вдруг она вцепится мне в волосы?

— Не сходите с ума! — рассердился Оладьев. — Она нормальный человек!

Со стула поднялась Белла, обладательница печальной улыбки.

— Я поговорю с ней...

И направилась к окну.

Когда она подошла и встала с Ларисой рядом, та оживленно обсуждала с невидимым собеседником свою работу в театре, рассказывала о спектаклях, которые сделала.

Белла посмотрела в окно, потом глянула вниз, и никого там не обнаружив, кроме двух пьяных мужиков, сидевших на газоне, вновь устремила взгляд на Ларису. Лариса, следует сказать, не производила впечатления душевнобольной. Ее речь была связной, детали, которые она сообщала невидимому собеседнику, отличались меткостью наблюдений.

— Лара, пойдете к столу, — предложила Белла. — Вас ждут.

Лариса с улыбкой посмотрела на нее.

— Да, да, я сейчас, — сказала она. — Редко выпадает случай поговорить со столь необычным собеседником...

Белле ничего не оставалось, как оставить Лару и вернуться к гостям.

— Ну, что? — спросил Копейкин.

— Она вполне вменяемая... Нормальная речь, адекватное поведение, говорю это как врач, — сказала Белла.

Все задумались.

— Может, у нее галлюцинации после выпитого? — высказал предположение умный муж Беллы Арон.

— Ну да, — сказала Катя Матросова, — ни у кого их нет, а у нее есть!

— Подождите! — махнул рукой Арон. — А что она пила?

— Коньяк. Армянский, — сказал Оладьев.

— А кто еще пил коньяк?

На этот вопрос гости ответили молчанием.

— Надо поставить опыт, — возбудился Арон. — Пусть кто-то из нас выпьет рюмку коньяка, и мы посмотрим, что последует за этим! Если и этот человек увидит того, с кем разговаривает Лара, значит, дело в напитке!

«Ну почему евреи такие умные?!» — с грустью подумал Копейкин.

— Я готов выпить! — заявил Матросов и потянулся широкой пятерней к бутылке с коньяком.

— Тебе уже достаточно! — воспротивилась Катя. — У тебя и так глаз бычий!

— Брось! Я вполне трезвый!

— Обойдешься!

Оладьев поморщился, вся эта перепалка была ему неприятна.

— Перестаньте ругаться! Уважайте хотя бы юбиляра!

Арон окинул взглядом сидящих за столом, взял в руки бутылку. Налил в рюмку коньяк и не задумываясь выпил. Подцепил вилкой кружок отварного языка, закусил. И решительно направился к окну.

Когда Арон подошел к Ларисе и встал рядом, то увидел снаружи висящего в воздухе человечка примерно

метр двадцать ростом, с большой головой, морщинистым лицом и темными зрачками на светло-зеленом поле глазных яблок. Из-под верхней губы у него торчали два передних зуба, делая его похожим на кролика. Вид у него был довольно забавный, ничего пугающего. Одет он был в длинную рубаху из холста. И лопотал на русском языке. И если бы мужичок не висел в воздухе и имел не странный, а нормальный цвет глаз, его вполне можно было бы принять за жителя российской глубинки.

— Надо же! — воскликнул Арон. — Вы кто, уважаемый? И почему висите в воздухе?

Вопросы Арона обрадовали Ларису. Значит, не только она видит космического пришельца, но и этот умный малый, являющийся дальним родственником Оладьева. Недаром она сразу прониклась к нему симпатией, как только увидела его.

— Имя я тебе свое не скажу, — улыбнулся мужичок, — оно слишком трудное, чтобы ты мог его запомнить. Зови меня «Ты». А почему в воздухе парю — это свойство нашего вида, обитающего на планете... — И он произнес название планеты: — «Блям-блям-блям-блям...»

Название планеты оказалось сложным, чтобы его с ходу можно было повторить. «В общем, блям-блям», — решил для себя Арон.

— Ну и как вы там? — спросил он.

В отличие от Ларисы, сразу принявшей реальность происходящего, ему трудно было поверить в то, что перед ним житель иной планеты. Может, это какой-то циркач на веревке висит! Мало ли! Но почему тогда у него светло-зеленые белки глаз?.. Как бы то ни было,

в пользу инопланетного происхождения мужичка свидетельствовало то, что он был мал ростом при большой голове и изо рта у него время от времени вылезали и лопались пузыри, словно туда поместили мыльный раствор.

— Ты интересуешься, человеке, как там у нас? — спросил инопланетный мужичок и простодушно ответил: — По-другому, нежели у вас!

— Ясно, что по-другому... — признал умный Арон и почувствовал себя полным дураком.

— Вот женская особь по имени Лара мне нравится, — кивнул мужичок в сторону Ларисы. — Говорю, летим со мной! Отказывается!

— И правильно делает, — поддержал решение Ларисы Арон. — У нее жених есть, мой родственник! — Он кивнул в сторону стола. — У него сегодня день рождения. Понимаешь? Это день, когда он появился на свет.

— Понимаю, понимаю, — улыбнулся инопланетянин и что-то долго лопотал по-своему, а затем вновь перешел на русский язык.

Хозяин и гости, увидев, что Арон после коньяка стал, подобно Ларисе, разговаривать неизвестно с кем, задумались. Но если мало знакомая им Лариса, возможно, и была «ку-ку», рассуждали они, то Арон — умница, голова, дом Советов — не мог через минуту после выпитой рюмки сбрендить. Значит, тут кроется какая-то загадка.

Иван Плутархов, бойкий телевизионщик, повидавший всякого на своем веку, до сей минуты взиравший на происходящее с улыбкой скептика, снял свои очки в позолоченной оправе, убрал их в нагрудный карман, словно опасался, что их могут разбить в драке.

— Позвольте мне, — попросил он бутылку с коньяком, и когда получил ее в руки, налил себе треть фужера и выпил.

Закусывать он не стал, а утер губы ладонью и направился к окну. Встав возле Арона, потеснившегося в сторону, выглянул наружу и увидел того, с кем разговаривали Лариса и Арон. Прямо напротив него висел в воздухе невзрачный мужичок с простодушной улыбкой, чрезмерно морщинистый, со светло-зелеными белками глаз. Иван Плутархов был прагматик и не верил во всякие чудеса, поэтому для начала, подавшись вперед, пошевелил пятерней над головой пришельца, проверяя, нет ли там веревки, на которой могло бы держаться тело. Вевки не оказалось.

— Кто ж ты такой, коли висишь свободно в воздухе? — поинтересовался он, обращаясь к мужичку.

За инопланетянина ответил Арон, удивляясь самому себе, что смог выговорить название планеты:

— Товарищ прилетел из космоса. С планеты «Блям-блям-блюм...»

— Не «блям-блюм», а «блям-блям», — поправила Арона Лариса.

— Верно! — подтвердил мужичок и похвалил ее: — Хорошая особь! Зря не хочешь лететь со мной!

Плутархов повернулся к гостям, ждавшим его заключения:

— Народ! — воскликнул он. — Здесь и вправду живое существо! Чувак неизвестного происхождения, болтается в воздухе! Весьма колоритный тип!

— Как я и предполагал, надо выпить коньяку, чтоб его увидеть, — добавил к сказанному Плутарховым Арон. — Выпейте по рюмке и идите к нам!

— Глупость все это! — поморщилась Катя Матросова. — Не может там никого быть, это же третий этаж!

— Верно, — поддержал ее Охлупин, — здесь дело в другом... Что это за коньяк такой, после которого возникают массовые галлюцинации? — И обратился к юбиляру: — Откуда у тебя это пошло?

— Витька принес в подарок, — ответил тот.

Все дружно посмотрели на Копейкина.

— А ты где его достал?

— Как где? Купил в супермаркете. Сам с полки снял бутылку, — ответил Копейкин, оскорбленный тем, что его подозревают в дарении некачественного напитка. — Я, чтоб вы знали, самопальную гадость не покупаю! — нервно изрек он. — Мне мое здоровье дороже! А тут еще юбилей друга!

Несмотря на туманность в истории с коньяком, гости (и в первую очередь Копейкин, пекущийся о своей репутации) решили все же проверить его действие на себе. Только двое отказались участвовать в эксперименте: жена Матросова («Мне еще дочь растить!» — заявила она) и Белла, сообщившая с печальной улыбкой, что у нее аллергия на коньяк.

Когда гости с хозяином приложились к коньячной бутылке и оказались у окна, то смогли сами убедиться в существовании колоритного мужичка, плавающего в воздухе за окном. Узнав, что мужичок этот прилетел из далеких миров, находящихся за пределами солнечной системы, гости сильно возбудились. Всем хотелось с ним поговорить. Не каждый день случаются такие встречи. Вопросы были самые разные. Копейкина, например, интересовало: как жители планеты, откуда явился мужичок, размножаются? И все были радостно

удивлены, узнав, что живущие там — существа живородящие, и процесс воспроизводства себе подобных аналогичен земному, только все это делается не на твердой почве, пояснил инопланетянин, а в воздухе, то есть на некотором расстоянии от местного грунта. Матросова интересовало: пьют ли жители далекой планеты жидкости, и какие? «Мы пьем то, что называется у вас “водой”, — отвечал мужичок. — Только у нас она иная на вкус». — «А что-нибудь покрепче вы употребляете?» — не отставал Матросов. «Покрепче? — озадачился мужичок. — Не понимаю». — «Ну там водку, у нее крепость сорок градусов, или виски? Чтоб кайф словить!» — Матросов твердо решил добраться до сути. «Не понимаю...» — заулыбался инопланетянин.

— Слушай, мужик! — оживился Плутархов, решивший, что самое время просветить залетного гостя относительно крепких напитков, которые пьют земные жители. — Что ты на улице висишь? Заходи в дом, будь гостем!

— Верно, заходи! — тут же поддержал его Матросов. — Разопьем вместе бутылку — без этого тебе не понять нашу цивилизацию!

Оладьев, в отличие от своих гостей, не был в восторге от идеи выпить с инопланетянином в его квартире. Как бы чего не вышло! Гости после разойдутся по домам, а ему дерьмо за ними убирай! Почему после встречи его приятелей с инопланетянином должно остаться дерьмо, на этот вопрос у юбиляра не было ответа.

Мужичка долго уговаривать не пришлось. И когда стоявшие у окна посторонились, тот впорхнул в комнату, точно большой воробей, и завис над полом у края стола.

— Ты чего? Садись за стол, — предложили ему.

— Нет, нет, — отказался мужичок. — Так удобнее.

Все расселись по своим местам и чего-то ждали, устремив взгляды на инопланетного гостя. Жена Матросова и Белла смотрели туда же, куда и все, но по-прежнему никого не видели.

— Ну, чего ж вы? Наливайте! — обратился к присутствующим Плутархов, словно это он был хозяином застолья.

Матросов радостно взял бутылку и налил мужичку, легонько болтавшему ножками, полный фужер.

— Куда ты столько? — набросились на него сердобольные женщины.

— Пусть знает, что мы люди не жадные!

— Ну что, далекий брат по разуму, давай выпьем! — сказал Плутархов. Потом указал на Оладьева, взиравшего на происходящее с мучительной улыбкой. — Вот за этого парня! За нашего друга!

Гости подняли свои рюмки и уставились на инопланетянина. Всем сначала хотелось увидеть, как пьет «залетный», а уж потом и самим приложиться.

Мужичок же пить не спешил. Поднял фужер и стал нюхать его содержимое. Редкие волосинки на его голове пришли в движение.

— Друг! — обратился к нему Матросов. — Смотри, как надо! — Он поднял свою рюмку и залпом ее выпил.

Мужичок посмотрел на него. И тоже выпил. Весь фужер целиком. Все ждали, что же будет дальше. Но ничего необычного не произошло. Инопланетный гость выглядел так же, как и до этого, только пузыри у него изо рта теперь шли меньше.

Убедившись, что пришельцу из далеких миров не противопоказано пить крепкие напитки, выпили и приятели Оладьева. Катя Матросова, сгорающая от любопытства, желая увидеть инопланетянина, потихоньку налила себе коньяку и тоже выпила.

— Хук, — сказал наконец мужичок, оценивая выпитую жидкость.

Все почему-то решили, что ему понравилось.

— Поешьте, — предложила ему жена Охлупина и поставила перед ним тарелку с разными закусками.

Мужичок отказался. Он все еще осмысливал впечатления после выпитой водки.

— Наш парень, — сказал, закусьвая, Копейкин, обращаясь к Оладьеву. — Надо ему ужа подарить. Я тут видел в зоомагазине отличный экземпляр.

— Зачем ему уж?

— Ну как? Сувенир!

— Лучше я ему кошачий выводок подарю, — оживился Матросов. — Всех пятерых!

Катя Матросова, глядевшая во все глаза на инопланетного гостя, который после коньяка открылся перед ней во всей красе, пропустила мимо ушей слова мужа. В противном случае был бы скандал.

— Ему вся эта живность до лампочки! — заметил кто-то. — Им, вероятно, своих тварей хватает.

— Лучше я ему что-нибудь спою! — вызвался Охлупин, поднимаясь в полный рост. — Из нашей жизни... «Этот День Победы порохом пропах!..»

— Не надо, — толкнула его в бок жена.

— Правильно, культурная программа после! — заявил Плутархов, взявший на себя роль тамады. —

Давайте выпьем за встречу! Ты как, внеземной наш брат?! — обратился он к инопланетянину. — Готов?

— Хук, — вновь сказал мужичок.

И опять все это приняли за знак согласия.

— Надо угостить его хорошей водкой, все же редкий гость! — предложил Копейкин. — Подайте на стол «Белугу»!

— Это как хозяин скажет, — заявил деликатный Арон. — Ему подарено, ему и решать.

Оладьев обреченно махнул рукой: берите!

Пока брали с серванта «Белугу», пока ее распечатавали, а потом наливали в фужер залетного гостя, Арон, которого мучила проблема «видимого — невидимого», спросил у инопланетянина:

— Скажи, друг, почему тебя можно увидеть, только выпив коньяку? — И он указал на пустую уже бутылку.

Мужичок пожал плечами.

— Не знаю. Это свойство вашего мозга.

— Действительно, — согласился с ним Плутархов. — Когда крепко выпьешь, и не такое можешь увидеть! Я вот однажды после банкета в ресторане, садясь в такси, увидел на улице живого Льва Толстого. Лев — один в один! Оказался его двойник. Просил на пропитание. Но в первые минуты меня и под дулом пистолета не убедили бы, что передо мной не настоящий Толстой...

— Художник Александр Иванов, выкушав однажды водки, увидел нечто такое... После чего написал картину «Явление Христа народу», — сказал Копейкин с победным видом, словно сам присутствовал при подобном событии.

— Это шутка? — спросила неприязненно Лариса. — Если шутка, то неудачная! Не следует этим забивать гостью голову!

— У них, вероятно, тоже случаются неудачные шутки, — высказал предположение Арон, желая примирить стороны.

— Ну что, инопланетный брат, выпьем? — сказал Плутархов, умильно глядя на инопланетянина. — За нашу встречу на далеких меридианах!

И опять мужичок долго принюхивался к содержимому фужера, прежде чем выпить. Редкие волосинки на его голове вновь пришли в движение. А когда вслед за этим выпил, даже крикнул совсем по-человечески.

Белла Фельдман с печальной улыбкой наблюдала за происходящим. Лишенная возможности видеть главного героя вечера, к которому были обращены взоры всех присутствующих, она воспринимала происходящее как нечто из области абсурда. Сидящие за столом, большинство из которых она неплохо знала, походили сейчас на возбужденных клиентов психиатрической клиники.

Копейкин наклонился к Ларисе.

— Лара, вы ко мне несправедливы... Хотите, я подарю вам варана?

— Кого?

— Варана. Это такой милый уродец — из семьи пресмыкающихся.

— Зачем? — растерялась женщина.

— Это шик! Украсите им свое жилище. На рептилий нынче мода!

— Оставьте его себе. — И пошутила с невозмутимым видом: — А мне лучше подарите кольцо с бриллиантом!

— Не подарит кольцо, не подарит! — вдруг возбудился инопланетянин. — Лопнет от жадности! Лопнет, лопнет!.. Полетели со мной, женская особь!

Большинство из сидящих за столом не поняли, о чем это он. А вот Лариса поняла. Понял и Копейкин. Обиделся.

— Почему же лопну?.. Ты, приятель, только прибил к нашей компании, и уже делаешь выводы!

С инопланетным мужичком тем временем что-то случилось. Он схватил со стола бутылку «Белуги», из которой ему наливали вторую порцию, подкинул ее раз-другой в руке, словно жонглер булаву, и одним махом вылил все ее содержимое себе в горло. Внутри у него забулькало, словно в кастрюле, долго кипящей на плите. А изо рта вылезло несколько пузырей, лопааясь один за другим

Присутствующие оторопели. Матросов, когда пришел в себя, мрачно заметил:

— Если и дальше так пойдет, мы останемся без водки!

— Тебе и так уже достаточно! — заявила его жена.

— В кои веки прилетел к нам инопланетный разум, а вы водки жалеете, — заявил уже основательно пьяный Плутархов. Не очень послушной рукой вынул из кармана бумажник, извлек из него несколько тысячных купюр, бросил их на стол. — Вот! Купите водки и не страдайте!

— Ты что, в купцы определился? Сам и иди за водкой! — заявил ему Оладьев, обиженный тем, что

с появлением инопланетянина о нем и его торжестве забыли. — Здесь прислуги нет! — Предчувствие подсказывало Оладьеву, что добром сегодняшний вечер не кончится.

— Друзья мои! По-моему, все выпили достаточно! Давайте поговорим на серьезные темы! — воскликнул Арон. — Как у них на планете организуется живая жизнь! Кислород, водород, кремний... Это же интересно! Такая редкая возможность!

— Интересно! Интересно! — вслед за Ароном его же голосом повторил залетный мужичок. — Редкая возможность!

— Друзья! — вскричал Копейкин. Он все никак не мог простить обиду, нанесенную ему инопланетянином, обвинившим его в скупости. — По-моему, это самозванец! Из цирка карликов! Я видел таких в Испании!

— Из цирка карликов! Я видел таких в Испании!.. — голосом Копейкина повторил инопланетный мужичок. И вдруг глаза его стали безумными.

Он крутанулся вокруг своей оси и помчался стремительно вокруг стола, так что даже Белла, не видевшая его, почувствовала сильное движение воздуха у себя за спиной.

Вращаясь волчком, мужичок вылетел к стенке, где находилась электророзетка, и вдруг сунул в нее два пальца. Из розетки посыпались искры, тело мужичка стало трясти, от головы до пят по нему проносились нити электрических разрядов. Затем раздался сильный треск, после чего в квартире погас свет, и в наступившей темноте те, кто сидели лицом к окну, увидели, как в домах напротив — в первом, во втором, в третьем — тоже погас свет.

Как выяснилось впоследствии, свет отключился во всем районе.

— Ты что же хулиганишь, заезжий хрыч?! — обрушился на инопланетного гостя Матросов. — Теперь по твоей милости будем сидеть без света!

— Хук, — сказал мужичок, поднимаясь с пола, на котором лежал после того, как отвалился от обесточенной розетки.

— Что ты все время «хукаешь»? — спросил Копейкин.

На улице еще только смеркалось, но в комнате уже мало что было видно. Плутархов вынул из кармана зажигалку, зажег ее и поднял над собой, освещая пространство стола.

— Филя, неси свечи! — потребовал он у Оладьева.

— Их еще надо найти, — сказал тот и ушел в коридор.

Плутархов погасил зажигалку, давая руке отдохнуть. В комнате опять стало темно.

— Послушай, брат по разуму, зачем ты к розетке полез? — спросил он у инопланетянина. — Объясни!

— Это не я, — ответил печально мужичок. — Это злой дух вырвался из узды!

— Не следовало его поить, — сказала Зоя, подруга Плутархова, обращаясь к мужчинам.

— Кто же знал, что он такое отчебучит! — сказал Матросов.

— Еще бы! Он почти литр «Белуги» махнул! — добавил Охлупин.

Вошел с двумя горящими свечами Оладьев, поставил их на стол.

— На лестничной площадке народ собрался, бузит: почему света нет?

— Арон, пошли домой, — шепнула Белла мужу.

— Подожди, не торопись, — отозвался Арон. — Это же феномен! Второго такого случая, может, не будет никогда!

— Мне, кажется, вы заигрались. Придумали себе игру и развлекаетесь, — ответила Белла. — Я вот никого не вижу. Только слышу ваши странные разговоры про мужичка. А если я не вижу его, то его нет. — Белла под стать мужу была женщиной рассудительной.

— А кто свет, в таком случае, вырубил? — не согласился с нею Арон.

— Авария на подстанции, — объяснила Белла.

— Да нет, я сам видел, как он сунул пальцы в розетку... — И засомневавшийся было Арон посмотрел на инопланетянина: да вот же он, во плоти, никуда не делся!

— Хватит шептаться! — сказал Фельдманам Оладьев.

— Между прочим, если бы не армянский коньяк, ничего бы этого не было, — философски заметил Матросов. — Лучше бы я этого карлика не видел.

Неожиданно мужичок начал дергаться, словно у него началась наркотическая ломка. Он стал искать на столе глазами.

— Злой дух просит крепкой воды!

— По-моему, он с Чукотки! Там тоже требуют крепкую воду! — язвительно заметил Копейкин. — Пора и честь знать! Гуд бай! Где там ваша ракета или что там у вас — помело?

— Злой дух требует крепкой воды! — повторил слезливо инопланетянин. — Иначе он меня не оставит в покое!

— Что ж ты, в таком случае, со злым духом летаешь? — спросил Матросов. — Пора одному рулить!

— Дайте ему водки, — пожалела инопланетянина сердобольная Лариса. — Не видите, ему плохо!

— Хорошая женская особь! — отозвался тот.

— А вдруг он еще что-нибудь выкинет? — спросил Оладьев. — Квартиру подожжет? Меня тогда соседи изведут!

Плутархов взял со стола бутылку, где еще было немало водки, протянул ее мужичку.

— Пей, посланец чужого мира! Пей!

И опять мужичок крутанул бутылку в воздухе, как булаву, и опрокинул содержимое в рот.

Больше никто из присутствующих не притронулся к рюмке. Все, особенно Оладьев, с напряжением смотрели на инопланетянина, ожидая, что последует на этот раз.

И надо сказать, залетный мужичок не обманул ожиданий гостей. Опять он крутанулся вокруг оси и вихрем пронесся по комнате, затем вылетел в прихожую. Там вышиб входную дверь, сорвав ее с петель. Дверь точно пушкой выбило наружу, и она, пролетев два-три метра, завалилась на соседей, стоявших на площадке у лифта с фонариками в руках и обсуждавших проблему отсутствия света. Мужичок этим не ограничился. Пролетел дальше и таким же образом вышиб дверь в квартире напротив, где жил суровый полковник милиции, стоявший на лестничной площадке среди прочих. Соседские мужики, ставшие свидетелями странного явления, в результате которого вышибло металлические двери в двух квартирах, сорвав их с петель, пережив потрясение, бросились в квартиру полковника МВД — спа-

сать его жену. В прихожей, за лежащей на полу дверью, мелькнула неясная тень, на пути которой возникла жена полковника, крупная дама в халате. Привлеченная грохотом, она вышла в коридор — с фонариком в одной руке и половником для супа в другой. Тень словно озадачили мощные габариты женской особи, и она сбавила ход. Этого было достаточно, чтобы несколько человек навалились на нее, посчитав ее виновницей драмы и намереваясь скрутить.

Что же тем временем происходило в квартире Оладьева, оставшейся без дверей? Гости дружно вывалились в прихожую и дальше на лестничную площадку посмотреть на разбой, учиненный инопланетянином.

— Ломай! Круши эту бессмысленную, бездарную жизнь, хуже не будет! — вскричал пьяный Патриархов, потрясая рукой, сжатой в кулак.

— Слабаки эти в космосе, — сокрушался Матросов, возвышаясь в прихожей как монумент над головами других. — Выпил-то всего чуть больше литра и уже дебош учинил!..

— Теперь ты видишь, видишь выбитую им дверь?! — возбужденно спрашивал Арон у Беллы.

Выбитые двери и в одной квартире, и в другой Белла, конечно, видела. И была потрясена: это какую ж силу надо иметь, чтобы выбить такие крепкие металлические двери? Видимо, без инопланетных усилий этого сделать бы не удалось. Так методом анализа Белла пришла к выводу, что не обязательно то, что недоступно твоему глазу, не существует в природе.

В квартире же полковника все кипело и крутилось, точно в адском котле. Группа из четырех человек с трудом пыталась удержать странное полуосязаемое суще-

ство. Клубок этот мотался по квартире, сокрушая все на своем пути. Когда же хозяйка квартиры, полковница, в ярости заехала сокрушителю двух дверей в лоб половником, при этом задев еще кого-то из своих, раздался оглушительный грохот, словно взорвалась канистра с бензином, и квартиру полковника, лестничную площадку и квартиру Оладьева окутал густой пахучий дым, помутивший сознание всех героев этой истории...

Некоторое время спустя мужчины из числа Оладьевских гостей, да и сам юбиляр, очнулись на платформе неизвестной им железнодорожной станции, где они сидели на скамейке. Было свежо, моросил мелкий дождь. Только что пронеслась электричка, показав свой хвост с красными огоньками, и стало тихо.

— Что за фигня? Где это мы? — спросил Копейкин, озадаченный открывшейся перед его взором картиной. И прочитал название станции по складам: — Быково... Так это ж Быково! Какого хрена мы здесь делаем?

— Хо, хо! — хохотнул Плутархов. — Так вам, черти, и надо!

— И все же, как мы здесь оказались? — спросил, поднимаясь со скамейки, Матросов. — Мы разве ехали в такси?

— Нет, в такси мы не ехали! Это определенно! — сказал Арон, бывший самым трезвым в компании. И огляделся по сторонам: — А где Белла? Где женщины? — нервно воскликнул он. И обратил лицо к Оладьеву: — Филипп, куда делась Белла?

— Понятия не имею! — отозвался тот с хмурым видом и поежился от холода. — Я сам ничего не понимаю.

— А кто устроил все это? — прозвучал вслед за этим бас Охлупина.

Оладьев кивнул на Копейкина:

— Это он принес в дом подозрительный коньяк!

— Но не я же его делал, я его только купил, — сказал обидчиво Копейкин. — Неблагодарные!

— Кстати, — сказал Матросов, — ни у кого нет с собой выпить? Башка трещит после всех этих фокусов! Нет? Жаль!.. Что касается женщин, никуда они не денутся! Найдутся! Пользуйтесь временной свободой, господа! Дышите воздухом! Хук!

— Матрос прав, — сказал Плутархов, — надо поискать, где выпить... Хук!

Но все продолжали стоять на платформе на одном месте, не осуществляя никаких действий по выходу из ситуации, в которой они оказались. Оставим же их в этом положении...

Женщины же, замужние и незамужние, кроме Беллы, когда пришли в себя, обнаружили, что стоят маленькой группой на Театральной площади возле памятника Марксу, словно туристы из провинции. С какой целью их сюда забросила судьба или нечто ей равноценное, осталось невыясненным.

— А где все остальные? Где наши мужчины? — спросила Зоя, существо с глазами полусонной рыбы, беспокоясь о судьбе своего Плутархова: как он? что с ним? и кто ее теперь отвезет на такси домой? И неприязненно взглянула на гранитную голову Маркса, словно это он был виноват в случившемся.

— Никуда они не денутся! — сказала Катя Матросова. И поехала от морозящего дождя. — Холодно нынче. Я что-то замерзла... Пошли, девки, в «Метрополь», кофейку выпьем!

И женщины цепочкой потянулись за ней к зданию отеля...

Белла же Фельдман пришла в себя в театральном зале. Она открыла глаза как будто после затяжного обморока и увидела перед собой полный партер зрителей, освещенную сцену, актеров на ней. Она не удивилась и приняла это как должное. Только пожалела, что нет рядом по непонятной причине мужа. Стала внимательно следить за происходящим на сцене. Не сразу она сообразила, что присутствует на финале спектакля по чеховской пьесе «Три сестры».

— О, как играет музыка! — говорила, сдерживая рыдания, исполнительница роли Маши. — Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

— Придет время, все узнают, зачем всё это, — положив ей голову на плечо, говорила актриса, игравшая роль Ирины, — для чего эти страдания, никаких не будет тайн... а пока надо жить...

Чувствительная Белла достала из сумочки носовой платок и вытерла увлажнившуюся щеку.

Жизнь городского стрелка

Семен Поскунин стал отстреливать голубей, используя для этой цели мелкокалиберное ружье. И делал это весьма ретиво. И не то чтобы в нем буйствовал дух охотника, заставляя браться за оружие, или он любил лакомиться голубиным мясом — нет. Просто годом ранее, когда он пришел в сквер на свидание с Джулией (да, да, не удивляйтесь, ее звали Джулией, ее родители были родом из Италии), какой-то легкомысленный голубь, пролетавший мимо по своим делам, опорожнился на голову Семена чем-то белым и пахучим, чем поставил его, Семена, в унижительное положение, а городскую популяцию голубей обрек на отстрел. Увидев Семена в таком виде, девушка Джулия долго хохотала, точно заведенная, а потом, отказавшись принять из его рук букет цветов, который он тщательно выбирал в цветочном магазине, убежала прочь, лишив Поскунина возможности породниться с итальянской семьей и завести парочку полуитальянских детишек. С того дня Семен возненавидел все голубиное сообщество, и при первой возможности вытаскивал из

шкафа свою «мелкашку» и палил из нее по голубям, ворковавшим под окнами или колготившимся в другой части двора у мусорных баков. Стрелок он был меткий и бил ненавистных ему птиц исправно, доставляя радость местным кошкам, любившим закусить голубятиной, а также воронам, резво выдиравшим кишки у мертвых птиц.

Утром того дня, о котором пойдет речь, Семен, позавтракав яичницей и выпив чашку кофе, благодушно выглянул в окно, радуясь хорошей погоде, и увидел внизу трех голубей, ворковавших на асфальте возле лужи. Причиной радостного возбуждения птиц явился прозрачный пакетик с остатками семечек, кем-то брошенный у воды.

«Ах вы, суки мои дорогие!» — с чувством умиления подумал Семен и устремился в коридор к шкафу, где лежало ружье.

Когда он вернулся к окну, то обнаружил, что голуби исчезли и труды его по извлечению оружия из шкафа оказались напрасными. Охота не состоялась. Он вернул ружье в шкаф. Но когда вновь выглянул в окно, то увидел трех голубей на прежнем месте. «Твари!» — выругался Семен. Но за ружьем повторно не полез. Время поджимало, необходимо было уходить по делам.

Семен вышел на улицу. Голуби, паскудники, всё еще ворковали возле лужи. Проходя мимо, он ударил ногой по луже, подняв фонтан брызг, и птицы разлетелись в разные стороны.

Семен третий год, снимая комнату, жил в Москве, куда приехал после окончания медицинского училища и службы в армии устраивать свою судьбу. По специальности он работать не стал — слишком мало плати-

ли, и пошел работать водителем маршрутного такси. Работал он через день, и это его устраивало.

После неудачи с Джулией, о которой он нет-нет да и вспоминал с грустью, Семен познакомился с Полиной, девушкой весьма приметной и своенравной. Каждый раз, идя на свидание с нею (чаще всего они встречались у входа в метро), Семен ощупывал голову чуть выше лба, проверяя, не нагадил ли туда по недомыслию очередной голубь. И когда убеждался, что волосы его чисты, удовлетворенно прибавлял шаг, двигаясь к месту встречи. Ощупывать голову перед встречей с Полиной превратилось у него в манию. И даже шагая с Полиной по бульвару в местах, где колготились представители голубиногo семейства, он нет-нет да и ощупывал голову — на всякий случай. Не хотелось ему повторения истории с итальянкой. И только под крышей летнего кафе или в ресторане, куда они заходили с Полиной перекусить, он чувствовал себя спокойно. Там уж никто не мог испражниться ему на голову. Полина несколько раз замечала, что Семен как-то нервно ощупывает голову, но относила это на счет его армейской травмы, о которой он однажды ей рассказал: во время службы его ударили черенком лопаты по голове, после чего он две недели провел в госпитале. Полина была девушкой неглупой (она училась в Педагогическом университете) и не задавала ненужных вопросов.

Полина, надо сказать, нравилась Семену. Но у нее был один существенный с его точки зрения недостаток: она так же, как и он, была приезжей и не имела в столичном городе своего жилья, что значительно усложнило бы жизнь, надумай они пожениться. Все ж остальное в девушке было Семену по душе, и он готов

был закрыть глаза на этот недостаток. Полину, также стремившуюся устроить свою судьбу в Москве, тоже, следует сказать, смущало то обстоятельство, что Семен не москвич. И она мучилась в сомнениях: надо ли ложиться с ним в постель, к чему он ее настоятельно склонял, или лучше этого не делать? Ей не хотелось до брака вступить с ним в сексуальные отношения. У нее уже был прежде неудачный опыт. Один прыткий малый, учившийся в том же вузе, что и Полина, пообещав жениться, добился от нее всего, чего хотел, а потом оставил ее, ссылаясь на своих родителей, якобы не желавших этого брака. Как бы там ни было, но девушке необходимо было что-то решать: либо она выходит замуж за Семена, либо ищет себе другую — более выгодную — партию. Полина мучилась в сомнениях, не зная, как ей поступить. Контуженный черенком лопаты, часто щупающий свою голову Семен был рядом, а вот привлекательного соискателя руки и сердца с московской пропиской как-то поблизости не наблюдалось. Подруга, с которой Полина поделилась своими сомнениями, посоветовала ей оставить малоперспективного Семена и заняться вплотную поисками того, кто составит ее московское счастье, имея необходимые жилищные метры, хороший заработок и устроенный быт. «Уверяю тебя, он появится, — говорила подруга. — Когда чего-то сильно хочешь, это непременно сбывается... Только не следует спешить в таком деле, это не скачки!» Масла в огонь добавили слова подруги о том, что Полина — девушка весьма привлекательная, с изюминкой, и ей нужна достойная пара. А Семен, ну что ж, Семен найдет себе девицу из тех что попроще, себе под стать, и будут они

жить в съемной комнате, с каким-нибудь алкашом за стенкой, и ездить на прогулки в его маршрутной таратайке! Доводы подруги были убедительны, и Полина решила дать Семену отставку. Идя на встречу с ним, она обдумывала, как бы это деликатнее сделать.

Они сели в открытом кафе. Семен выбрал место под тентом, вновь предварительно ощупав голову. Этот жест возбудил в Полине жалость, и она решила отложить серьезный разговор до другого раза. Казалось, что в следующий раз ей будет проще сообщить ему о разрыве. Семен заказал себе бокал пива, а Полине, по ее просьбе, безалкогольный коктейль. Пока они ожидали заказ, говорили о чем-то маловразумительном, и спроси четверть часа спустя, о чем они говорили, оба вряд ли вспомнили бы содержание этого разговора.

Выпив залпом половину бокала, Семен как-то повеселел, ну, по крайней мере, почувствовал себя увереннее. И хотел было рассказать Полине о том, как однажды неаккуратный голубь повлиял на его судьбу, поломав отношения с Джулией и заставив его взяться за оружие. Но в последний момент удержал себя от этого шага. А вдруг Полина обладает богатой фантазией и представит все случившееся — не дай бог! — в красках? Нет, время не пришло, решил Семен.

Когда пиво и коктейль были выпиты, Семен предложил Полине проведать его армейского товарища Николая, жившего на Малой Никитской, с которым он созванивался накануне. «Колька будет рад нас видеть, — сказал Семен. — Я ему рассказывал о тебе».

Полина поначалу отказалась, сославшись на то, что ей необходимо заехать по делам в университет. Но поразмыслив слегка и приняв во внимание, что армей-

ский друг Семена москвич и, следовательно, имеет свою жилплощадь, согласилась.

Дверь им открыл сам Николай, голый по пояс, среднего роста крепыш, с бритой наголо по-современному головой. Он был сильно пьян, нетверд в ногах. И не сразу узнал своего армейского кореша. Потом все же сообразил, кто перед ним, и с радостным гыканьем полез лобызать Семена, обжигая его лицо перегаром. Потом ему захотелось так же радостно облобызать Полину, но та болезненно уклонилась в сторону. Видя это, Семен решил, что будет лучше, если он уведет Полину, а обмен армейскими воспоминаниями оставит до другого раза, когда Николай войдет в трезвый ум.

Не без труда парочка освободилась от Николая и оказалась на улице. Семен извинился за пьяного приятеля и предложил пойти к нему. Полина, смущенная случившимся, не возражала — по крайней мере, сделала вид. Но сказала, что предварительно заедет в университет. Пообещав приехать (хотя в этом для нее уже не было смысла), Полина упорхнула.

Семен поспешил домой, гонимый мыслью, что оставил свою комнату неубранной. Необходимо было к приезду девушки навести там порядок.

Подходя к дому, он увидел своих вечных противников — голубей. Те колготились возле той же лужи, но теперь клевали не семечки, а кем-то щедро накрошенный хлеб. «Радуйтесь, засранцы, мне сейчас не до вас!» — бросил им Семен и скрылся в подъезде.

В комнате он прибрался быстро. Подмел пол, убрал с постели валявшуюся там одежду в шкаф. Поставил на стол бутылку из-под пива, куда воткнул ветку белой сирени, которую сорвал с куста по дороге домой.

Соседа его по съемной квартире, студента-биолога, которого он называл «ботаником», дома не было. Тот поехал погостить на пару дней к матери — в Сергиев-Посад, о чем написал Семену в записке. Это было удачное стечение обстоятельств: теперь вся квартира в его распоряжении, и Семен повеселел, рассчитывая сегодня же затащить Полину в постель.

Шло время, Полина не появлялась, и Семен заскучал. Томясь ожиданием, он выглянул в окно: не идет ли? Девушки нигде не было. Зато внизу, в стороне от входа в подъезд, ворковала, булькала, шумно вспархивала и опять садилась на асфальт целая стая сизарей. Вид голубей и недовольство из-за долгого отсутствия Полины возбудили в нем мысль взять из шкафа ружье и пострелять по наглым птицам. Чтоб знали свое место!

Первый выстрел был удачным, и второй тоже — стая вспорхнула в воздух и унеслась, а два голубя остались лежать неподвижно на асфальте на радость тут же появившейся кошке.

Улетевшая стая не вернулась. Посидев некоторое время у открытого настежь окна, облакачиваясь на подоконник, он вернулся в комнату. Ружье же оставил у окна, поставив его на попа и прислонив к ребру подоконника. Если Полина (он уже сомневался, что она придет) увидит у него ружье, это только прибавит ему очки. Мужик должен уметь обращаться с оружием.

Семен включил телевизор и, тупо уставившись на экран, стал смотреть какую-то передачу. Он даже не пытался вникнуть в ее содержание. Мысли его были устремлены к Полине. Почему она не приехала? Видимо, что-то изменилось в ее отношении к нему, а он

этого не заметил. Сказала б хотя бы, что он сделал не так. Ведь прежде все было хорошо. Эпизод с пьяным Николаем не мог повлиять на ее отношение к Семену. Ведь надрался до кончиков ушей Колька, а не он.

Семен взял мобильник и набрал номер телефона Полины. Телефон девушки был отключен. Семен вздохнул и, поднявшись со стула, улегся на кровать поверх покрывала, с неприязнью поглядывая на ненужную теперь ветку сирени на столе, торчавшую из бутылки.

Но пожалеть себя и посочувствовать себе за обман Полины он не успел. В открытое окно, шумно хлопая крыльями, влетела стая голубей, штук этак двадцать, и стала метаться по комнате, сокрушая все на своем пути. «Ах вы, суки!» — вскипел негодованием Семен и бросился к ружью. Но птицы, метавшиеся вокруг и норовившие клюнуть его либо в голову, либо в шею, либо в ухо, не дали ему этого сделать. Исчезнув на время после того, как он стрелял по ним, птицы будто договорились о мести и вернулись с желанием ее осуществить. По крайней мере, такая мысль мелькнула у Семена в голове. Голуби крепко клевали его и слева и справа. При этом, хаотически летая в ограниченном пространстве, сметали на пол все, что можно было скинуть и разбить. Он схватил подушку и прикрыл ею голову. Но птичьи клювы наносили ему удары по рукам, в шею, рвали рубашку на спине. Дергаясь, словно марионетка в руках неумелого кукольника, он все же добрался до окна, где находилось ружье, и, используя его как дубинку, стал отбиваться от птиц прикладом. Трех голубей ему удалось сразить. Они бездыханные рухнули на пол. Это возымело действие. Голуби неужи-

данно прекратили атаку и вылетели в окно. И унеслись в неизвестном направлении.

Семен выглянул наружу. Не обнаружив там своих обидчиков, он с чувством удовлетворения отметил, что сумел справиться со столь неожиданным нападением. Ему припомнился старый американский фильм «Птицы», который он смотрел когда-то. Там птицы вели себя агрессивно и бесстрашно. Тогда он подумал, что все это выдумки авторов! Но сейчас приходилось признать, что он столкнулся с чем-то подобным. И победил! Семен отвернулся от окна и, оглядев комнату, пришел в ужас. Постель, стол, стулья, платяной шкаф, пол — все было в голубином помете, словно комната в течение долгого времени являлась отхожим местом для птиц. Мало того, мелкие предметы: книги, чашка с блюдцем, мобильник, настенные фотографии, где была представлена семейная жизнь хозяйки квартиры, и прочие мелочи — все это валялось на полу. И венчали весь этот ужас разбитая бутылка из-под пива и обгаженная ветка сирени. Семен задохнулся от гнева. Потом впал в отчаяние. Чтобы отмыть комнату после налета голубей потребуется немало времени и сил. В эту минуту он был рад, что Полина так и не пришла.

Семен поднял мертвых птиц с пола и не глядя, куда бросает, вышвырнул их в окно. Сел на стул, отерев его предварительно от помета страницей, выдранный из журнала. И стал думать, кого же пригласить, чтобы отмыть комнату. Знакомых женщин, к которым он мог бы обратиться с подобной просьбой, у него не было. Была тетя Дуся, пожилая местная пенсионерка, убиравшая в подъезде, но он не знал, как с ней связаться.

Раздался звонок в дверь. Семен застонал от отчаяния, предполагая, что это явилась припозднившаяся Полина. Он мучительно соображал, что сказать ей, но твердо решил не пускать девушку в квартиру, еще не зная, какой изберет для этой цели предлог.

Семен открыл дверь. На его удивление, перед ним стояла хозяйка квартиры Светлана Эдуардовна, пышная молодящаяся дамочка за пятьдесят, с холеными руками и ярко-красным маникюром на пальцах, проживавшая в другом месте. Она могла бы воспользоваться своим ключом и открыть дверь, но, будучи женщиной деликатной, никогда не делала этого, дабы не застать жильцов в неподходящем виде. Уж ее-то Семен никак не ожидал сегодня увидеть. Обычно хозяйка предупреждала телефонным звонком о своем приходе.

Внешний вид Семена привел Светлану Эдуардовну в замешательство. Глаза ее в ужасе округлились, словно неожиданно навстречу ей выскочила электричка. Голова жильца, плечи, рубашка, джинсы — все это было в каких-то грязно-белых пятнах. Она не сразу сообразила, что это птичий помет, но когда пригляделась и уловила ощутимый неприятный запах, то отшатнулась. «Это где же надо было стоять — под каким деревом? — чтобы собрать на себе столько дерьма?» — брезгливо подумала Светлана Эдуардовна и, стараясь держаться на расстоянии от жильца, вошла в прихожую.

— Где это вас угораздило? — спросила она.

— Пострадал от голубей... — признался Семен, готовый провалиться сквозь землю.

— Вы что, орнитолог? — неприязненно поинтересовалась женщина. — Снимите с себя эту грязь и умой-

тес в ванной. От вас воняет! Вы же молодой человек, девушками наверняка увлекаетесь...

— Да-да, сейчас...

Светлана Эдуардовна прошла в коридор, направляясь по своим делам в сторону кухни, и в открытую дверь увидела разор в комнате Семена. Медленным шагом она вошла внутрь. И оцепенела от представшей ее взору картины. Мебель, постель, пол — все было покрыто голубиным пометом. А ее фотографии, висевшие прежде в рамочках под стеклом, где нашли отражение сцены ее счастливой жизни до смерти мужа, валялись на полу. От потрясения Светлана Эдуардовна вжалась в стену. Если бы люди могли передвигаться вверх и вниз по стенам, опираясь на спину, Светлана Эдуардовна оказалась бы в эту минуту под потолком.

— Боже! — прошептала она. — Во что вы превратили мой дом? Я держала вас за приличного человека, а вы!..

Семен, с виноватым видом стоявший рядом, только развел руками.

— Это не я... — попытался оправдаться он. — Это голуби. Понимаете, ворвались в окно, и вот... Можно сказать, стихийное бедствие!

— Что вы сочиняете! Голуби не нападают на людей! Это не вороны! Вы что, устроили здесь голубятню? Разводите птиц?

— Клянусь, нет!

— Как можно было все так загадить?! Даже постель...

Светлана Эдуардовна прошла по комнате, стараясь не наступать на лепешки помета. Подняла с пола любимую фотографию, где она была снята вместе с мужем через неделю после свадьбы, — два молодых счастли-

вых лица оказались под нашлепкой помета, как и все прочее на полу. Не соображая, что она делает, женщина краем покрывала, лежащего на кровати, отерла не разбившееся стекло. И когда на нее глянуло дорогое мужнее лицо тридцатилетней давности, прижала снимок к груди. И вдруг заорала:

— Вон! Немедленно вон!

— Нет, я так не могу! Мне надо вещи собрать, помыться... вы сами говорили... — растерялся Семен.

— Прочь с глаз моих! Урод! Еще и в ванной разводить говно не позволю! — перешла на несвойственную ей лексику Светлана Эдуардовна.

И тут Семен осерчал. И высказал в ответ все, что думал. Он хоть и провинциал, и не имеет в Москве прописки, и вырос вдаль от кремлевских звезд, на которые всякие местные счастливицы могут любоваться хоть каждый день, но тоже человек! И грязным по улице не пойдет. Вот отмоеся, тогда и поговорим. Кроме того, за комнату уплачено до конца месяца, так что он имеет полное право жить еще две недели.

— Какое — уплачено! — взрыгнула с отчаянием Светлана Эдуардовна. — Чтобы эту грязь выскоблить, придется немалые деньги потратить! К тому же надо найти желающих в дерьме этом копать! Здесь ассенизатор нужен с машиной! И бригада гастарбайтеров! Так что молчи про свои деньги!

— Грязным не уйду, хоть убейте! Вот и вечер уже, а это не самое лучшее время, чтобы искать новое жилье... На вокзале я ночевать не стану!

Светлана Эдуардовна вскинула вверх руки со сжатыми кулаками и пошла на Семена, готовая вцепиться ему в волосы.

— Но, но!.. — Семен подхватил ружье, стоявшее особняком у стены. И встал с ним наперевес, желая остудить ярость хозяйки квартиры.

Решительный вид жильца, ружье в его руках возымели действие.

Светлана Эдуардовна метнулась к двери. И с криком «Спасите! Убивают!» бросилась опрометью из квартиры.

Семен закрыл за хозяйкой входную дверь и отправился в ванную, взяв предварительно с собой чистую одежду. Как бы ни развивались события дальше, он решил встретить будущие неприятности в чистом виде.

Полчаса спустя Семен уже был чист и немного прибрался в комнате. Оттер мокрой тряпкой поверхности стола и шкафа, снял покрывало с постели и отнес его в ванную. Собрал с пола осколки от пивной бутылки и выбросил их вместе с погубленной веткой сирени в мусорное ведро. Поднял фотографии в рамочках, вынес их в прихожую, сложил аккуратно на табурете. Затем сел и стал ждать прихода полицейских, которых, несомненно, вызвала хозяйка. Время шло, полицейские не появлялись.

Семен побрызгал воздух одеколоном, чтоб устранить неприятный запах. Затем решил на всякий случай собрать свои вещи. Убрал ружье в чехол. Вынул из шкафа большую сумку и стал складывать туда одежду.

За этим занятием его застали вернувшаяся Светлана Эдуардовна и шагающий впереди нее крупный мужик в штатском.

— Вот, смотри, Петя, — сказала хозяйка квартиры, — во что он превратил комнату... — Светлана Эду-

ардовна выглядела относительно спокойной, видимо свыклась с мыслью, что придется делать ремонт.

Тут, оглядевшись по сторонам, она увидела, что комната выглядит несколько иначе, чем до ее бегства из квартиры. Намного чище, чем прежде. Даже при наличии грязных пятен на обоях и плохо вычищенного пола. Но это не изменило ее настроения.

Мужик, которого привела хозяйка, широченный, как поставленный на попа грузовой контейнер, коротко стриженный, с крепкой красной шеей, с незажженной сигаретой в зубах, хмуро оглядел комнату. И не обнаружив вокруг себя чего-либо особенно страшного (ну, загадил жилец некоторым образом комнату, плохо! но не смертельно!), сказал, обращаясь к Семену:

— Ну, рассказывай, бабуин!..

— Чего рассказывать?

— Как ты дошел до жизни такой. Мало того, что комнату в неопрятности содержишь, ты еще на добрейшую женщину, пустившую тебя из жалости, ружье поднял...

— Ружье здесь ни при чем, — стал оправдываться Семен. — Она, то есть хозяйка, выгонять меня стала... А куда я пойду на ночь глядя? — И вдруг дернулся петушком: — А кто, собственно, вы такой, чтобы я перед вами отчитывался?

Мужик хмуро взглянул на Семена, повернувшись к нему всем телом. Под открывшейся на мгновение полкой пиджака Семен увидел кобуру на ремне через плечо, из которой торчала рукоять пистолета.

— Кто я? Представитель санэпидстанции! Слышал о таких? Хожу, проверяю, кто из приезжих съёмное

жилые засерает! Обижает вдов! — Он кивнул на Светлану Эдуардовну. Пальцы его сжались в большой кулак, которым, по мнению Семена, можно было пробить насквозь деревянную дверь.

Семен бросил короткий взгляд в сторону ружья, лежащего на постели, сокрушаясь, что рано убрал его в чехол.

— А вторая моя профессия, — продолжал мужик невозмутимо, — костолом-любитель! Я бабуинам, вроде тебя, кости ломаю! Иногда тыквы отворачиваю!

— Ну... — сник Семен, мучительно думая, чем отбиваться, если знакомый хозяйки квартиры надумает наброситься на него: до ружья не добраться, разве что стулом воспользоваться? — Это была случайность, — принялся объяснять он мужику, что послужило причиной загрязнения комнаты, — стихийное бедствие! Голуби влетели в окно, набросились на меня, как я не знаю кто!

Мужик некоторое время с подозрением смотрел на Семена, молчал. Светлана Эдуардовна тоже молчала, предоставив своему знакомому довести дело до конца.

— Голуби?.. Ты что, им насолил? — спросил мужик. — Или ты мне анекдот рассказываешь? Прямо триллер сочинил.

Семен в ответ протяжно вздохнул.

— В общем, так, — подвел черту под объяснением Семена знакомый хозяйки, — вычистишь комнату, проведешь ремонт, поклеишь новые обои, ну и все остальное, как положено... Даю тебе на это неделю. За это время и новое жилье подыщешь. Если Светлана Эдуардовна откажет тебе в комнате. А сбежишь, найду! Хоть в Гвинее, хоть в Бисау...

— Как же так! — заволновалась хозяйка. — Он же меня... он же мне...

— Успокойся, Света, пусть наводит порядок! — сдержал ее порыв гость. — В историю про голубей я не верю... — принялся рассуждать он. — Это похоже на месть. Думаю, какая-нибудь брошенная им телка решила отомстить. Только он скрывает. Не меньше как ведро помета вложила в это дело! А помет в зоопарке прикупила... Там этого добра — горы! — Он вновь оглядел комнату, испачканные стены. — Основательная работа! — И с ухмылкой добавил, давая оценку увиденному: — Пикассо!

— Какой, к черту, Пика́ссо! — возбудилась Светлана Эдуардовна. — Это хулиганство!

Мужик втянул ноздрями воздух — раз, другой.

— Побрызгай одеколоном, — посоветовал он Семени, — а то воняет.

— Да я вроде брызгал...

— Надо еще... И оставь на ночь окно открытым.

И мужик с хозяйкой ушли на кухню, желая между собой о чем-то поговорить.

Семен сел на кровать и задумался о своей жизни. Почему у других все складно получается, а у него — вкривь и вкось? И это не так, и то не так. И родился он не в столичном городе, и голубь его в глазах Джулии унизил, и вот Полина ушла... А что она ушла — Семен в этом уже почти не сомневался. А до нее была Нина — кассирша из супермаркета. Та тоже обошлась с ним не лучшим образом: сбежала к владельцу трех торговых палаток Рубену — с ним ей, казалось, будет надежнее... Теперь вот комнату из-за этих сволочных голубей придется ремонтировать!

— Эй, парень! — позвал его с кухни знакомый Светлана Эдуардовны. — Иди сюда!

«Ну что там еще?» — безраздостоно подумал Семен и поднялся с кровати.

Когда он появился в дверях кухни, то увидел следующую картину: Светлана Эдуардовна и ее знакомый сидели за столом. Перед хозяйкой стояла чашка с чаем, перед мужиком — початая бутылка водки, два стакана и горсть шоколадных конфет. Гость налил полстакана водки, протянул его Семену:

— Пей! Только закуска у нас не самая подходящая... — Он кивком головы указал на конфеты.

Семен взял стакан, посмотрел на хозяйку. Та сидела потупившись и ничего не сказала — видимо, приглашение Семена на кухню было согласовано с ней.

— У меня тут колбаса в холодильнике есть... — предложил он.

— Ешь сам, — отказался мужик, весьма подобревший после водки. И провозгласил: — За ремонт!

Семен выпил, закусил конфетой. И, поблагодарив, отправился обратно к себе в комнату.

— Слышь, парень, ты это... Свету не обижай, — бросил ему в спину приятель хозяйки.

Ночь выдалась темная. Обычно над соседними крышами стояла луна, и если Семен забывал зашторить окно, она мешала спать. Этой ночью небо закрыли плотные тучи, и даже если бы луна вознамерилась помешать сну Семена, ей не удалось бы прорваться сквозь них.

Семен спал плохо. Часто просыпался, ворочался с боку на бок, словно хотел избавиться от мыслей, тревоживших его, затем проваливался в глубокий сон, чтобы вскоре опять проснуться. Под утро кто-то пьяно

кричал во дворе, проклиная какую-то Таньку, и Семену, проснувшись в эту минуту, почему-то стало жалко себя. Чувство это было таким пронзительным, что у него на глаза навернулись слезы. Ему было ясно: здесь — в этом городе — он никому не нужен.

Утром, заняв свое место в микроавтобусе, спугнув намеренно движением колес стайку местных голубей, клевавших что-то непонятное на дороге, Семен выехал из автопарка и отправился по своему маршруту. Смена предстояла долгой.

Некоторое время он ездил туда и обратно, развозя пассажиров, механически собирая оплату за проезд. В пути он внимательно следил за дорогой, и это отвлекало его от невеселых мыслей. Но в паузах на конечных точках маршрута, где водителю положен кратковременный отдых, он опять думал о своей жизни, о Полине. Она не позвонила, не объяснила, по какой причине не смогла прийти. Значит, не захотела провести с ним вчерашний вечер.

Небо было серым. Накрапывал мелкий дождь. Прохожие открывали зонты, стараясь уберечься от дождевых капель. На тротуаре возле проезжей части мокла бездомная собака, оглядывая пространство впереди себя и прикидывая, как бы ловчее перебежать дорогу между машин. Для этого нужна была пауза в потоке, а машины все шли и шли, и собака, видимо, имеющая горький опыт, не стала искушать судьбу: развернулась, пошла в обратную сторону и скрылась за одной из многочисленных торговых палаток.

От дум Семена отвлек решительный стук в стекло. Это стучала немолодая толстая баба, выглядывавшая из-под серого в мелкий цветочек зонта.

— Когда поедет, водитель?

— Сейчас, сейчас... — отозвался Семен.

И еще несколько мгновений сидел неподвижно, словно хотел додумать то, что не додумал. Затем взялся за руль, включил скорость и проехал вперед к самой остановке, где уже стояло несколько человек. «Домой надо ехать... — пронеслось в голове Семена. — Домой!»

Пассажиры, складывая зонты, полезли друг за другом внутрь. Их было семь человек — в основном это были немолодые женщины, среди которых оказался один старик лет семидесяти пяти, еще бодрый, загорелый, с белыми волосами.

В случае малого количества пассажиров водителю полагалось дожидаться полной загрузки микроавтобуса, а уж потом отправляться в путь, что Семен обычно и делал. Но сейчас, лишь только пассажиры погрузились внутрь и закрыли дверь, он, к их радости, тут же тронулся с места и устремился в потоке машин вперед.

Но радость пассажиров вскоре сменилась нервозностью. Миновали одну остановку, вторую, третью, а водитель маршрутки и не думал останавливаться — все гнал и гнал вперед. Оторопь пассажиров сменилась негодованием. «Стой! Ты куда? Одурел, что ли?! Остановись!» — кричали возбужденные женщины, с безумными глазами провожая знакомые места за окном, от которых их увозили все дальше и дальше. «Счас я ему по башке дам, гаду!» — вскричала толстая баба, стучавшая в стекло на остановке, поднимая вверх свою тяжелую сумку. «Не вздумай! — вцепились в нее другие женщины. — Иначе он нас всех погубит! Вы же видите, он невменяемый!» Все замерли, надеясь, что водитель наконец одумается и остановит маршрутку. Но тот все

летел вперед, нередко пролетая на красный свет, и наконец выехал на загородное шоссе.

Женщины, сбившись в кучу, обреченно молчали, думая об оставленных делах, о своих близких, с которыми им, возможно, не суждено будет свидеться, если сбрендивший водитель еще что-нибудь учудит: например, направит маршрутку на скорости под откос. Вот ведь, берут всяких неполноценных и сажают за руль!

Старик с белой головой, поначалу плохо понимавший, что происходит, теперь решил вмешаться. Дернул головой, словно кочет, призванный охранять своих несушек.

— Эй, парень! Ты чего? Тормози! Тут люди, женщины! А-то ведь я могу... — Он не договорил, чего он «может».

— Не лезь, дед! Отдыхай! А то сверну в овраг, и ты коньки отбросишь! — сказал ему беззлобно Семен, коротко посмотрев в его сторону. Потом вздохнул, радуясь обретенной свободе, и прибавил газу. — В гробу я видел вашу столицу!..

«Мадамы!»

В город N-ск приехал на гастроли столичный театр. В день приезда, устроившись в местной гостинице в одном из номеров после вечерней прогулки, собрались попить вина и потрепаться четыре актрисы. Обсуждали жену главного режиссера, ведущую актрису театра Нинель Фазанову. Нелюбовь к Фазановой, которой благодаря мужу доставались «самые жирные куски» в репертуаре, объединяла участниц застолья, женщин разного дарования и разных устремлений. Вспоминали поступки, которые совершала Фазанова, ее промахи на сцене, говорили о ее высокомерии. Одним словом, зубоскалили на полную катушку, отказывая ведущей актрисе во многом, и даже в наличие у нее таланта, который у Фазановой несомненно был — это подтверждали зрители, охотно ходившие на спектакли с ее участием, а зрителей по принуждению бездарность любить не заставишь.

Собравшиеся за столом женщины дали волю своим чувствам и, вдохновленные общей темой, всё никак не могли наговориться.

В дверь номера постучали. Хозяйка номера Антонина Мелешко, сорокалетняя дама с простецким лицом, сидевшая из-за недостатка стульев на кровати, громким голосом предложила стучавшему войти.

Это оказался Федор Протасьев, исполнитель ролей злодеев и прочего примыкающего к ним люда, человек в жизни прямо противоположный изображаемым им персонажам, гуляка и балагур.

— Мамамы! — воскликнул он, стараясь быть галантным и прикладывая руку к груди. Все поняли, что он уже успел хлебнуть горячительного напитка. — Не хотите ли присоединиться к веселой мужской компании? У нас копченая рыба и свежая водка имеется!

— Нет, нет! — дружно отказались женщины. — У нас сегодня девичник! Мы давно не общались на досуге.

И когда обескураженный Протасьев скрылся за дверью, вновь занялись обсуждением Фазанихи, готовые, словно голодные собаки, обглодать последние мясные остатки с костей.

Договорились до того, что прима даже ест как-то по-дурацки: мясо в тарелке предпочитает резать на десятки мелких кусочков и долго жует, словно лишена зубов. Это присутствующие неоднократно наблюдали, когда оказывались с Фазанихой во время поездок в одних и тех же ресторанах. Последняя деталь привела всех в веселое настроение, и повеселевшие женщины поменяли тему разговора. Отцепились от Фазановой, как от сломанной машины, которую долго везли на буксире.

Теперь стали обсуждать заместителя директора театра Либермана, лысого сорокалетнего человека, проявлявшего повышенный интерес к молодым акт-

рисам. Всех удивляло, что Либерман не скажи какой красавец, а девки на него так и прыгают.

— Может, у него есть какой-то свой особый секрет? — спросила Елена Савельева, желчная тридцатипятилетняя особа, исполнительница характерных ролей.

И три участницы разговора взглянули на четвертую, которая, как им было известно, имела короткую связь с Либерманом.

— Шо вы на меня смотрите? — подражая одесситкам, сказала та, волоокая, румяная, крупная женщина с большой грудью и странной фамилией Лишайтис. — Ну было, было!.. И скажу так: ничего особенного — птенчик среднего размера... Но щедр, щедр! А это в мужиках подкупает — по крайней мере, меня.

— Щедрость — не повод ложиться в постель! — заявила хозяйка номера, Антонина Лемешко.

— Я его просто пожалела, — призналась Лишайтис. — К тому же я тогда только что развелась с Рыбаковым и нуждалась в утешении...

— Мне он неприятен, — сказала желчная Савельева. — У него рожа черепахи! Я б с таким не смогла...

— Ну и напрасно, — отозвалась обиженно Лишайтис. — К тому же он в постели весьма хорош, несмотря на скромные размеры... В конце концов не в этом счастье!

— А в чем же? — хмыкнула Савельева.

— В доброте...

— Ну, положим, от доброты удовольствие в постели не получишь!..

И все, кроме Лишайтис, дружно засмеялись.

— Пóшло, дэвушки, пóшло! — заявила Лишайтис.

Участницы разговора со звоном сдвинули стаканы с вином, выпили. В номере было душновато, потеющих женщин не спасало открытое настежь окно.

Поговорив еще немного о Либермане, женщины принялись обсуждать других мужчин, служивших в театре, и в первую очередь артистов.

Заговорили о Протасьеве, четвертью часа ранее заглянувшем в номер с приглашением посидеть в мужской компании.

— Неплохой мужик, но пьяница! — констатировала четвертая участница разговора Мая Крылова, остроногая брюнетка с завитыми в кольца волосами.

— От такой жены, как у Мишки, любой попить станет!.. — сказала Савельева. — Вы ее видели, подруги?

— Видели, — сказала Мелешко. — Она часто после спектакля караулит Мишку в гримерке — чтоб не выпил... Мне его жаль! Мужик видный, всё при нем... У нее же — ни кожи, ни рожи!

— Это страсть! — заявила волоокая Лишайтис. — Я помню, как он за ней ухаживал...

— Это не страсть, это глупость! — воскликнула Савельева. — Он и подурнел после того как на этой дрянной женился, и играть стал хуже...

— Да он и раньше не всегда хорошо играл... — заявила Крылова.

И еще долго сидели женщины вокруг стола, потягивая вино из стаканов и с чувством необъяснимого вдохновения перебивая кости коллегам и сотрудницам театра. И тот плох, и этот. У той — муж «идиот», у этого — жена «с тараканами». Тот — предал свою мать, сдав ее в дом престарелых (что было неправдой,

мать сама захотела уйти туда, где была подходящая ей компания), а эта — бросила на попечение сестры своего малолетнего ребенка (что тоже не соответствовало истине). Одним словом, мир плох, и люди, его населяющие, ужасны!

На постели, где сидела хозяйка номера, за ее спиной стоял чемодан, прикрытый крышкой, но не застегнутый на молнию. Мелешко намеренно не убрала его в шкаф, собираясь перед сном разложить по полкам кое-какие вещи. Это был обычный чемодан из искусственной кожи темно-вишневого цвета. Из-под крышки торчал конец широкого пояса от нового зеленого платья, напоминавший длинный язык экзотического животного.

Послышалось недовольное кряхтение. Не сразу сидевшие за столом женщины сообразили, что кряхтение доносится со стороны чемодана. Будто кто-то недовольный кряхтел внутри. Затем произошло нечто уж совсем из ряда вон выходящее. Неожиданно чемодан сам по себе, без чьей-либо помощи, поднялся в воздух, проплыл к окну и улетел в темное вечернее пространство за окном. Словно умучившись от мало-приятных бабьих пересудов.

Женщины, онемев от удивления, проводили глазами чемодан, в нарушение всех земных законов улетевший в неизвестном направлении.

— Послушайте, как же так! — вскочила на ноги Мелешко. — Куда он? — спросила она. Будто чемодан являлся живым существом и мог вразумительно ответить на этот вопрос.

— Ничего себе! — воскликнула язвительная Савельева. И спросила у хозяйки номера: — Ты что, завела себе фокусника?

— Не смешно! — обиделась та. — Черт возьми, там же моя одежда! Что я завтра надену?

— Но так не бывает, чтобы чемодан летал сам по себе... — развела руками Лишайтис.

— Значит, бывает! — констатировала Крылова.

Вслед за этим все четверо подбежали к окну и выглянули наружу. Посмотрели сначала вниз: не упал ли чемодан на землю перед входом в гостиницу? — потом стали вглядываться в темное с россыпью звезд небо. Чемодан исчез.

— Выходит, меня обокрали? — спросила чуть не плача Мелешко. — Вот так запросто?..

— Блин! Вызываем полицию! — воскликнула Савельева.

И решительно взялась за трубку находившегося в номере телефонного аппарата. Тут же связалась с дежурной и потребовала вызвать полицию, заявив, что в двадцатом номере совершена кража.

— Эти бездельники ничего не могут, — сказала о полицейских Лишайтис. — А вы хотите, чтоб они нашли улетевший в окно чемодан! И потом, кто нам поверит? Подумают, бабы наакались вина, — она кивнула на пустые бутылки, в беспорядке стоявшие на столе, — и слагают байки! Я бы тоже так подумала, если бы не была свидетелем этой картины.

После слов Лишайтис женщины задумались. Действительно, как убедить стражей порядка, что чемодан по своей воле поднялся в воздух и умчался с вещами Тони Мелешко в окно, словно летательный аппарат? Не иначе как столичные артистки повредились умом! — решат те.

А чемодан тем временем, набрав подходящую высоту, пролетел над городскими огнями, над местной ТЭЦ и устремился за черту города — к дачным местам.

Уже подлетая к поселкам, где обитали дачники, он сбросил скорость, снизил высоту и неспешно полетел над домиками, словно приглядываясь к постройкам и к тем, кто жил в них и сидел сейчас кто в саду, кто на веранде, кто внутри жилища — у телевизора. И будто щедрый гуляка, меняя положение и кренясь набок, чемодан стал освобождаться от своего содержимого, словно оно мешало его полету. Вниз полетели платье, кофточки, джинсы, нижнее белье, обувь.

На девушку, сидевшую со скучающим взором в легком кресле у куста цветущего жасмина с радиоприемником в руке, свалилось то самое зеленое платье, пояс от которого торчал из чемодана наружу. Девушка подняла платье, упавшее к ней на колени, посмотрела вверх, желая понять, чьи это шутки? И ничего, кроме звездного неба, не увидела над собой. Только звезды и темная бездна. Удивившись, девушка поднялась с кресла, приложила платье к себе — проверяя, будет ли оно ей в пору и подходит ли длина — и побежала в дом сообщить своим близким о столь неожиданном подарке, явившемся с неба.

На той же улице, на участке, где за высоким забором высился добротный кирпичный особняк, горел костер, возле которого сутились двое мужчин, занятых приготовлением шашлыка. Веселая компания, состоявшая из подвыпивших женщин и мужчин, ожидала их на веранде, вождельно вдыхая аромат жареного на углях мяса и громко комментируя происходящее.

Прямо на голову одному из двоих, что занимались приготовлением шашлыка, широколицему, с большим выпирающим животом мужчине, свалилась какая-то тряпичная вещь. Тот решил, что это кто-то из женщин бросил ему полотенце, чтобы он утер раскрасневшееся потное лицо. Когда же он разглядел, что упало ему на голову, то был несказанно удивлен. В руках у него оказались шелковые женские трусики весьма привлекательного вида. «Откуда это у тебя?» — засмеялся его напарник. «А я почему знаю? Упало сверху...» — ответил мужчина с большим животом. «Про чепчики, которые в воздух бросали, слышал, а вот про трусы — нет... Помоему наши бабы совсем раздухарились!» — сказал напарник, решив, что это проказы пьяных женщин, и посмотрел в сторону веранды, откуда в эту минуту донесся громкий смех.

Мужик с большим животом подошел к веранде, подняв вверх руку, показал трусы сидящей на веранде компании. «Это чье?» — безрадостно спросил он. «Это не наше! — дружно отозвались женщины. — Наше всё при нас!» — «Я всегда знал, что Васька — фетишист!» — перекрыл женский смех сочный мужской бас, отчего все развеселились еще больше.

Дальше по улице, за дощатым забором, возле одноэтажного деревянного домика постройки семидесятых с мансардой наверху, в неярком свете фонаря простоволосая женщина средних лет в ситцевом халате мыла ноги у крана с водой, обустроенного во дворе. Муж ее, сухопарый, сутулый, стоял у крыльца и курил, глядя в темноту на яблоневый сад, откуда доносился истеричный визг чего-то не поделивших между собой местных кошек. «Я вас завтра всех разгоню, твари!» —

проговорил устало мужик, проработавший полдня в саду, и было ясно, что никого он завтра разгонять не будет, а сказано это было так — для собственного успокоения.

Мужик бросил окурок на землю, придавил его ногой. Вдохнул полной грудью посвежевший вечерний воздух и хотел было идти спать, но в это время из пролетавшего над крышей дома чемодана вывалилась последняя вещь (все прочее уже разлетелось по поселку, возбуждая и озадачивая его жителей) и спланировала мужику на голову. Мужик с некоторым раздражением сорвал с головы непонятную тряпку, и когда взглянул на нее, понял, что в руках у него ни много ни мало пара женских колготок телесного света. Что за хрень! — озадачился он, и некоторое время пялился на крышу собственного дома, а затем на небо, пытаясь понять, откуда появился сей атрибут женской одежды. Наверное, ветер принес с соседней дачи, решил он, где эта штука, видимо, сохла после стирки на веревке. Мужик повертел колготки в руках, не зная, куда их пристроить. Зачем-то понюхал их, но те, будучи вещью новой, ничем не пахли. За этим занятием его застала жена, завершившая мытье ног.

— Что это у тебя? — спросила она, подслеповато щурясь. И выхватила колготки из рук мужа. — Откуда это?

— А я знаю? — пожал плечами мужик. — Я стоял, курил... Чувствую, на голову что-то упало. Смотрю — эти колготы. Может, ветер принес их с дачи Федотовых?..

— Не держи меня за дуру! — возмутилась женщина. И ее серое, не по возрасту морщинистое лицо пош-

ло красными пятнами. — Блядун несчастный! Тебе уже за пятьдесят, а ты за старое!..

И она потрясла колготками перед его носом, довольная тем, что поймала мужа с поличным.

— Кто она?

— Вот те крест, я не знаю, откуда они появились! — стал оправдываться мужик. — Может, это Танькины? Сдуло ветром с ее подоконника? — И он бросил взгляд вверх на горевшее ярким светом окно мансарды.

— Каким ветром? Ты еще про бурю расскажи! В поселке третий день безветренная погода!.. — заявила нервно женщина, не веря ни единому слову мужа. Но порядка ради посмотрела на окно мансарды и позвала находившуюся там дочь. — Тань! Ты где? Покажись!

Прошло с полминуты, прежде чем в окно выглянула зевающая девица лет девятнадцати, с непричесанной головой и недовольной физиономией.

— Ну что там у вас? — сказала она морщась. — Опять шкурите друг друга?..

— Ты ничего не теряла? — спросила ее мать и, вытянув вверх руку, показала ей колготки. — Посмотри!.. Твой отец утверждает, что это твое. Говорит, ветром принесло из твоего окна...

— Вы чё? Совсем уже?! Делать вам нечего?! — возмутилась Танька, глядясь в колготки. — Я такую жуть не ношу! Это старухи пусть развлекаются! — И, качнув раздраженно головой, исчезла за занавеской.

— Суду все ясно! — воскликнула женщина победно. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. — Кобель паршивый! Чтоб у тебя все отсохло!

Она сорвала с плеча влажное полотенце для ног и раз-другой что было силы хлестанула им мужа по лицу.

— Перестань! — уклонился тот. — А то я за себя не ручаюсь... — И, сжав пальцы правой руки, показал костлявый крепкий кулак.

— Во, во! Еще убей меня! — выкрикнула та. — А потом иди, развлекайся!

Но еще раз ударить мужа не посмела.

Вместо этого устремилась к мусорной яме, где догорали остатки собранного днем в саду мусора, и швырнула на угли ненавистные колготки. Некоторое время от колготок тянулась ленивая струя светлого дыма, отчетливо видимая во тьме, потом их охватило натужное медлительное пламя, отблеск которого отразился на строгом лице ожидавшей их окончательной смерти женщины.

Творец

Он лежит на земле. К нему наклоняются прохожие, желая узнать, что с ним: пьян? или ему плохо? Ни то, ни другое. Просто он свалился, как заезженная лошадь. И теперь лежит, ожидая, когда силы возродятся. Кто-то из прохожих берет его руку, щупает пульс. «Пульс слегка учащен, а так — будто все нормально...» Затем обладатель медицинских познаний заглядывает лежащему в глаза. Они открыты и лишены всякого выражения.

Зато глаза тех, кто прервал свой уличный бег и наклонился к нему, светятся живым огнем и полны самых разных чувств. От сочувствия — до брезгливости. «Вероятно, одурел от того, что происходит вокруг!..» Или: «Чего выламывается? Ясно же — не помер! А если не помер и не пьян, зачем валяться на земле?..»

А тот, что лежит, устремил глаза в осеннее небо, и странные мысли (непонятные непосвященным) летят в его голове, с которой при падении свалилась поношенная, когда-то пижонская кепка. «Ах, Канны! Круазетт! Фестивальное месиво! Фарш, из которого ле-

пятся невероятные вещи... Слава, подобная сейсмическому толчку, сотрясающая города и веси! Слава, после которой ты уже не чужой множеству людей, живущих на разных континентах, которые отныне будут любить тебя за твое творчество или ненавидеть... Не надо награды, лишь бы участвовать в конкурсе и быть на виду! А “Пальмовые ветви” пусть согревают ладони другим! Эй, кто там — наверху? Откликнись! Сделай это! Осчастливь! Милый!..» Увы, нет ответа... Как у классика. Когда он вопрошает: «Русь, куда ж несешься ты?..»

В тусклых глазах лежащего блеснула влага. Кажется, сейчас они исторгнут слезу. Быть может, его пронзила жалость к самому себе?.. Нет, жалости нет. И слез нет... И влага, омыв глазные яблоки, ушла обратно к своим истокам. Состояние протрации, в которое погружен лежащий, словно океанская волна смывает его с места и уносит в запредельные космические дали, из которых он не скоро вернется...

«Толстосумы, денежные мешки, отстегните денег на кино! От вас не убудет! Я должен снимать фильмы! Мне это просто необходимо, как охотничьей собаке бегать по лугам!» Жилы напряглись на шее, точно от крика. И в своих внутренних картинах он видит себя в образе небритого, пропойного, пропахшего нечистотами нищего, тянущегося за подаванием. Дайте! А те, у кого он просит, равнодушные скоты, будто не понимают ни языка его, ни жестов...

Прохожие продолжают свой путь. Вот один из них, одетый в хрустящую, как жареный картофель, кожаную куртку цвета кофе с молоком (бедный хряк, с которого содрали кожу!), гладко выбритый, пахнущий дорогим французским одеколоном, помахивая

кейсом, проходит мимо, скривив в презрительной усмешке губы. Другой, идущий следом, передернув плечами, как персонаж театра марионеток, сворачивает в сторону, озабоченный тем, чтобы тот, кто лежит на земле, не ухватил бы «грязными лапами» его сверкающий глянцем ботинок. Третий... Ах, что говорить о третьем! Он так же нищ, неудачлив, выбит из колеи, как и герой нашего рассказа. Правда, сегодня в кармане у него лежат несколько хрустящих купюр, перепавших ему по случаю. Не слишком большая сумма — но всё же!.. И вот третий день он шикует, проматывая свой малый капиталец, не думая о том, что будет с ним завтра. Четвертый... Или четвертая... изображает сострадание и печаль: она помнит того, кто лежит сейчас на земле, молодым, крепким, преуспевающим жеребцом, оглашавшим радостным ржанием бесконечные мосфильмовские коридоры. Помочь ему она ничем не может — сама на содержании у других, и хотя глаз у нее несколько потускнел, фигура утратила девичью стройность, а кожа потеряла былую бархатистость, в целом она еще прилично выглядит, и некоторые брюшкообразные типы готовы тратить на нее свое бабло... Пятый... Пятый — что-то бормочет о черемухе... Но не о той, что мелкими цветами празднично выпархивает на ветки в майские дни, одурманивая жителей пьянящим запахом, заставляя их забыть о приличии и творить всякие милые глупости. Пятый бормочет про газ под названием «черемуха». «Вот бы всех этих, лежащих под ногами, — “черемухой”!..» И невидимые полковничьи погоны проступают жирными языками на плечах его штатской одежды...

Тот, кто лежит на земле, наконец возвращается из космоса, запускает ладонь в мутную лужу, возле которой оказался, и, опершись на руку, пытается подняться. С трудом ему это удастся. Оторвавшись от земли, он встает на ноги, точно поднимающийся в полный рост Гулливер, оставляя далеко внизу мир крохотных, невидимых глазу насекомых и жгуты осенней грязи, в которой рассеяны в виде мелкой кирпичной крошки обломки былых строений, сметенные временем на этот раскисший под тупым октябрьским солнцем бульвар. Идущие люди обтекают вставшего на ноги творца киноисторий с двух сторон. Модные женщины, полные молодого обаяния, словно сорвавшиеся с красочных журнальных обложек, пролетают мимо по траекториям своих судеб, не испытывая к творцу ни малейшего интереса: он видится им старым, лишенным блеска преуспевания и нужного куража. Он для них — рудимент Прошлого... Которое волнует лишь постольку, поскольку может волновать это прошлое, лишенное обжигающей силы и горячей руки молодого современника. И Пушкин когда-то был молод, горяч! Да где он теперь, бедняга? Истлел, давно обратился в прах... И в сочинениях своих — он, да не он! И что мне, молодой, горячей, с него проку, если нельзя его ни потрогать, ни взять за руку? А Кольку какого-нибудь сегодняшнего я могу обнимать и изнурять ласками! Могу вести с ним любовную игру в любой, по желанию, точке пространства, валяясь, к примеру, на берегу реки или гуляя в роще среди высоких, музыкально летящих вверх берез. Живой Колька достанет из-под полы пиджака «ствол» и сумеет защитить меня от обидчиков, всадив пулю в того, кто надумает причинить мне боль. Не ста-

ну же я доверять свое молодое и красивое тело этому полустарцу с угасшим взором (ему, наверное, больше сорока пяти!). На кой ляд ему мое тело? На пару ор-газмов? Пусть упражняется со своими ветшающими сверстницами! А меня надо лелеять, пестовать, как цветок, водить в ломовые кабаки, одаривать дорогими шмотками и возить на заграничных тачках! На меня не только семя надо извергать, но и баксы! А ты не можешь этого, бедный старик! У тебя потертое пальто и мятые брюки! И главное: у тебя нет глаз! Они куда-то провалились! И провалы заполнились чем-то бесцветным! Если положить сверху по копеечной монете, получится что-то вроде зрачков...

«Дайте, дайте денег на кино! Я должен снимать фильмы! Я хочу продолжаться, хочу быть существом сегодняшнего дня, а не только дня вчерашнего! Тогда складки на моем лице разглядятся, кожа обретет живой цвет, я помолодею, и из глубин души высекутся искры, и эти молодые прекрасные твари, несущиеся мимо, вновь станут считать меня современником!..»

— Ну что ты все бродишь, как неприкаянный, никак к берегу не приткнешься? Ты же не один на свете... — вздыхает жена на кухне, звякая посудой, двигаясь между раковиной, плитой и разделочным столиком, вслушиваясь в шипение сковороды, на которой жарится картошка, и изредка косясь глазом в сторону маленького телевизора, забившегося далеко в угол, точно напуганный котенок. — Во-он другие как-то устраиваются, находят деньги, снимают...

— Кто — другие?

— Ну, хотя бы Самшитов. Или Соловей-разбойник... Лепит одну картину за другой...

— Соловей, он во все времена Соловей! — отзывается на это творец. — Или — разбойник! — тут же поправляет он себя.

Морщась от горечи во рту (видимо, опять пошаливает печень, хотя накануне ничего не пил, да и ел мало, только отварной рис — ничто другое просто в глотку не лезло), Ракитин — так зовут творца — останавливается у окна, зависая над геранью в горшках, брызжущей с подоконника, над ее терпким запахом, который, точно музыкальный инструмент, аккомпанирует горечи во рту, и тупо смотрит с высоты своего этажа — на улицу. Некоторое время происходящее там он не видит, оно отделено внутренней стеной, за которой лениво, наподобие сонных рыб в банке, ворочаются его мысли, никуда не зовущие и ничего не объясняющие, как будто он и его мыслительный процесс существуют отдельно, лишь изредка пересекаясь в некоей точке, которая отзывается на это искрением, точно замкнувший провод. Проходит несколько минут, лишенных содержания и сокращения мускулатуры. И вот стена в сознании растворяется, Ракитин будто выныривает на поверхность из речной глубины, входя в реальность, наполненную звуками, предметами, припухшим лицом жены, ее руками — заложниками кухонного багета, и горячим дыханием кипящего на плите чайника. Глаза фокусируют законный мир. Внизу по широкой улице, волнуясь, шумя, извиваясь, дергаясь в политических конвульсиях, катится толпа человек в триста. Люди несут растяжки с лозунгами, плакаты, куски картона разного формата с надписями. Все эти многочисленные слова (в основном неразборчивые сверху), сочиненные когда-то мудрыми людьми с благородной

целью — помочь человеческим особям понимать друг друга — и приобретшие теперь отрицательный вольтаж и воинственную колючесть, плывут над головами, словно стадо ущербных животных. Одну надпись на растяжке, что покрупнее прочих, можно прочесть: «Долой иуду президента!» А рядом (так же крупно): «Демократы — сволочи!»...

Полчаса спустя, когда Ракидин тупо уткнется в окно, на этот раз уже у себя комнате, внизу на улице он увидит другую толпу, идущую энергично в том же направлении. Она будет не столь агрессивна, но так же шумлива и взбудоражена, и лозунги у нее будут другие: «Долой фашиста Ампилова!», «Долой палачей коммунистов!» и в таком духе... «Слякоть все это, чушь!» — думает наш герой, сводя во времени две разные толпы в едином монтажном стыке, отчего пафос обеих обесмысливается, уравнивается абсурдом. «Какое сегодня число?» — думает Ракидин и не может вспомнить. Вот год он помнит — 1993.

Вечером Ракидин бесцельно бредет по Тверскому бульвару и слышит звуки выстрелов, доносящиеся от Никитских Ворот. Какая-то необъяснимая сила, а может, заурядное человеческое любопытство гонит его туда, где стреляют. Что он хочет там увидеть и что понять? Выстрелы из автоматического оружия в центре города — такого не бывало! По крайней мере, Ракидин не помнит другого такого случая.

Люди, бегущие навстречу, сообщают праздношатающимся, что на чердаке дома за площадью справа зашел снайпер из баркашовцев и стреляет по прохожим на бульваре, не разбирая, кто они и что они. Кого-то уже убили. Бегущие советуют на подходе к Большой

Никитской держаться поближе к домам слева, там безопаснее. Не выходите на площадку возле Тимирязева, предостерегают они, — это место хорошо простреливается. Ракитин не спешит покидать бульвар и прячется за широкий ствол вековой липы. Еще бегущие объясняют, что после вчерашнего штурма Белого дома в центре города на некоторых крышах засели снайперы, и деморализованная милиция не знает, что с ними делать.

Ракитин высовывает голову из-за ствола дерева и вглядывается в крышу дома на пересечении бульвара и Большой Никитской, пытаясь понять, где же там засел снайпер. Чердачное окно темно, как тушь в пузырьке, и кто там внутри — понять невозможно. Надо ждать вспышки выстрела. И вот она — вспышка! И грохот выстрела за ней. И следом чей-то крик совсем близко от Ракитина. Он устремляет взгляд в сторону темносерой махины памятника и видит лежащую на земле женщину — та, вероятно, перебежала с одной стороны бульвара на другую. Ракитин видит, как к ней подползает какой-то молодой парень, хватая ее за ноги, пытается вытянуть ее из опасной зоны. Женщина кричит от боли, которая усиливается при малейшем движении тела, но парень продолжает тащить. «Почему попали в эту женщину, а не в меня? — задается риторическим вопросом Ракитин. — Лучше б в меня...» Он думает о том, что надо выйти из-за дерева на открытое место, в опасную зону, и пусть тот, что на крыше, ловит его в свой прицел... Но не выходит. И тихо-тихо дает задний ход, поглазев еще некоторое время на чердачное окно...

Вечером, выпивая в буфете на втором этаже здания Союза кинематографистов, пьяный Ракитин, рассла-

бившись, с хвастливым возбуждением сообщает приятелю, что был сегодня на Большой Никитской, где с крыши дома стрелял по прохожим снайпер. «Этот снайпер подстрелил женщину — она кричала... И, представляешь, следующая пуля попала в меня!..» У приятеля, тоже весьма пьяного, вытягивается лицо. «Да что ты?! Покажи!» — просит он, оживившись. «Чего — покажи?» — не понимает Ракитин, тут же забывший о своей лжи. «Рану покажи!» — «А-а... Пуля чиркнула по бедру... Касательное ранение... Не снимать же мне штаны, чтобы убедить тебя!» Пьяный приятель верит и в ранение, и в столь счастливый исход. И оба, чокнувшись, выпивают за здоровье Ракитина очередную порцию водки.

За соседним столиком еще один нетрезвый кинематографист, красный, с влажным от пота лицом, сидящий в компании с немолодой беспрерывно курящей дамой, глядя в свою рюмку, почему-то вспоминает гоголевские слова: «Скучно жить на этом свете, господа!..»

Выпьем пива!

Мы вышли из метро к Киевскому вокзалу. Отсюда в сторону «Мосфильма» ходил троллейбус. Было утро, начало десятого.

Шамшури́н взглянул на циферблат ручных часов.

— Слушай, — сказал он, — у нас есть еще время. Пошли, выпьем пивка.

Дойти до пивной на Дорогомиловке было делом нескольких минут.

В пивной было еще по-утреннему тихо. Пахло хлоркой после уборки. В разных углах сидели три-четыре человека. Пьющий народец, охотник до пива, только начинал подтягиваться, желая остудить холодным пенным напитком горящие после вчерашнего «трубы».

Мы взяли по кружке пива и пошли вдоль столиков, решая, за какой из них присесть.

— Смотри! — вдруг обратил мое внимание Шамшурин на двух вольготно расположившихся у окна посетителей. — Это же Смирнов и Григорьев. Пошли к ним.

Эдик Смирнов был известный мосфильмовский редактор. И числился на картине, где мы, студенты-

выпускники, проходили практику. Женя Григорьев, с которым мы уже успели познакомиться на студии, был подававшим большие надежды молодым сценаристом, в активе у него к этому моменту были две известные картины, одна из которых «лежала на полке».

— Можно к вам, мастера культуры? — спросил Шамшурин, приблизившись к столу и нависая над головами приятелей.

— О, ребята! — воскликнул Смирнов, то ли скупно изъявляя радость, то ли просто констатируя факт. — Присаживайтесь...

Вообще-то Смирнов любил, когда компания начала разрастаться — следовательно, посчитал я, это было изъявление радости.

Григорьев, деловитый и серьезный, как мировой судья, тоже не возражал против нашего присутствия.

Но что самое интересное: обычно стесненные в деньгах, как часто выпивающие люди, на этот раз они, судя по тому, что мы увидели на столе, гуляли широко. (Вероятно, Григорьев получил аванс за новый сценарий и пригласил Смирнова отметить это дело.)

В центре стола, отражая утреннее солнце, сияли восемь кружек с пивом — две из них уже были ополовинены. Рядом разместилось блюдо, на котором небрежно лежали несколько золотистых вобл, одна из них уже была почищена и съедена, о чем свидетельствовали валяющиеся рядом голова и золотой мусор чешуи. Но главным украшением пиршества, перед которым меркло блюдо с воблой, являлась суповая тарелка, полная крупных вареных раков, что по тем временам (а шел 1969 год) было неслыханным богатством. Воблу и раков, к поеданию которых при-

ятели еще не приступили, они, как выяснилось позже, принесли с собой. В баре же можно было купить лишь соленые сухарики, сосиски и заветрившиеся шпроты.

Пока мы пристраивали сбоку свои кружки с пивом и рассаживались, хозяева раннего застолья продолжили свой важный разговор, который мы не рискнули прервать. Освеженные пивом, оба были бодры, глаза у каждого вдохновенно блестели.

— Старик! — восклицал Григорьев. — Они хотят, чтобы я врал. А я не могу, не приучен! К тому же они предлагают мне сделать то, что несовместимо с написанным ранее. Мой отец — простой шофер, фронтовик... В семье меня учили не кривить душой.

— Не бери в голову, — убеждал его Смирнов, мусоля во рту папиросу. Он принципиально курил только папиросы. И один сорт — «Беломор». — Хочешь, я покажу сценарий в нашем объединении?

— Надо подумать, — глубокомысленно изрек Григорьев.

И тут оба вспомнили про нас. Возникла пауза. Смирнов бросил взгляд на Григорьева. Тот понял смысл этого взгляда.

— Старики! — сказал он, обращаясь к нам. — Угощайтесь! — И кивком головы указал на стол.

Эта сценка подтвердила то, что я предполагал: приятели гуляют на деньги Григорьева.

Шамшурин длинными пальцами пианиста подцепил одного рака, хрустнул клешней.

Заглянув в тарелку, я понял, что тоже могу взять одного — раков в тарелке было достаточно, и приятели не останутся обделенными в ответ на свою щедрость.

Мимо нашей компании прошла пара алкашей с лицами кирпичного цвета. Увидев раков в тарелке, оба взглянули на нас как на врагов народа, которых, будь сталинское время, непременно следовало бы поставить к стенке.

— Вы на студию? — спросил Смирнов, берясь за новую кружку пива.

— Да, в группу, — подтвердил я.

— Уговор: вы меня не видели, — сказал Смирнов.

— Как скажешь! — ответили мы в один голос.

Здесь следует кое-что пояснить. Мы, будучи практикантами, ежедневно ездили на «Мосфильм», где вместе с режиссером фильма, на который нас определили, Верой Павловной Строевой, уже второй месяц работали над режиссерским сценарием. Вера Павловна была женщина в возрасте. Фигура ее давно утратила девичью стройность, обрела размеры бесформенного мешка, но лицо ее при этом оставалось худым и сохранило черты былой привлекательности. Знающие люди утверждали, что в молодости она была весьма миловидной и являлась любовницей ценителя женской красоты маршала Михаила Тухачевского, репрессированного в тридцатые годы. Те же знатоки рассказывали: когда она приходила к маршалу на любовное свидание и усаживалась на стул, сняв и положив на колени летние белые перчатки, тот ходил вокруг и с одухотворенным видом играл на скрипке.

У Веры Павловны постоянно возникали конфликты с автором сценария, тоже немолодой женщиной, но в отличие от нее необычайно худой, иссушенной внутренними страстями и непрерывным курением. И Смирнов, числившийся на картине редактором,

играл роль буфера между двумя женщинами. Ни единойжды ему удавалось примирять ссорящихся дам. Он умел найти нужные слова и предлагал решения, которые удовлетворяли обе стороны. И так уж сложилось, что когда Вере Павловне предстояла очередная встреча с авторшей, она требовала, чтобы рядом непременно находился Смирнов. На заключительном этапе работы над режиссерским сценарием эти встречи происходили почти ежедневно, и Смирнов, привыкший к свободному графику посещения студии, страдал от этого, как зверь, оказавшийся в загоне. И использовал любую возможность, чтобы сбежать из съемочной группы, предоставляя женщинам самим выяснять отношения друг с другом.

— Эдик! — сказал Шамшурин, покончив со своим раком. — А тебя не кастрируют за то, что ты бросил Веру Павловну на съедение авторши?

— Это еще вопрос, кто кого съест! — заявил с усмешкой Смирнов, оторвавшись от пивной кружки и вновь закуривая «беломорину». — И потом... Вряд ли они (имелось в виду начальство) найдут желающих, кроме меня, работать с этими дамами...

— Старики! — воскликнул Григорьев. — Не надо портить человеку настроение. Мы отмечаем День победы, а вы...

— Какой еще День победы? — удивился я. — Насколько мне помнится, День победы в мае, а сейчас конец июня...

— Была бы Победа, а праздновать ее можно в любой день! — глубокомысленно изрек Григорьев.

— Вы еще потретесь малость на студии, тогда поймете, о чем говорит Женя, — заявил Смирнов. И при-

поднял вверх кружку: — За непростой и многослойный кинематографический процесс!

Мы подчинились, и, подняв кружки, сдвинули их со звоном над столом с кружками наших знакомых.

Григорьев, все делавший обычно с серьезным выражением лица, словно посвященный Господом Богом в какие-то важные тайны бытия, пожевал ломтик воблы и сказал:

— Наш человек не может пить без тоста, подобно иностранцам... Для русского это нечто сакральное! Это возможность обратить внимание на то, что кажется ему важным.

— Вот-вот, — поддержал Смирнов. — Иностранцам же поговорить не о чем... Какая у них жизнь? Вялотекущая! Париж, Копенгаген — сытость... А тут... Что ни день, то борьба с крокодилами!.. Иностранец, к примеру, не мог бы написать «Карамазовых». Ни пороха у него для этого нет, ни нутра!

— Это еще вопрос! — заметил я. — «Прощай, оружие!», к примеру, написал иностранец.

— Между прочим, — придвинулся ко мне Григорьев, — наша военная проза не хуже!

— А я, между прочим, из евреев! — неожиданно заявил стопроцентно русский Шамшурин.

Его слова привели собеседников в замешательство.

— Не понял! — сказал Смирнов. — С чего это ты вдруг об этом?

— Обычно в конце концов во всем начинают винить евреев...

— Старик! — нахмурился Григорьев. — У меня, если хочешь знать, жена еврейка. И дочь наполовину... Так что это ты не по адресу.

— Шутка! — пояснил я, зная подобные выпады своего приятеля, родители которого после революции в двадцатые годы оказались в эмиграции в Китае, где он провел свое детство. А когда после войны семье разрешили вернуться, то долго держали ее на положении изгоев.

— Шутка! — подтвердил Шамшурин.

— Нам пора! — сказал я.

— Жаль, что надо уходить, — вздохнул Шамшурин. — С вами весело!

Он поднялся. Поднялся и я.

— В общем, ребята, уговор остается в силе, — подвел черту Смирнов, имея в виду, что мы его сегодня не видели и не знаем, где он.

— Пока, — махнул рукой Григорьев.

И мы покинули пивную.

Целый день мы провели на студии. Трудились с Верой Павловной над режиссерским сценарием, правили отдельные сцены. «Куда девался Эдгар Филлипович?» — не раз вопрошала она, обращаясь в пространство. Мы отвечали молчанием. Когда в комнату вдруг заглянула авторша с лихорадочно блестящими глазами, Шамшурин, понимая, что в отсутствие Смирнова между женщинами непременно произойдет ссора, сказал ей, что сегодня мы не работаем над сценами будущего фильма, а решаем сугубо технические проблемы: какая техника нужна в том или ином эпизоде, сколько должно быть мас-совки, какой необходим реквизит; так что она, автор, сегодня не нужна. Авторша подозрительно оглядела нас троих и, буркнув что-то про «заговор Фиеско

в Генуе», исчезла за дверью. Когда мы решили, что опасность миновала, нас позвали в кабинет начальства, где Вере Павловне в деликатной форме было заявлено, что она не должна игнорировать автора сценария, и нам, практикантам, не следует ее поддерживать в этом. Вера Павловна пошла красными пятнами, словно пришла пора цветения маков. Пришлось мне вступить за бывшую красавицу и объяснить начальству, что сегодня и следующие два дня нам необходимо заниматься производственными вопросами, а не правкой сценария. Выказанные при этом доводы убедили начальство, и нас отпустили с миром. После чего Вера Павловна долго пила чай с ватрушками, приходя в себя, отчего маки на ее щеках стали еще ярче. Всё же через час ей удалось успокоиться, и мы продолжили работу.

Во второй половине дня потоком пошли актеры, приглашенные для переговоров. Мы с Шамшуриным также принимали участие в этом процессе. Правда, во время бесед с актерами мы деликатно помалкивали, разговор вела Вера Павловна, но зато после активно обсуждали, кого следует пригласить на кинопробы, а кого нет. Рабочий день выдался на редкость длинным.

Падая от усталости, в девятом часу мы отправились домой. Вылезли из троллейбуса у Киевского вокзала. Шамшурин взглянул на часы.

— Пошли, выпьем пива, — предложил он, — пивная еще открыта...

Возможность выпить пива и тем самым снять немало усталость прибавила сил. Несколько минут ходу, и мы на месте.

На подходе к пивной мы услышали доносившиеся изнутри звуки музыки, громкое пение хора, что никак не вязалось с подобным местом. Когда мы вошли внутрь, то увидели перед собой многочисленные спины мужчин и женщин, одетых в цветастую одежду, со скрипками и гитарами в руках, которые пели и пританцовывали, обратив лица к кому-то в центре зала. Это были цыгане. Мы с Шамшуриным переглянулись: что это за купцы гуляют?! Нашли место!

Каково же было наше удивление, когда, обойдя стороною поющих цыган, мы увидели тех, к кому было обращено их пение. Это оказались Смирнов и Григорьев. И сидели они на том же самом месте, что и утром. Правда, от бывшего утреннего пиршества не осталось и следа. Стол украшала тарелка с остатками мелких черных сухариков, посыпанных солью, рядом примостилось блюдо с тремя серыми сосисками, похожими на разжиревших червей. Третья тарелка была полна папиросных окурков и дымилась наподобие Везувия. Вероятно, уборщица неоднократно выбрасывала из тарелки мусор, но курящий безостановочно Смирнов умудрялся в течение короткого времени наполнить ее заново. Зато пива на столе было в избытке. Кружек шесть полных да еще пара недопитых.

— Цыгане! — воскликнул Григорьев с красным отяжелевшим лицом, когда умолкли скрипки и гитары и отзвучала цыганская песня. — Советская власть освободила вас!.. — Для пущей убедительности он поднялся, покачиваясь, со стула и, выбросив вперед руку, словно трибун, вдохновенно взирал на вольных детей табора. — Советская власть дала вам свободу и воз-

можность учиться... Дала возможность иметь свой цыганский театр — «Ромэн»!

Судя по всему, в Григорьеве «сидело» штук двенадцать кружек пива — не меньше. Но энергия еще бурлила в нем.

— Художник! — кивнул восхищенно в его сторону Смирнов, увидев нас и не удивившись, словно мы отлучались на короткое время в туалет. И жестом предложил устраиваться рядом.

— Вы что же, так и просидели здесь весь день? — спросил пораженный Шамшурин.

— Ну, — подтвердил Смирнов.

— И никуда не выходили?

— А зачем? Чего мы там не видели?

— А цыгане? Они-то каким образом здесь оказались?

— Шли мимо по улице... Женька увидал их в окне и позвал.

— Братья! — продолжал Григорьев свою речь, борясь с тяжестью языка. — Пользуясь тем, что вы здесь... хочу выпить... за талантливый цыганский народ!

Он взял одну из кружек, что была к нему ближе прочих, и отхлебнул из нее.

— Ты согласен, Эдик? — спросил он у Смирнова, ища поддержки своему заявлению. — Хорошо же поют, талантливо!

— Ты прав, Женья!.. — отозвался тот.

Григорьев присел на стул. И спросил, окидывая цыган, стоявших полукругом, туманным взором.

— А Коли Сличенко... нет среди вас?

— Эх куда хватил! — ответил улыбочивый цыган с вьющимися седыми кудрями, бывший, видимо,

в этой группе за старшего. — Коля нынче по Парижам разъезжает, булки ихние по утрам повидлом намазывает... Худобу тамошних девиц пальцами проверяет... Высоко взлетел!

— Не грусти, старик! — с пафосом произнес Григорьев. — И ты когда-нибудь попадешь в Париж! Я верю, верю, старый!

— Что это ты как Сатин заговорил? — поинтересовался Шамшурин, отпив с жадностью треть кружки.

Григорьев, увидев нас, не удивился. Словно мы вместе с ним просидели здесь до вечера.

— В каждом из нас живет Сатин, — констатировал глубокомысленно он. — Это Горький точно уловил... Потому и классик, в отличие от некоторых! — И обратился к цыганам, сунув предварительно старшему в руки несколько смятых купюр: — Играйте, братья... Душа музыки просит!

И запели протяжно скрипки, и подхватили печальную мелодию гитары. Зашевелились черноволосые женщины в цветастых платьях и платках поверх плеч, задвигали руками и плечами под музыку. И хором завели песню. И заходили по кругу перед столом, за которым мы сидели. И стало от этой музыки и пения и грустно, и хорошо. И душа, полная всякого дневного мусора, как-то легко освободилась от него, и проглянуло в ней нечто светлое, умиротворенное, что каждый в себе нечасто видит. Ах, как проникновенно и складно пели эти цыганские женщины и мужчины!

Григорьев со строгим выражением лица смотрел на поющих, и мысли его теперь летали где-то далеко. Он даже не заметил, как появилась уборщица и стала елозить шваброй возле его ног.

Пьяный Смирнов жевал потухшую папиросу, подпирая отяжелевшую голову рукой. По щеке его текла слеза. Когда Шамшурин громко хрустнул сухариком, положив его в рот, он осудил его скорбным взглядом..

У стола как-то неожиданно возникла женщина лет сорока в белом полухалате, с прической, похожей на мохнатую шапку чабана. Это была заведующая пивной.

— Хватит эксплуатировать цыган! — сказала она строго, обращаясь к Григорьеву и Смирнову. — К тому же нам пора закрываться...

Григорьев поднялся, подошел к ней, желая выглядеть галантным, поцеловал руку. Затем, приобняв женщину за плечи, что-то пошептал на ухо.

У той смягчилось лицо.

— Только недолго, — сказала женщина и удалилась.

Когда цыгане закончили петь, Смирнов уже крепко спал, опираясь щекой на свою руку.

Григорьев расцеловал цыгана с вьющимися седыми кудрями, сунул ему в руку деньги и отпустил певцов и танцоров восвояси.

После этого сел за стол, попытался осилить очередную кружку пива. Но смог одолеть лишь треть. И как-то сразу тоже уснул.

Доставлять друзей по месту жительства пришлось нам с Шамшуриным. На это ушли наши последние студенческие деньги. Но мы сделали это. Хотя это оказалось непросто. Посадить двух крепких мужиков в такси, а потом доставить каждого до дверей квартиры потребовало немалых сил. К счастью, гуляки не сопротивлялись, а вели себя как послушные зомби.

С той поры минуло немало лет. Нет уже в живых Смирнова. Нет Григорьева и Шамшурина. Они давно переселились в мир иной. Но эта сцена с поющими цыганами, устроившими по воле Григорьева концерт в пивной, где Григорьев и Смирнов провели весь день, осталась в памяти и нет-нет да и напоминает о себе, вызывая улыбку и навевая светлую грусть.

Дудочник Авсей

Всадников было двое. Они проехали по тропе так близко, что было слышно, как заурчало у одного из них в животе. Первый одет был в летний зипун — почти новый — и суконную шапку с лисьей опушкой, давно утратившей былой вид: выцветший мех с редкими рыжими перьями напоминал свалывшуюся прическу давно не мывшегося пьяницы. Второй был в потертом зипуне, грязном от долгой носки и лоснящемся на локтях и вокруг шеи, голова непокрыта — шапку он потерял на одной из лесных развилок, когда они вскачь преследовали беглеца, тогда еще видя в зелени ветвей его мелькавшую спину. Теперь он сокрушался по этому поводу и поносил виновника.

Дудочник Авсей, которого они искали, щуплый, ясноглазый мужичонка с грязными разводами пота на лице, в залатанной на спине выцветшей рубашке из домотканого холста, затаился в кустах орешника, сжимая в руке кривую палку, найденную в пути у подножия дуба, и напряженно ждал, когда всадники отъедут по тропе подальше.

— Эй, ты, тварь, выходи на свет, неча прятаться! Всё одно поймаем! — кричали всадники, глядя по сторонам, и для устрашения рубили со свистом плетками воздух, кроша ветки ближних кустов и макушки молодых низкорослых елок, росших вдоль тропы.

Наконец им надоело драть горло и работать плетками, и они затихли. Некоторое время ехали молча.

— Так нам его не найти — несподручно верхом, — заговорил тот, что потерял шапку. — Надо б спешиться...

Его товарищ, старший по службе, хмурый, с темным обветренным лицом и глубоким шрамом во всю правую щеку, почесал переносицу концом плетки и ответил сипловатым баском, нравоучительно и строго, словно отчитывал нагадившую в ясли скотину:

— Дура! Покамест ты в седле — тебе и радость: он тебя боится, дудочник этот, а не ты его. Его конем подмять можно... А слезешь — непременно дубиной по башке получишь! Ему теперь терять нечего.

— А как же мы его — верхие — изловим? Лес густ, хоть и не чаща, на конях трудно проехать... — озадачился второй, тараша водянистые бесцветные глаза.

— А ты, Сенька, пошевели мозгами, — сказал старшой, и шрам дернулся у него на щеке. — Напрямую через лес он не пойдет — далеко, да и сдохнуть недолго, плутая в чаще. Опять же в болото можно угодить... Он хошь не хошь, а на тропу выйдет. Непременно выйдет! А иначе — как?

Говоривший сплюнул и придержал за поводья лошадь. Остановился и второй. Старшой, прищуриив острые, ртутные глазки, мало подходившие к его суровому лицу воина, долго вглядывался в кустарник по

правую сторону от себя, вслушиваясь в лесные звуки и пытаясь уловить в них что-либо, свидетельствующее о присутствии человека: хруст ли ветки под ногами, насадное ли дыхание, которое трудно остановить после быстрого бега, шелест ли травы, принимающей в свои объятия упавшее тело...

Неожиданно из-за деревьев стремительно вылетела сорока. Шумно взмахивая крыльями, пронеслась над головами всадников и скрылась за кустами по другую сторону тропы. Кони испуганно дернулись, заржали.

Старшой привстал в стременах и вновь обратился в слух.

— Куда ж он делся, лешак немый? — вздохнул он.

Затем опустился в седло, дернул поводья, и всадники продолжили свой путь.

Дудочник уже не видел их, но все еще слышал голоса. У него затекла спина, но он боялся пошевелиться, выжидая, когда преследователи отъедут подальше.

— Эх, шапку жалко, — донесся с тропы голос Сеньки. — Почти новая была... — Он помолчал и вдруг предложил, видимо, взглянув на небо: — А может, вернемся? Поглянь, гроза набегает...

Услышав слова о грозе, дудочник посмотрел на небо и, увидев низкую темную тучу, быстро накрывавшую лес, обрадовался: по грозе им его не словить!

И тут вновь заговорил старшой:

— Нет, Сенька, без дудочника нам обратно дороги нету. Князь с нас шкуру сдерет. Как вспомню о нем, в горле першит и в поясице огонь — плетью меня уже потчевали!

Старшой болезненно поморщился и, представив разгневанное лицо князя, своего господина, человека

дурного и деспотичного, коротко, с присвистом, как при икоте, втянул в себя воздух.

— Слышь-ка, Устин, — обратился к нему после недолгого молчания Сенька, — а за что князь на дудочника осерчал?

— Вот ё, все дворовые об этом тарабарят, а ты как с морозу — ничего не ведаешь! Эх, Сенька, не зря люди говорят: когда мать твоя на сносях была, ей корова в брюхо рогом заехала.

— Расскажи, жалко, что ли, — попросил Сенька, съедаемый любопытством, оставив без внимания слова о матери, которую корова боднула в живот.

Старшой вновь почесал переносицу концом плетки и приступил к изложению истории. На этот раз в сиплом баске его звучали восхищение и испуг одновременно: так темный человек рассказывает о загадочных явлениях природы, объяснение которым находит в кознях нечистой силы.

— Началось это в прошлом годе... Тогда во время грозы Авсея молния шибанула — прямо в лоб! Помнишь, в начале лета гроза огромная была, тогда еще дуб у развилки с корнем вывернуло? Так вот, Авсейка три дня лежал, точно покойник... И зарыли б его, ежели б не пальцы на левой руке — а они, понимаешь, шевелились... В общем, пришел он в себя на четвертый день, встал с полатей, но... умом, конечно, повредился. Сам понимаешь. Не бывает, чтоб молния человеку в лоб, а тому хоть бы что! Поначалу тихий был — слова лишнего не скажет... А потом — пошло-поехало. Стал баб и девок баламутить, речами безумными им головы дурить. Все про какой-то сердечный огонь толковал. Лю... любовью обозвал его, огонь этот, во! Слово-то

какое чудное на свет произвел — любовь. Язык спотыкается! В общем, так, мол, и так, бабы, худо мы с вами живем, несправедно. Потому как про любовь не знаем, не ведаем. И мужикам вас отдают не по любви, по сговору, и детей вы без любви зачинаете... А ведь есть на свете такая штука — любовь, на которой все в нашей жизни произрастать должно, ежели мы желаем от скотины отличаться, от курей там всяких или овец. Короток век человечесий, и прожить его без любви — истинное несчастье! Надо, бабы, кончать с этим. От вас продолжение рода идет, вам и перемены зачинать. Ведь много разного хорошего в вас, бабы, намешано: и доброта, и жалостливость, и сила душевная, почище, чем у иного мужика!

— Ишь ты!.. — Сенька от удивления приоткрыл рот. И, боясь сказать слово не к месту, спросил осторожно, словно пробовал ногой холодную воду в реке: — А что же они... бабы?

— А что бабы?.. Наслушались Авсейкиных худых речей и смуту развели. Собрались, кочерыжки безмозглые, у княжеского крыльца, шум подняли. Не хотим, говорят, так больше жить. Не желаем! У вас, мужиков, лишь дурь на уме: пить, да по чужим дворам шляться, да в сене валяться! А явился утром ранним — задирай подол, исполняй его желание! Хватит! Надоело, понимаешь! Хотим, чтоб любовь в нашей жизни была, и не желаем иначе!.. — Старшой вынул из торбы, притороченной к седлу, деревянную баклажку с водой, вытащил затычку, сделал несколько глотков. И продолжил свой рассказ: — Поначалу бабы только шумели, а потом и дела по хозяйству забросили — перестали стирать, готовить, за

скотиной ходить. А это разве дело?.. Князь как узнал про бабью смуту, впал в ярость великую: стол обеденный на сторону своротил, ковш свой любимый из чистого серебра, дорогой греческой работы, долбанул об стенку — тот аж в лепешку! Повелел схватить дудочника и бить его нещадно плетьюми, пока тот не образумится. Вот Авсейка и дал деру...

Всадники остановились. Некоторое время молчали: каждый думал о своем.

— Слышь-ка, Устин, — задумчиво проговорил Сенька, озадаченный услышанным, — а сам-то ты как думаешь?

— Про что?

— Про огонь этот сердечный... про любовь... Есть она, или это выдумки дудочника?

— А не нашего ума это дело. Наше дело — смутьяна изловить и к князю доставить... Скажу только: ежели мы без Авсейки домой вернемся, порты с нас сдерут и плетьюми до мяса исхлещут... Так-то. — Старшой дернул повод, причмокнул губами, подгоняя лошадь: — Но-о!

Мягко застучали копыта, зашуршала под ними сухая листва, зашевелились, как живые, гнилые сучья, лежавшие на тропе.

Авсей не слышал этого разговора, потому что всадники были уже далеко. Но не спешил покидать свое укрытие в орешнике, накапливая силы, опасаясь, что преследователи могли спешиться, сойти с тропы и ожидать в засаде. Наконец он решил, что опасность миновала, и вылез из кустарника.

Вокруг было тихо. Даже птицы, обычно оживленные, теперь, в ожидании грозы, были сдержанны

в своем пении, не было в нем обычного многоголосья и резвости. Лес затрепетал от порывов ветра.

Уверовав, что удалось избавиться от погони, Авсей сосредоточился на себе, своих чувствах и ощутил сильную сухость во рту. Мучительно хотелось пить. Чтобы перебить жажду, он сорвал с ветки несколько молоденьких свежих листьев, еще клейких с лицевой стороны, сунул их горстью в рот и стал жевать, морщась от горечи. Горьковатая кашица немного освежила язык и нёбо. Скорей бы дождь, подумал он, тогда бы удалось напиться, подставив под струи ладони. Но пока он жевал, обдумывая свой дальнейший путь, ветер стих. На волосы беглеца упало несколько крупных дождевых капель, словно кто-то коснулся его легкими прохладными пальцами. Запрокинув голову, Авсей посмотрел на небо и опечалился: темная разлапистая туча, закрывавшая до того полнеба, появление которой так его порадовало ранее, ограничившись скудным посевом в два десятка капель, теперь уползала в сторону, двигаясь как-то боком, наподобие побитой собаки, открывая яркую, режущую глаз синеву.

Под ногами что-то зашуршало. Бросив туда взгляд, дудочник увидел в траве змею-медянку. Не смущаясь присутствием человека, змея проползла возле его ступней и юркнула в темное отверстие между корней сгнившего пня. Спряталась в чужой норе, и никому ее не достать, подумал дудочник.

Авсей утер потное лицо рукавом рубахи и, опираясь на палку, пошел по лесу, держась на некотором расстоянии от тропы. Пройдя с полсотни шагов, он остановился, вслушиваясь в окружающие звуки и пытаясь в их хоре обнаружить те, что могли бы со-

общить ему об опасности: стук лошадиных копыт, звяканье удил или человеческую речь. Внимание его привлек необычный звук, донесшийся из-за деревьев поблизости и походивший на жужжание множества мух, облепивших тело мертвой коровы. То, что издавало этот звук, находилось где-то совсем рядом и пугало своей непонятностью. Тревога стреножила Авсея. Пока он, напряженный, пытался разобраться в своих ощущениях, ища объяснение столь необычному звуку, из-за стволов молодых лип прямо на него вылетело нечто живое, округлое, шевелящееся, жужжащее, и, ударив его с лету в голову, повисло у него на щеке. Как он сообразил мгновение спустя, это были лесные пчелы, целый рой, размером с крупный мужской кулак. Рой этот, видимо, отделился от другого и, став самостоятельной семьей, метался теперь по лесу в поисках нового пристанища. С десятков жал верных телохранителей пчелиной матки вонзились в щеку и лоб дудочника. Авсей взвыл от боли и, сдернув единым махом с лица живой, несущий в себе опасность шар, опрометью бросился через лес, не разбирая дороги.

Где-то сбоку мелькнули зипуны всадников, слышались их голоса.

— Ты чего? — спросил Устин, обращаясь к Сеньке, слезшему с коня.

— Да вот, помочиться надо... — ответил тот, распахивая зипун, развязывая на поясе веревку и приспуская порты.

И тут они увидели Авсея, который, ломая кустарник, промчался мимо. Оба заорали, засуетились, замахали руками, точно собирающиеся взлететь утки.

Устину удалось наконец развернуть лошадь, и, стегнув ее плеткой, он поскакал между деревьев за дудочником. Сенька прыгал на месте, чертыхаясь, пытался забраться в седло, но ему мешали спущенные порты.

Авсей несся по лесу, который теперь значительно поредел, и клял пчел, явившихся неизвестно откуда, и себя за то, что перестал от боли соображать и помчался в сторону, где были всадники. Ноги болели от напряжения, сердце высккивало из груди. Встречные ветки, от которых не всегда была возможность уклониться, хлестали его по лицу, и на иссеченных губах он чувствовал вкус крови... Где-то далеко, в чаще, с привычной решительностью колотил по дереву дятел. Эхо подхватывало и разносило по лесу эти звуки. Казалось, они звучат повсюду, преследуя дудочника, и когда у беглеца перехватывало дыхание, ему чудилось, что дятел долбит его затылок, а не древесный ствол. Авсей бежал на пределе сил, обезумев от боли, уже не надеясь на спасение. Хотя надежда еще оставалась: он понимал, что ему, пешему, передвигаться в лесу удобнее, чем тем, кто следовал за ним верхом; он слышал сзади надсадное ржание — это страдали от боли лошади, раздирая бока в кровь о сучки и колючки.

— Сто-ой, выродок! Все равно тебе не уйти! — хрипел у него за спиной Устин, вынужденный огибать заросли, через которые беглец шел напролом.

Авсей вылетел на большую освещенную солнцем поляну, делившую лес на две части. Она метнулась ему навстречу своей пестротой, буйством цветущего разнотравья, охватила многоголосьем полевых насе-

комых и птиц. Понимая, что на открытом месте его проще догнать, Авсей прибавил ходу, благо поляна шла под уклон и бежать стало легче. Но силы были на исходе, их, можно сказать, почти не осталось, и теперь только страх, тупой животный страх, боязнь побоев, боязнь дыбы, на которую его как ослушника непременно вздернут, гнали беглеца вперед.

Над его головой плескалось пронзительно синее небо, полностью очистившееся от туч, но бегущий Авсей не видел его. Не видел он и ярких цветов, причудливо разметававшихся по траве. Не видел летающих стрекоз, легких, как дыхание девушки, и чертивших воздух там, где тянулись вверх остролистые стебли осоки. Не видел лощины глубокого оврага, пересекавшего поляну впереди, край которого был скрыт высокой травой... Взгляд его был устремлен к темной стене леса, высившейся по другую сторону поляны, до которой ему надо было добежать. В том лесу, сыром и дремучем, труднопроходимом для лошадей, было его спасенье. Лес этот был уже близок. До него оставалось совсем немного. Авсей уже ясно, вплоть до шишковатых наростов на стволе, видел рогатину старого кряжистого дуба, росшего на самом краю, — он был похож на человека, воздевшего к небу руки и будто вопрошавшего: зачем я здесь?.. Но тут нога беглеца неожиданно потеряла опору, угодив в чью-то заброшенную нору, и резкая боль пронзила щиколотку, будто туда вогнали иглу. Дудочник рухнул, как подкошенный, и покатился в овраг, открывшийся перед ним в последнее мгновение...

И вот лежа на дне оврага, в царстве тени и тишины, в нелепой позе поверженного в бою ратника,

вдыхая запах травы и зреющих ягод земляники, отрешившись от мысли о боли в ноге, Авсей неожиданно почувствовал себя хорошо и покойно. Зачем я бежал, подумал он? Чего боялся? Меня могут вздернуть на дыбу или утопить в помойной яме, но изменить мои мысли никому не дано! Я рассказал людям о любви, слагал о ней песни, и князь не в силах вырвать из душ это знание, посланное нам свыше. Правда о силе, соединяющей мужчин и женщин, никому не подвластна. Теперь в каждой душе будет жить желание познать любовь, благотворящую и оберегающую от зла. Люди будут хотеть этого чувства, а не только ублажать свою плоть.

Авсей с трудом приподнялся. Усевшись в траве, извлек из-за пазухи дудку из бузиновой трости, поднес к распухшим губам, дунул в нее. Звук, подобно дымку от лучины, поплыл тонкой нитью над оврагом, сдернул стрекозу, сидевшую на острие листа осоки, и когда та взлетела, Авсею почудилось, что стрекоза выскользнула из его дудки и что она есть не что иное, как реальное воплощение мелодии, которую он играл. Боль от ушибов и пчелиных укусов отступила, стала чем-то отдаленным, почти призрачным, словно дальняя деревня в низине, когда ее закрывает вечерний туман. Незатейливая музыка придала ему сил и окончательно освободила от пут страха. Он играл и чувствовал себя одним целым со всем тем, что его окружало: пронзительно синим небом, ягодами земляники, алеющими на освещенном бугре, травой, сохранившей изумрудный весенний оттенок в малодоступных для солнца местах, птицами, порхающими над зарослями можжевельника...

Всадники резко остановили коней на краю оврага — комья земли аж брызнули из-под копыт и посыпались вниз по откосу. Увидев беглеца сидящим в траве и играющим на дудке, оба немало удивились.

— Это не он... — засомневался Сенька, вглядываясь в распухшее лицо дудочника, утратившее привычные черты и походившее теперь на лицо уроды. — Погляди, какой страхолюд! — сказал он, обращаясь к Устину, и завершил слова свои глупым смешком.

— Дура! — выругался Устин. — А рубаха? А дудка? Опять же бороденка?! Он, точно он! — И, как человек бывалый и сообразительный, объяснил происшедшую с беглецом перемену: — Его, вероятно, пчелы покусали... Правильно люди говорят: не лезь, куда не след! — Устин привстал в стременах и, сделав строгое лицо, крикнул дудочнику: — Эй ты, чучело, подь сюда! Брось дудку, тебе говорят!..

Но Авсей даже не посмотрел в их сторону. Продолжал играть на своем нехитром инструменте, словно был здесь один.

Устин рассерженно нахохлился, борода его дернулась по-петушиному, в глазных белках расцвело по красному дереву от прилива крови. Мужик он был не злой, но с норовом, особенно когда дело касалось службы: сам князю служил исправно и того же требовал от других. Поразмыслив, он слез с лошади, похлопал ее ладонью по влажному боку, одобряя ее поведение во время скачки, и, сделав знак Сеньке, стал спускаться в овраг. Сенька спрыгнул на землю и последовал за ним, прихватив с собой веревку.

Добравшись до дна оврага, Устин направился к Авсею. Шел неспешно, твердо ступая на криво-

тых ногах, внимательно следя за движениями дудочника. Сенька держался поодаль, готовый выполнить любой приказ, но был рад, что между ним и беглецом находится спина его товарища.

Когда до беглеца оставалось шагов пять или шесть, оба остановились, ожидая, как поведет себя Авсей: окажет ли сопротивление или бросится наутек. Но тот, безучастный, как и прежде, дул в дудку, перебирая пальцами отверстия, и весь вид его говорил, что он не настроен на борьбу и подчинится любой участи. И все же княжеские посланцы еще выжидали несколько мгновений. Потом коротко переглянулись — у Устина при этом дернулась бровь, что означало: с богом! — и резво набросились на дудочника с двух сторон. Выбили дудку из грязных в ссадинах пальцев, завалили на землю лицом вниз и стали вязать за спиною руки. Сделать это было несложно: дудочник не оказывал сопротивления. Дудка упала в земляничные листья. Мелодия оборвалась, но лишь на мгновение, и вновь зазвучала в полную силу, подхваченная жаворонком, темной звездочкой зависшим в небе над оврагом.

Когда беглец был связан, Устин удовлетворенно ткнул его кулаком в бок и повеселел: так-то, паря, от Устина не уйдешь! Дружинники подхватили пленника и поволокли наверх к лошадям. Авсей безвольно передвигал ногами. Сенька посматривал на него с опасливым интересом и сопел. На крутом подъеме, на выходе из оврага, полы Сенькиного зипуна разошлись в стороны, и оголилось правое колено, штанина на котором был мокрой от мочи — еще спускаясь за беглецом в овраг, Сенька от волнения надул в шта-

ны. Обнаружив свой грех и пытаясь скрыть досаду, он обрушился на пленника с бранью:

— Лешак немытый! И чего тебе бегать вздумалось?! Вот шапку из-за тебя потерял... Почти новая была!

Поднявшись на поляну, дружинники привязали дудочника к седлу лошади Устина и, усевшись на коней, направились через луг к тропе. Теперь, по дороге к дому, можно было с легким сердцем поболтать о всякой всячине — впереди ждала не порка, а княжеская награда. Полбочонка браги — не меньше! — отвалит князь за поимку смутьяна, подумал Устин, придя в хорошее расположение духа.

* * *

Меня привезли на княжеский двор, когда вечерело. Закатное темно-алое солнце медленно садилось, сопротивляясь неведомой силе, тянувшей его за ближний лес. Верхушки елей черными крестами лепились на уцелевшей половине солнечного круга. Воздух к вечеру посвежел, словно его напитал прохладой студеный ключ, находившийся в соседней роще. Ключ этот вырос из земли ледяным цветком и, обращаясь в ручей, а затем в речку, бежал к далекому морю, набирая силу и омывая корни растущих по берегам деревьев.

Жилье князя находилось на пригорке. Высокий крепкий частокол из толстых бревен опоясывал несколько больших бревенчатых строений, где помещались покои князя и его приближенных. В стороне от главных построек тянулись низкие черные избы, где жила челядь, и стояли амбары и крытые загоны

для скота. Поместье было удобным для жизни и надежным при защите от врагов. Здесь по княжескому зову собиралась дружина, отсюда совершались набеги на соседские земли. Здесь можно было отсидеться после неудачного похода — залечить раны и отдохнуть.

Устин и Сенька сбросили меня с лошади перед княжеским домом на грязную от соломы и птичьего помета землю, а сами поднялись на высокое крыльцо и скрылись за дверью.

В доме шло веселье — там, не жалея глоток голосили песняры, нескладно подпевали им княжеские гости (пьяные гуляки отставали от поющих умельцев, пытаясь нагнать их, частили, путали слова) и время от времени на нестройный хор прибойно накатывался пьяный хохот. По ступеням крыльца во двор и обратно резво бегала челядь: один тащил бочонок с брагой, другой бадейку с солеными грибами, третий нес кувшин с моченой брусникой.

У потемневшей от непогод стены амбара, расцвеченной зеленым мхом, топтался низкорослый мужик, рыжебородый, в пропитанной потом рубахе, отделанной красной тафтой и подпоясанной пеньковым шнуром. Это был княжеский гость, из приезжих, его я видел впервые. Он громко икал, нетвердо переступая с ноги на ногу, и отбивался от потрепанного настырного петуха, путавшегося под ногами и мешавшего ему помочиться.

Распахнулась дверь, и на крыльцо вышел князь. Шатаясь, спустился по ступеням вниз и, сойдя на землю, остановился шагах в десяти от меня. Вывалившаяся следом пьяная братия держалась за его спиной,

расположившись на ступенях лестницы. Тут же возникли слуги с факелами и осветили землю у княжеских ног, дабы тот не споткнулся и мог хорошо видеть стоящего на коленях пленника.

Князь был нестар, высок, немного сутул. У него было властное лицо, обрамленное желтоватой бородкой, красное от недельного пьянства, высокий открытый лоб, взгляд, свидетельствующий о немалом уме. Правда, во взгляде этом недоставало душевного света, присущего подлинно умным натурам, это был скорее взгляд хитрой змеи, всегда готовой ужалить. Над бровью у него темнел небольшой рубец — след от раны, полученной в одном из походов.

Я старался избегать княжеского взгляда. События прошедшего дня настолько изнурили меня, что дальнейшая участь меня мало заботила. Захотят бить плетью — пусть, надумают убить — пусть убивают. Оцепенение, овладевшее мной, погрузило меня в состояние дурмана, а дурман, в свою очередь, отсекал сознание от ощущений плоти, отчего казалось, что тело перестало быть моим и является отныне придатком земли, на которой я лежал. И только мысль все еще была жизнеспособна, по-прежнему никому не подвластная, блуждающая по одним ей известным закоулкам.

Постояв некоторое время в пьяном раздумье, князь приблизился ко мне. Острым носком стоптанного сафьянового сапога ткнул меня в грудь и сказал, недобро щурясь:

— Вот мы и свиделись, смутьян...

Я облизал опухшие губы и попросил воды.

Князь с пьяной строгостью пялился на меня, думая о чем-то своем. Казалось, он не слышал моей про-

сьбы. Но вот он повернулся к толпе, теснившейся за ним, и приказал:

— Дайте ему браги! Он хоть и пакостник, но живая пока душа...

Несколько прытких прислужников бросились ко мне. Подхватили за руки, перевязанные веревкой, и, встряхнув, поставили на колени. Чьи-то крепкие пальцы разжали мне рот и плеснули туда из ковша горьковатое пойло. Горло обожгло. Я судорожно глотнул и, захлебнувшись, закашлялся, отчего мое ослабшее тело стало бросать из стороны в сторону, словно утлую лодку в речном ненастье.

Князь, откинув полу плаща с пряжкой на плече, тяжело опустился на лавку, которую услужливо подсунули под него дворовые. Взял из чьих-то раболепных рук свой личный ковш и принялся пить. Пил долго, небольшими глотками, при этом пристально, насколько позволяло опьянение, глядел на меня, силясь понять, что же случилось с моим лицом.

— Что с твоей рожей? — спросил он. — Или это не ты, а какой-то пришлый уродец?

— Его пчелы в лесу покусали, — объяснил Устин, выйдя из толпы и склонив почтительно голову.

Князь отдал ковш. Взял щепоть брусничных ягод из миски, которая тут же оказалась под рукой, закусил. Теми же мокрыми пальцами отер рот. И вновь обратил на меня свой взор.

— Ну, рассказывай, — велел он.

— Что рассказывать? — спросил я; после выпитой браги в груди стало тепло и я почувствовал прилив сил.

— Ты дуркой не прикидывайся! — вскипел князь. — Зачем баб смущал?.. Зачем смуту сеял?

— А чего с ним чирикать? Надо сунуть его в по-
мойную яму... А еще лучше — башку отсечь! — за-
явил рыжебородый мужик, сражавшийся ранее с пе-
тухом у амбара, протиснувшись вперед и подав голос
с целью проверить, прошла его икота или нет. Судя
по тому, что он ни на одном слове не споткнулся, про-
шла, и это порадовало его.

— Не лезь, — отмахнулся от гостя князь. — Не
твоя забота — судьбу моего дударя решать... —
И опять посмотрел на меня: — Ну?

— Ах, господарь мой, мне виниться не в чем... —
ответил я, стараясь держаться прямо. После выпитой
браги щека и лоб перестали ныть и в голове проясни-
лось. — Поверь, худого я не замышлял... Про сердеч-
ный огонь были речи мои и песни, имя которому —
лю-бовь! Нельзя нам без любви жить, не по-людски
это... Без оной — мы звери о двух ногах, умные, но
звери. И в будущее пути нам нет. Запустоцветит род
наш, в труху обратится. Вот и кликнул я баб и девок
и держал перед ними речь. Кому, как не им, невес-
там и матерям, перемены затевать, огонь сердечный
воспалить!..

Князь, сдвинув брови, отчего образовалась склад-
ка посредине лба, смотрел на меня, силясь понять:
что же случилось? и почему его дударь, который жил
у него припеваючи (ведь он был сыт и одет, не в при-
мер многим, и лаской княжеской не был обойден),
почему он отважился на бунт? Во имя чего обрек себя
на муки и смерть — а что смутьян обязательно умрет,
это князь давно про себя решил. Приговор себе я про-
чел в его глазах. Но он не спешил с расправой, а от-
тягивал казнь. Борьба со мной вносила разнообразие

в монотонную жизнь, которую приходилось вести между пьянством и военными набегами на соседей.

— Не морочь мне голову своими побасками! — заявил князь, так и не найдя ответа на мучивший его вопрос. — Ты болен, молния мозги тебе выжгла, а побаски твои — бесовская дрянь!

Я молчал, решая, нужно ли продолжать этот разговор или нет. Но желание объяснить князю, что он заблуждается, оказалось сильнее.

— Ах, князь! — сказал я ему. — По недомыслию ты мне не веришь или не желаешь верить?.. Найди в себе доброту. Вспомни свою мать, ведь ты был привязан к ней; воскреси свое чувство... Сердечный огонь требует милосердия, а ты жесток... жесток... И к врагам побежденным, и к холопам своим... И к девкам, которых держишь для ласк, тоже жесток.

Князь нахмурился. Провел рукой по набрякшему лицу. Я чувствовал, что он не может ухватить мою мысль. Она ускользала от него, точно быстрый угорь, и не было в глубинах его сознания сетей, способных удержать ее. Он мог, конечно, выхлостить мою голову, вышелушить ее содержимое с помощью топора, но и только. Дальше его власть не имела силы. И я видел, как это злило его.

Князь отбросил в сторону миску с брусникой, которую держал перед ним стольничий, и гневно крикнул:

— Врешь ты все, смерд! Дурь и заумь эта самая любовь! В руки ее не возьмешь, точно нож или ковш, потому как нет ее!.. Мужик должен девку выбирать в жены, чтобы род продолжать, — вот и вся механика! Так наши предки жили и нам завещали! Надо

князя уважать и род продолжать! А продолжится род, значит, будет и народ! А будет народ, будет и войско, и можно опять с врагом воевать! Вот он — закон жизни! Иное же идет от чертей и ведьмаков... И огонь сердечный, и прочая дрянь!.. Мужик, будь он пахарь али ратник, не должен умствовать... Так же и бабье сословие. За бабами хозяйство — вот пусть и проводят время в трудах... Все остальное — дурь, которую подлые души, вроде тебя, как заразу разносят! Не было у нас никакой *любви* и не будет, запомни это!

— Ах, господарь мой, хоть ты и в силе ноне, ручайся за себя, не ручайся за других... Верю, будет у нас иная жизнь! — ответил я, убежденный в своей правоте.

И окинул взглядом собравшихся, надеясь на понимание. Но люди, толпившиеся вокруг князя, хмуро смотрели на меня, не желая принимать мои взгляды, — так река не принимает в свои воды и выталкивает обратно на поверхность упавшее в нее бревно.

Князь усмехнулся.

— Ты пособников не ищи, нет их здесь, — заявил он, оскалив крупные, желтые, как у лошади, зубы. И певуче добавил, словно ласкал любимую кошку: — А если ты баб ищешь, зря стараешься... Я велел их в амбарах запереть. Всех! На хлеб и воду... Чтоб впредь неповадно было. А коли не образумятся, сечь будем! Да так, чтоб кровью харкали. Я сам этим займусь!

Стоявший по правую руку от князя слуга протянул ему кусок холстины, и тот долго вытирал вспотевшие лицо и шею. Вдруг его возбудила какая-то шальная мысль. Он хитро посмотрел на меня и крикнул:

— А ну, приведите сюда Настьку!

Устин и Сенька, уже отмеченные за верную службу оловянными перстнями и успевшие хватить по хорошему ковшу браги, проявив прыть, бросились к амбару на другом конце подворья и приволокли оттуда девку Настёну, местную дурочку, одетую в рваную грязную рубаху до пят.

Смех всколыхнул толпу. Гости князя и челядь смеялись с презрительной ленцой, ощерив гнилые рты, словно им вывели на обозрение кривую на один глаз лошадь или немощного от старости ручного медведя с вытертой шерстью на боках, над которыми можно безбоязненно потешаться, и угарное дыхание весельчаков знобило пламя факелов, освещавших двор.

Настёне, дурочке, было пятнадцать, жила она с позволения князя при дворе и кормилась объедками с княжеского стола. На сером обветренном лице ее светились большие синие глаза, полные тайны безумия, смотревшие куда-то в темноту, в свой собственный, никому не ведомый мир.

— Хороша невеста? — ухмыльнулся князь, когда Устин и Сенька подтащили дурочку поближе к свету. — Вот и потолкуй с ней про любовь, а мы послушаем...

Девушка стояла перед толпой, неестественно выпрямившись, словно невидимая сила тянула ее вверх, и что-то негромко пела. Во всей ее тонкой прямой фигуре ощущался какой-то вызов князю и его окружению, хотя сама она, безусловно, не осознавала этого. Сенька ткнул ее кулаком в бок, а затем с силой надавил на ее плечи, и она осела на колени передо мной.

Я хорошо знал Настёну. Она ночевала в хлеву, питалась отбросами, и над нею потешался всякий, кому не лень: князь и держал ее для потехи. Как она появилась на подворье и откуда пришла — никто не помнил.

Стоя на коленях, Настёна покачивалась из стороны в сторону, будто легкая жердина на ветру. Теперь она пела громче, и слова звучали разборчиво.

Улетают утки, улетают серые,
В дальний край летят —
За весной...

Лицо девушки в кровоподтеках походило на яблоко-падалицу с пятнами на боках. Нечесанные волосы топорщились на голове, словно развороченная порывом ветра скирда сена. Отблески огня плясали на ее лице, шее, ключицах, видимых в разрезе грязной рубахи, то облагораживая ее черты, то, наоборот, подчеркивая ее ущербность, и временами она казалась мне зыбким видением, которое вот-вот растает, точно струйка дыма над угасшим костром.

Улетают утки, улетают серые...

— Что же ты, дударь, оробел? — спросил князь, недовольный тем, что потеха, на которую он рассчитывал, приказав привести дурочку, не складывается.

Я попробовал привлечь внимание несчастной девушки.

— Настёна! — обратился я к ней. — Это я, Авсей... Ты узнаешь меня?

Слабоумная еще некоторое время пела сама себе, потом умолкла. Повернула голову ко мне, долго вглядывалась в мое лицо, облизывая бескровные губы. Наконец сказала:

— Я тебя знаю... Ты — пастух...

Грянул хохот, и запрыгало пламя факелов.

— «Пастух»! Вот брюква безмозглая! — взвыл восторженно пьяный люд, хлопая себя по ляжкам и животам. — Вот сучье семя!

Князь зашелся хриплым смехом, опираясь о лавку и поднимая вверх правую ногу.

— А дурка права, — сказал он, отсмеявшись, — в пастухи тебя надо определить... Но сперва высечь! И все, что между ног, плетью пообтесать! А потом со скотиной на дальние выпасы отправить!

Меня мало заботили пьяные речи князя и зубоскальство его гостей, и я опять обратился к девушке. Быть может, подумал я, она, эта слабоумная, и есть то последнее, что мне дано увидеть перед смертью. Мне хотелось, чтобы ее убогий ум посетило озарение, и она ответила бы мне осмысленным взглядом. Ведь Настёна хорошо знала меня, за доброе к ней отношение поверяла мне свои невинные секреты.

— Скажи-ка, милая, кто научил тебя этой песне? — спросил я. — Прежде мне ее слышать не доводилось... А ведь я знаю немало песен.

Признаюсь, меня меньше всего интересовал ее ответ. Просто хотелось сказать ей доброе слово, хотелось сдвинуть с мертвой точки ее помутненное сознание, вызвать в нем какой-то ответный отклик — ведь эта слабоумная девушка была здесь единственным существом, не желавшим мне зла.

Но Настёна по-прежнему не узнавала меня. Что-то не срабатывало внутри — искра не высекалась, и она не выходила из своего мира, недоступного другим.

— Пастух шел, шел, кнут нашел... Баба шла, шла, и гнездо нашла: гнездо птичье — полно яичек, — проговорила она с серьезным лицом.

И опять хохот забулькал, зачавкал, как болотная жижа под ногами. Толпа обливалась пьяными слезами, изрыгала слюну. Устойчивый запах перегара так слился с голосами весельчаков, что тоже порою казался звуком.

Желая вдохнуть свежего воздуха, который несла приближающаяся ночь, я запрокинул голову и увидел, что надо мною дрожат звезды. Они шевелились, будто искры света на темной воде реки, когда ее тревожит бегущая по ней волна. Но мгновение спустя я отчетливо понял, что звезды неподвижны, а меня бьет нервная дрожь. Я трясусь в ознобе от невозможности уйти от этих пьяных харь.

Гости князя, слуги, шутейный люд, дворовые мужики толпились вокруг меня и Настёны, и достаточно было одного движения княжеских бровей, чтобы весь этот народец бросился на нас с кулаками. Разноцветные зипуны и чуги, рубахи в разводах пота и пятнах от жирной еды, бороды в хлебных крошках, красные лица, кисти рук в боевых рубцах, с кривыми после переломов пальцами, широкие лезвия топоров-бердышей, насаженные на длинные ратовища, которые держала княжеская охрана, — все это беспорядочно плавало перед моими глазами, налезало одно на другое, менялось местами, разваливалось на части и опять громоздилось живой стеной, натягивая в го-

лове невидимую тетиву, способную выпустить стрелу, воплощенную в какое-либо безрассудное действие.

Грудь мою стеснило от мерзости этой картины. Я готов был впасть в отчаяние, но тут мой взгляд вновь устремился к Настёне, и я поразился перемене, происшедшей с ней. У нее разгладилось лицо, посветлела кожа, волосы приобрели шелковистый ухоженный вид, в глазах появилось нечто такое, чего не было раньше, а именно — появился свет. При этом девушка по-прежнему оставалась безразличной ко всему, что творилось вокруг. И в этой своей отстраненности от зла Настена была прекрасна. Теперь девушка стояла на коленях, устремив взгляд на пламя одного из факелов, и улыбка озаряла ее лицо. Быть может, ей привиделся неспешный ручей, прихотливо петляющий в луговой траве, или перед ее взором засветился малахитовой окраски жук, кружащий над розовым омутом цветущих яблонь и трубящий о красоте мира... Зачарованно я смотрел на нее и чувствовал, как сильно бьется мое сердце. Она была прекрасна в эту минуту. Я подумал: а вдруг это и есть то, что я искал — лик той самой любви, о которой я слагал свои песни? И девушка эта не безумна, а только прикинулась такой, чтобы уберечь свою красоту и свой мир от этих пьяных убожеств. А они, зрячие слепцы, для которых мир кончается за сеновалом, где они предаются похоти, смеются над ней, не в силах понять ее необыкновенность и величие!

Лицо мое обдало жаром, в глазах потемнело от гнева. Я крикнул, обращаясь к толпе:

— Эй вы, дрянные людишки! Прах на княжеских сапогах! Закройте свои поганые глотки! Эта девуш-

ка лучше, умнее всех вас! — И следом бросил в лицо князю: — Лучше тебя, яма помойная!

Мгновенно наступила тишина. Словно смех, как бечевку, обрезали ножом. Толпа замерла. Никто никогда не говорил князю подобных слов. Тишина была такой, что стало слышно, как где-то в доме, в одной из горниц, цвиркает сверчок, распевая свою привычную песню и грустя о далеких славных временах, когда он — еще в другой жизни — был полевым кузнечиком и, полный молодого задора, летал над лугом в желтом облаке солнечного света; сверчку вторил монотонный звук падающих капель — это там же, в горнице, из опрокинутого на столе кувшина капали на пол остатки браги: кап... кап... кап...

Князь сорвался с лавки и, тряхнув отяжелевшей головой, прорычал:

— Ты, вошь куриная! С князем осмелился тягаться?!

Движимый яростью, он шагнул ко мне и со всей силы ударил сапогом в лицо. Точно подрубленный ствол, хрустнули зубы, и я ощутил острую обжигающую боль. Но боль эта не опрокинула меня, не подмяла, не лишила рассудка. Наоборот, она избавила меня от остатков страха. Страдание придало мне сил. Я не отозвался стоном на боль, чтобы не доставить радость своему обидчику. В этом неравном поединке оборонение боли было единственным моим оружием.

— Пора тебя от башки избавить и вместе с ней от дурных мыслей!

Князь отступил обратно к лавке и щелкнул пальцами:

— Еким!

Толпа расступилась, и вперед вышел долговязый мужичина, угрюмый, длиннорукий, с бородой, росшей черными клочьями. В руках он держал бердыш. Железное лезвие, попав в полосу света, сверкнуло, как жирный сазаний бок. В обыденной жизни Еким был человеком не злым, скорее даже добродушным, любил дворовых собак, пение девок по праздникам. Но стоило ему взять в руки топор, и он преображался. Как дятел выпархивает из дупла, так вылезал из Екима другой человек — жесткий, грубый, не знающий сомнения в деле, которое выполняет. В глазах его загорались злые огоньки, на лице появлялась мрачная гримаса. Вот и сейчас губы его кривились, выражение лица будто говорило: ну что ж, если надо рубить — будем рубить, я готов!

Еким ухватил меня за ворот рубахи и поволок на край двора, туда, где стояла большая дубовая колода, на которой рубили головы домашней птице, а иногда и непослушным князю строптивцам. Земля вокруг колоды была в перьях и в пятнах подсохшей птичьей крови — еще сегодня утром здесь рубили уток для княжеского застолья.

Князь и толпа, подхватив Настёну, покатались за палачом и мною — никто не хотел лишать себя удовольствия посмотреть, как рубят смутьяну голову.

Князь повернулся к слабоумной, отвесил ей оплеуху и жестко приказал:

— Задери рубаху, дура!

Девушка что-то промычала в ответ, но не сделала того, чего от нее требовали.

И тут опять отличился Сенька, стоявший за ее спиной. Ткнул ее костлявым кулаком в затылок.

— Слушай нашего благодетеля, тварь бестолковая... Делай, что говорят!

Настёна застонала от боли и послушно закатила вверх рубашку, оголяя худые ноги, пах с рыжей растительностью и часть живота.

— Выше! — гаркнул князь.

Настёна подняла рубаху до самой груди.

Князь шагнул ко мне, схватил рукой за волосы. Повернул меня к Настёне. И, указывая пальцем девушке между ног, хрипло зашептал над моей головой, словно заговаривал от дурной болезни:

— Смотри, смотри, холоп неразумный... Вот она — твоя любовь, о которой ты пекся... Вся тут!

Он ослабился, довольный собой, — тело его дернулось, точно в судороге, и он разразился гадким смешком. И, уже отступая в сторону, подал Екиму знак приступать к своему делу.

Еким ткнул меня головой в колоду, в утиные перья. Теперь я не видел его, но чувствовал каждое движение.

Он переступил с ноги на ногу, видимо, искал точку опоры поудобнее. Поплевал на ладони, ухватился обеими руками за ратовище бердыша и, отметив мысленно место, куда следует бить, вскинул над собой топор.

В следующий миг — ох, держите злую птицу! — топор, острозубый, немилосердный, рухнул вниз на мою шею. Лопнули, обнажаясь, мышцы; захрустели, дробясь, шейные позвонки, словно медведь проламывался сквозь густой кустарник. И покатилась по земле голова, цепляя утиные перья, оставляя за собой кровавый след. Утратив точку опоры, мир завертел-

ся колесом в моих глазах, опрокидывая привычные представления о предметах и месте их пребывания в пространстве...

В мокрых от вечерней росы лопухах оборвалось движение. Голова остановилась, и я увидел со стороны свое обезглавленное тело, лежавшее у колоды, и осязаемо ощутил, как из раны на шее льется кровь: Авсей... сей... сей... сей...

Настёна, придерживая на животе рубаху, кривилась с гримасой ужаса на лице, осознав, что произошло...

На меня накатил поток яркого света, выбеливая все вокруг, и когда мое «я» пробилось сквозь него, то передо мной предстал бескрайний луг, он катился от горизонта, пенясь поверху летящими стрекозами, дурманя ароматами цветущего разнотравья. Луг подхватил меня, точно легкую лодку, и понес на гребне своей волны в полуденное марево.

Тут вновь передо мной возникла фигура Настёны. Девушка была в светлых одеждах, с длинными в цвет золота волосами, с преображенным милым лицом, лишенным признаков слабоумия. Девушка парила сбоку, на расстоянии пяти локтей от меня, изредка касаясь голыми ступнями травы и с легкостью отталкиваясь от нее. Она махала мне рукой, призывая не останавливаться и продолжать свой путь вперед...

Потом все померкло. Исчез цветущий луг, исчезло солнечное свечение... Передо мной вновь был темный, в зловещих пятнах света двор, была сырость лопухов, кровь, утиные перья, и последнее, что я увидел перед смертью, был князь, который, припав на лавку, мучительно блевал. Рядом услужливо вертелись

зипуны, разноцветные рубахи, потные лица. В эту картину вплелся кусок холстины, которой утирали княжеские лицо и бороду, освобождая их от комьев блевотины, — об убиенном дудочнике уже забыли.

Эх вы, бабы-бабоньки!

Эх вы, девки красные!

Не уберегли вы добра молодца,

Погубили буйную головушку!..

* * *

Историю, описанную выше, мне поведал Вадим Яковлевич Лунин, писатель, фольклорист, собиратель древностей, человек весьма примечательный. В ее подлинности он не сомневался. До нашего времени добежала она, как добегают весенний ручей, бегущий со двора, по улице и дальше до оврага, что-то теряя на пути и вбирая в свой поток новые детали и мелочи.

Много позже, в середине восьмидесятых, в одной из дружеских компаний я познакомился с Игорем Сергеевичем Афанасьевым, археологом. В застолье образовался перерыв, и мы вышли с ним в кухню покурить. Слово за слово — разговорились. И вот что он мне рассказал. Тремя годами ранее нашей встречи принимал он участие в археологических раскопках под Рязанью. В культурном слое, относящемся к IX веку, археологи обнаружили древнее поселение — останки жилых строений и крепостных стен. В течение всего лета извлекали они из земли покрытое ржавчиной древнее оружие и предметы повседневного быта. Афанасьев самым активным образом участвовал в этой работе. Однажды ему попался в руки

металлический предмет. Когда он очистил его от земли, то понял, что перед ним железный бердыш, неплохо сохранившийся. Зазубрины, оставшиеся на лезвии, видимо, после ударов по вражеским доспехам, можно было прощупать пальцами. И странное дело: как только Афанасьев определил, что это за вещь, он вдруг почувствовал сильную боль сзади, чуть ниже затылка, словно кто-то нанес ему удар тяжелым предметом в это место... Боль была такой острой, что Игорю Сергеевичу показалось, что ему отсекали голову, и она вот-вот упадет на землю к его ногам, обутым в старые кеды. Афанасьев схватился за больное место, пальцы его нащупали что-то липкое, и когда он взглянул на руку, то с ужасом обнаружил на ней кровь. Игорь Сергеевич был человеком крепким, немало повидавшим за свою жизнь всякого, и его не так-то просто было привести в замешательство, но здесь он не совладал с собой и лишился чувств. Пришел он в себя, когда его товарищи плеснули ему в лицо водой из канистры. На все расспросы он ничего не мог толком объяснить, только нечленораздельно мычал и трогал шею ниже затылка. Пальцы на этот раз были сухие. Шея у Афанасьева после этого дня болела долго — недели две. Не помогал аналгин, не помогали другие средства от боли. «Чертовщина какая-то! — недоумевал он. — С чего вдруг появилась эта боль? И почему она столь продолжительна?» Афанасьев уже решил оставить экспедицию и отправиться в Москву за помощью к врачам. И вот накануне отъезда пришел Игорь Сергеевич на раскопки, присел на бугор. Сидит и смотрит, как трудятся его товарищи. Шея болит по-прежнему, правда, не так

сильно, как раньше. Сидит он, грустит, что уезжать надо. И вдруг видит: мимо зоны раскопок по проселочной дороге идет стадо коров. А позади шагает пастух, щуплый такой, белобрысый паренек, и играет на рожке. Мелодия простая, ничего особенного, скорее даже заунывная. Но играет складно. Кнут у него под мышкой — коровы на выпас сами идут, подгонять не надо. Идет пастух, играет свою нехитрую музыку, и ему хорошо, и ничего ему сейчас не надо — ни водки, ни радио, ни велосипеда, ни других предметов, милых сердцу сельского жителя. Посмотрел на него Афанасьев, почувствовал умиление от столь бесхитростной пейзажной картины и ощутил волнение в душе и двойную грусть оттого, что до срока приходится покинуть полюбившиеся места. А пастух со стадом тем временем дошел до рощи, шумевшей за палаточным лагерем археологов, и скрылся в ней, щелкнув пару раз кнутом для порядка, чтобы его подопечные далеко не разбредались. Как только пастух исчез за деревьями, Игорь Сергеевич почувствовал какую-то перемену в себе. И только несколько мгновений спустя сообразил, что боль, терзавшая его две недели, бесследно прошла. И опять голове было легко и удобно на своем месте. Он поднялся с земли, попрыгал для порядка, провоцируя возвращение исчезнувшей боли. К счастью, она не вернулась. В тот же день Афанасьев вновь приступил к работе. Правда, к бердышу, который был найден при раскопках две недели назад и в котором Игорь Сергеевич видел источник своего странного недомогания, отныне он не решался прикасаться. Рассказывая обо всем этом — о находке бердыша, о боли, возникшей ниже

затылка, о неожиданно закровившей шее, о двухнедельных страданиях, о пастухе, гнавшем коров на выпас, и о его игре на рожке, оказавшей такое целебное действие на страдальца, — Афанасьев смотрел мимо меня — в темное кухонное окно, за которым была ночь. В конце своей истории он устремил на меня внимательный взгляд выцветших голубых глаз и спросил: «Странно, не правда ли? Вся эта связь прошлого с заболевшей шеей?..»

Содержание

Оркестровая яма	5
Коктейль	23
День рождения Маношина	40
Селедка	63
Камера преображения	82
Туфли	108
Ваза из чешского стекла	124
Теннисный мяч	138
Армянский коньяк	155
Жизнь городского стрелка	185
«Мадамы!»	205
Творец	216
Выпьем пива!	225
Дудочник Авсей	238

Литературно-художественное издание

ЛОНСКОЙ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Оркестровая яма

рассказы

Технолог
Басипова С.С.

Оператор компьютерной верстки
Симонова Ю.С.

Корректор
Савиных Д.В.

Подписано в печать 30.07.2012

Формат 84×108/32

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»
107259 г. Москва,
Бухвостова 1-я ул., д. 12/11

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14